

А. СТРИНДБЕРГЪ СОЧИНЕНІЯ

21 / 282

ГОТИЧЕСКІЯ
КОМНАТЫ

Августъ Стриндбергъ.

Августъ Стриндбергъ.

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ.**

Томъ VIII.

Изданіе В. М. Саблина.

Августъ Стриндбергъ.

НЕ КОПИРОВАТЬ

ГОТИЧЕСКІЯ КОМНАТЫ.

Переводъ А. Владиміровой.

Москва — 1909.

2007085850

Типографія В. М. Саблина.

Москва, Петровка, домъ Обидиной. Телеф. 131-34.

Готическія комнаты.

I.

Комнаты въ готическомъ стилѣ были освѣщены электричествомъ, и два кельнера накрывали на столъ.

Вошли два господина во фракахъ и окинули взоромъ всѣ приготовленія, которыя, видимо, дѣлались подъ ихъ наблюденіемъ.

— Ты давно здѣсь не бывалъ! — воскликнулъ одинъ изъ вошедшихъ, архитекторъ Куртъ Боргъ, племянникъ доктора Борга, носившаго прозвище Страшнаго.

— Да, — отвѣчалъ художникъ Селленъ, — я пятнадцать лѣтъ здѣсь не былъ. Прошло пятнадцать лѣтъ, какъ я сидѣлъ въ Красной Комнатѣ и философствовалъ съ Арвидомъ Фалькомъ, съ Олэ Монтансомъ и другими. Не можешь ли ты, какъ архитекторъ, воспроизвести планъ нашей старой комнаты?

Архитекторъ, уже бывавшій здѣсь, обозначилъ носкомъ башмака трапецію на коврѣ и объяснилъ, какъ было устроено раньше.

— Да, я всегда говорю, — добавилъ Селленъ, — времена мѣняются, но мы остаемся все такими же.

Онъ взглянулъ на послѣдшіе виски собесѣдника и продолжалъ:

— Арвидъ Фалькъ, да, тотъ, вѣроятно, надломленъ. Да живъ ли онъ еще?

— Да, они его убили, но онъ живетъ; точно такъ же, какъ они убили нашего Сираха, этого сына Рембранта, лучшаго изъ нашихъ людей, павшаго въ переднихъ рядахъ со знаменемъ въ рукахъ.

— И мы должны сегодня провести вечеръ съ этими убійцами?

— Да, видишь ли, вѣдь тотъ, котораго мы собираемся чествовать, норвежецъ, и мы не можемъ исключить его старыхъ парижскихъ и римскихъ друзей.

— Разумѣется, этого сдѣлать нельзя; но если придетъ сюда дядюшка Боргъ, то можетъ произойти недоразумѣнiе.

— Хуже всего то, что нашъ норвежецъ Лагъ Лангъ воображаетъ себѣ, что это будетъ примирительный праздникъ. Вѣришь ли ты въ примиренiе?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ рѣшительно Селленъ. — Мы уже пробовали, но ничего не вышло. Напримѣръ, Лундель: онъ принялъ приглашенiе въ академiю, чтобы изнутри отворить ворота крѣпости, дабы произвести реформы и умнротворить; тогда его заперли, а теперь онъ пишетъ, какъ профессоръ. Нѣтъ, ты имъ не вѣрь! Они вотъ что говорятъ: «приди къ намъ; стань такимъ, какъ мы; приди, и если въ нашихъ рукахъ будетъ власть, мы дадимъ тебѣ орденъ Вазы; приди и пребывай подъ нами, тогда мы будемъ надъ тобой». Нѣтъ, благодарю покорно! Лучше оставаться снаружи, на мостовой и сдѣлаться бродягой! Помнишь ли ты еще пѣснь Лассэ въ Парижѣ, въ кабачкѣ!

— Да! Парижъ!.... А теперь мы опять дома... Какъ ты себя здѣсь чувствуешь?

— Душно! Отвратительно! Воздухъ не шелохнется, а

приближается конецъ вѣка; чего-то ждуть. Но чего?

— Увидимъ!

Движеніе за дверью указывало, что свѣзжаются гости.

Вошелъ толстенькій, выбритый, въ перчаткахъ, художникъ профессоръ Лундель. На фракѣ красовался орденъ Вазы.

— Сними ты эту штуку, — обратился къ нему Куртъ Боргъ и попробовалъ отстегнуть звѣзду.

— Нѣтъ, оставь! — запротестовалъ добродушно Лундель, привыкшій уже къ тому, что съ нимъ шутятъ.

— Да вѣдь это оскорбленіе Лангу, нашему юбиляру, у котораго звѣзды нѣтъ, хотя у него заслугъ и больше, чѣмъ у тебя. Кельнеры могутъ его и насъ счесть за людей наказанныхъ; понимаешь ли ты?

— Нѣтъ!

Снова движеніе за дверью. Вошелъ консулъ Исаакъ Леви, бывшій членъ Красной Комнаты, и пожалъ у Селлена, Лунделя и Борга руки.

Загѣмъ группами стали прибывать гости. Какъ тучка, бросающая свою тѣнь на лужайку, вошла группа академиковъ.

Съ громовымъ трескомъ вошелъ докторъ Боргъ, по прованію Страшный, двоюродный дядя архитектора. Бросая вокругъ себя вызывающіе взгляды, онъ поздоровался, привѣтствуя каждаго колкими замѣчаніями.

Потомъ появились мужчины съ дамами. Бросалось въ глаза, что академики своихъ женъ не привезли; для нихъ общество не было достаточно *comme il faut*, и всѣ знали, что здѣсь будутъ говорить на языкѣ, напоминающемъ чистое шведское нарѣчіе. Кромѣ того, этимъ подчеркивалось, что по закону общество не должно было чествовать норвежца, и что у дамъ художниковъ такія манеры, которыя

въ гостинныхъ не приняты. Были даже разговоры о томъ, что художники имѣють своихъ «пріятельницъ», а такъ какъ ихъ трудно отличить отъ другихъ женщинъ, то легко могли произойти недоразумѣнія.

Наконецъ, вошелъ и знаменитый человѣкъ, на голову выше всѣхъ остальныхъ. То былъ Лагэ Лангъ, современный художникъ съ извѣстнымъ именемъ. Пользующійся всеобщей любовью, богатый, гостепріимный, онъ стоялъ внѣ шведской обособленности и потому шелъ безпрепятственно среди огня, котораго не ощущалъ.

Чествовали друга и художника, но хотѣлось кстати произвести нѣкоторую демонстрацію передъ норвежцами; хотѣлось показать, что нація не раздѣляетъ видовъ правительства, считающаго Норвегію за насильственно занятую провинцію; хотѣлось своими собственными силами утихомирить возжигасмую сверху ненависть противъ братскаго народа, благо котораго не могло быть прочнымъ при управленіи страной по телефону изъ Стокгольма, какъ отдаленнымъ помѣстьемъ, довѣреннымъ нерадивому управителю.

Поэтому почетнаго гостя сейчасъ же повели на балконъ, выходящій въ переполненный публикой музыкальный залъ. Какъ только онъ показался, прервали музыку, и оркестръ заигралъ норвежскій національный гимнъ.

Профессора образовали свой замкнутый кружокъ и остались въ залѣ, такъ какъ чувствовали, что тамъ на балконѣ творится что-то недозволенное, къ чему имъ не слѣдовало присоединяться.

Вскорѣ гостя повели къ столу.

Это былъ французскій ресторанный ужинъ. Передъ каждымъ приборомъ лежали по шести устрицъ и стояла раскупоренная бутылка бѣлаго вина безъ этикетки, совсѣмъ какъ у Laurent въ Грецѣ. Это дало тонъ всему ужину:

пробудились воспоминанія, и вернулось настроеніе 80-хъ годовъ, несмотря на то, что дѣло происходило въ осторожныхъ 90-хъ годахъ. Достаточно было какого-нибудь собственного имени, чтобы вспыхнулъ огонь.

— Барбизонъ! Марлотъ, Монтини, Немуръ! О! — Или: Манэ, Монэ, Лепажъ! О!

Еще рѣчей никто не произносилъ, но всѣ говорили сразу, свободно и дружелюбно; царили единодушіе и веселость.

Къ десерту настроеніе дошло до экстаза. Стали бросать черезъ столъ апельсины, въ воздухъ полетѣли салфетки, закружился кольцами табачный дымъ, спички зажигались въ родѣ ракетъ; откуда-то появилась гитара; запѣли хоромъ пѣсни Спада. Это было сигналомъ къ прекращенію соблюденія приличій. Профессора увлеклись какъ и другіе и стали юными; они отцѣпили свои ордена и раздавали ихъ во всѣ стороны; у Селлена на спинѣ висѣлъ орденъ Вазы, а у одного изъ кельнеровъ на плечѣ красовался орденъ Почетнаго Легіона:

Наконецъ, раздался стукъ по столу, и докторъ Боргъ сказалъ слѣдующее:

— Мы пили за друга нашего Лагэ Ланга, за художника, теперь я хочу еще выпить за норвежцевъ! Вы не думайте, чтобы я любилъ норвежцевъ съ ихъ мужицкимъ хвастовствомъ. Я самъ женатъ на норвежкѣ, какъ вамъ извѣстно, и это прямо дьявольское племя; но я люблю справедливость. Я хочу видѣть покорность упрямой націи въ томъ, что она ежегодно посвящаетъ шесть недѣль нашему королю, и я не желаю интимности съ чужимъ намъ именемъ, имѣющимъ совсѣмъ различное съ нами развитіе; я бы не хотѣлъ видѣть, чтобы норвежцы въ шведскомъ риксдагѣ вмѣшивались въ наши дѣла и на все го-

ворили бы «нѣтъ», какъ поляки и эльзасцы въ германскомъ рейхстагѣ; я хочу мира съ сосѣдями, и этотъ миръ можетъ быть достигнутъ лишь путемъ расторженія узъ, какъ всякій несчастливый бракъ. Свободные норвежцы и свободные шведы сильны добровольнымъ союзомъ, но слабы династичной уніей, которая вовсе не есть единеніе. Норвегія есть de facto королевство, какимъ является Богемія по отношенію къ Австріи, и въ такомъ видѣ она страшнѣй, чѣмъ будучи союзной. Политика шведскаго правительства обманчива и ведетъ свое начало со времени Священнаго союза, когда право народа и справедливость оставлялись въ сторонѣ; было все сдѣлано для того, чтобы пробудить ненависть между родственными народами, но горе тѣмъ, которые, чтобы лучше властвовать, пытались вселить раздоръ! Горе имъ! Насъ, работавшихъ за единеніе и примиреніе, называютъ предателями родины. Того, кто такъ про насъ говоритъ, я называю болваномъ! Вотъ вамъ мое слово! Лагэ Лангъ, я подымаю бокалъ за свободную Норвегію, безъ чего не можетъ быть свободной и мирной Швеціи!

— Свободная Норвегія! Лагэ Лангъ!

Профессоръ Лундель попросилъ слова; когда же онъ заговорилъ о Россіи, о Кильскомъ мирѣ и о переговорахъ, поднялся заглушающій его голосъ говоръ, и кончилось тѣмъ, что собравшіеся прервали его пѣніемъ «Norges Baeste».

Послѣ того, какъ Лагэ произнесъ свою отвѣтную рѣчь, всѣ встали изъ-за стола, и начался настоящій карнавалъ.

Отдѣлились маленькія группы, чтобы поболтать, а на балконѣ усѣлись консулъ Леви, Селленъ и Куртъ Боргъ.

— Ну, сегодня, кажется, всѣ за одно, — замѣтилъ Леви. Думаете ли вы, что такъ будетъ долго?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Селленъ, — это только перемиріе.

— Что же они вамъ сдѣлали, эти профессора?

— Этого вы постигнуть не можете, вы, стоящіе въ сторонѣ. Они стѣсняють, они образуютъ общественное мнѣніе, они давятъ; впрочемъ, мы — какъ два враждебныхъ племени, и я того мнѣнія, что борьба должна быть, а то всѣ бы одинаково малевали, и изъ этого произошло бы китайское искусство, которое стоитъ на мѣстѣ, и которое заключается въ проведеніи щетки по наведенному узору. Къ тому же, — борьба развиваетъ силу и пробуждаетъ духъ.

— Да, да, — вмѣшался Леви, — но послѣ раздора борцы заключаютъ миръ.

— Если условія мира пріемлемы, — да! — возразилъ Куртъ Боргъ, — но они не таковы. Они требуютъ подчиненія, а на это соглашаться нельзя; они требуютъ нашу душу, нашъ разумъ... и все! Мы не составляемъ отдѣльной партіи, но чувствуемъ, что составляемъ одну семью, а тѣ, — я не знаю, что они за люди; на меня они производятъ впечатлѣніе демоновъ, которыхъ я ненавижу, какъ что-то положительно злое; когда боги старѣють, они становятся демонами, а они, навѣрное, считаютъ себя преемниками боговъ, потому что они здѣсь Божьей милостью, говорятъ и думаютъ о Божьей милости, а когда они поступаютъ неправильно, то ссылаются на Божью милость. Я ихъ не понимаю, и они меня не понимаютъ.

— Они являются тормазами, которые должны регулировать быстроту, — сказалъ Леви.

— Да, благодарю покорно! Въ такомъ случаѣ я предпочитаю съ большей пользой и большей честью быть паровикомъ.

Теперь появился на балконѣ Лундель подъ руку съ

женой академика-художника, попавшей въ эту странную компанію.

Въ это время внизу на эстрадѣ итальянецъ-пѣвецъ пѣлъ блестящую вещь, наэлектризовавшую всѣхъ, и одурманенная празднествомъ дама вздумала бросить сверху пѣвцу розу. Но было слишкомъ далеко до эстрады, роза пролетѣла, какъ метеоръ, и попала на пиджакъ сидѣвшаго у мраморнаго столика господина.

Одинокое сидѣвшій господинъ закручивалъ папироску, когда роза упала на него; онъ остановился, взялъ розу и взглянулъ наверхъ, на галерею.

— Это Сирахъ! — воскликнулъ Селленъ, и всѣ закивали одинокому господину съ красной феской на головѣ и довольно странно одѣтому.

Но Сирахъ, видимо, не узнавалъ ни одного изъ своихъ старыхъ друзей, воткнулъ розу въ петлицу и продолжалъ крутить свою папиросу.

— Онъ не узнаетъ насъ! — замѣтилъ Селленъ. — Не пойти ли мнѣ внизъ и не привести ли его?

— Тогда я уйду, — коротко объявила дама; и я жалѣю мою розу, попавшую на такую неопрятную одежду.

— Да, уйди, пожалуйста, Августа, — прервалъ ее подошедшій докторъ Боргъ, — тебя вѣдь никто и не звалъ.

— Довольно, Боргъ, — сказалъ Лундель.

— Молчи, — заявилъ докторъ. — Сидящій тамъ внизу — бывшее свѣтило, онъ долженъ былъ бы сегодня быть здѣсь первымъ лицомъ, если бы ты и тебѣ подобные не подали ему кубка съ отравой! Ты даже не стоишь того, чтобы онъ плюнулъ тебѣ въ лицо! Нѣтъ! потому что вы когда-то, — ты это знаешь, — лишили его чести, хлѣба и даже чувства.

Загѣмъ, обернувшись къ Селлену, онъ продолжалъ:

— Пусть Сирахъ пребываетъ въ своемъ призрачномъ мірѣ; тамъ ему лучше, чѣмъ мы думаемъ! Да онъ къ тому же и не узнаетъ насъ!

Подошелъ Лагэ Лангъ; увидавъ внизу стараго друга, онъ страшно обрадовался и собирался крикнуть въ честь его «ура» и провозгласить тостъ за «нашего лучшаго художника». Его отъ этого удержали — и къ счастью, такъ какъ, во-первыхъ, это могло бы дать поводъ къ призыву полиціи, а во-вторыхъ, никто въ залѣ его не зналъ какъ художника, а только, пожалуй, какъ слабоумнаго и погибшаго человѣка, на котораго обращали вниманіе на улицѣ, благодаря его красной фескѣ и странному одѣянію.

Сирахъ продолжалъ сидѣть на томъ же мѣстѣ. Взглядъ его блуждалъ надъ группой людей; казалось, будто онъ никого не видитъ изъ присутствующихъ, а весь поглощенъ тѣми таинственными образами, которые онъ одинъ видитъ.

Какое-то смущеніе легло на собравшихся въ готическихъ комнатахъ, и можно было думать, что близится буря.

Профессора, не дожидаясь того, чтобы она разразилась, удалились.

Туча нависла надъ обществомъ. Удовольствіе отъ выпитаго хорошаго вина омрачилось воспоминаніемъ о погибшихъ, умершихъ и искалѣченныхъ, а Сирахъ былъ не единственной жертвой.

Наконецъ, вдали замолкла музыка. Наступила полночь, и залъ, окутанный голубымъ облакомъ табачнаго дыма, опустѣлъ. На маленькомъ мраморномъ столикѣ, возлѣ котораго сидѣлъ Сирахъ, видѣлось красное, какъ кровь, пятно. То была роза, въ которой до болѣзненности впечатлительный человѣкъ, въ концѣ концовъ, усмотрѣлъ врага, и которую онъ поэтому, уходя, оставилъ здѣсь.

Всѣ встали и проводили юбиляра до низу. У подъѣзда

стоялъ шикарный экипажъ съ егеремъ возлѣ кучера. У егеря на шляпѣ красовались перья, а на боку висѣлъ кортикъ

— Кто это такой франтъ, что поѣдетъ въ этой каретѣ? — спросилъ Селлень.

Егеръ стоялъ теперь у отворенной дверцы кареты и впустилъ въ нее Ланга.

— Я поѣду! — воскликнулъ Лагэ. — Я живу у двоюроднаго брата, въ домѣ норвежскаго консульства, куда и вы всѣ, всей компаніей, приглашены послѣзавтра обѣдать.

Послѣднія слова были покрыты громкими криками «ура», и по мановенію руки норвежца всѣ, кто только могъ, забрались въ карету, и она покатила къ Блазиохольму. Докторъ Боргъ завладѣлъ трехгранной шляпой егеря и его кортикомъ и собирался, какъ онъ выразился, «командовать парадомъ», т.-е. взять въ руки возжи и повернуть экипажъ по направленію къ ресторану «Stallmeister».

— Берегись! — кричалъ Исаакъ Леви.

Но карета скоро благополучно въѣхала на дворъ посольства.

Боргъ требовалъ, чтобы на дворъ принесли вина, но, хотя норвежецъ и находилъ это возможнымъ, остальные отклонили это предложеніе, и, въ концѣ концовъ, всѣ простились.

Тогда началась ночная прогулка, какъ часто бываетъ по окончаніи ужина.

Отправились вмѣстѣ докторъ Боргъ, Куртъ Боргъ, Исаакъ Леви и Селлень. Они пошли по набережной, и взоры ихъ остановились на замкѣ.

— Да, вотъ онъ замокъ! — воскликнулъ архитекторъ Куртъ, — какъ онъ стоитъ хорошо!

— Да! это пока, — замѣтилъ докторъ, — но когда воз-

двигнуто будетъ изъ гранита зданіе риксдага, тамъ на Хельгенсхольмѣ, оно будетъ имѣть другой видъ.

— И почему же нѣтъ: это вѣдь духъ времени,—возразилъ Леви.—Теперь вѣдь правительство засѣдаетъ въ риксдагѣ; но почему? Этого никто не знаетъ. По основнымъ законамъ король имѣетъ право выбирать своихъ совѣтниковъ, теперь же выбираетъ ихъ Карлъ Иварсонъ.

— Ты съ ума сошелъ!

— Нѣтъ! Крестьянинъ рѣшаетъ выборы депутатовъ и, слѣдовательно, опредѣляетъ, когда должны уходить министры. Слѣдовательно, кто же управляетъ, какъ не онъ?

— Слушайте! вотъ гдѣ будетъ стоять новое зданіе оперы,—прервалъ Селленъ, ненавидѣвшій политику.

— Да! у насъ будетъ опера! Что на это говоритъ риксдагъ?

— Вопросъ этотъ рѣшенъ утвердительно.

Загѣмъ они прошли по Сѣверному мосту на Монетную улицу, къ рынку.

— Вотъ еще стоитъ Рыцарскій домъ! — сказалъ Селленъ.

— Да, и я присутствовалъ при томъ, какъ его записали, — заявилъ докторъ Боргъ. — Подумайте-ка, господа, какой конецъ! Фалькъ предвидѣлъ это!

— А вотъ и церковь Риттерхольма съ Карломъ XII и со всѣмъ прочимъ!

— Ты думаешь о Густавѣ Адольфѣ: хотя его и не называешь.

— А кстати, о Густавѣ Адольфѣ; знаете ли вы, что этотъ небольшой склепъ называется Вазовскимъ и что тамъ лежитъ тѣло его сына отъ Маргариты Кабелью?

— Да, что это за безвкусіе! Но видѣли ли вы въ церкви могильную плиту стараго Кабелью? Я ее не видалъ,

но она значится въ описаніи церкви. Вотъ какъ у насъ чтутъ наши древніе памятники!

— Я на-дняхъ прочелъ,— сказалъ докторъ,— какъ въ 1793 году толпа опустошала St.-Denis, и какъ всѣ королевскіе гробы были вскрыты и опустошены. Тогда можно было сдѣлать интересныя психологическія открытія. Людовикъ XV, на примѣръ, оказался просто какимъ-то чернымъ, прогнившимъ, вонючимъ препаратомъ.

— Слушайте-ка, такъ какъ мы заинтересовались церковью, не хотите ли вы осмотрѣть мою церковь?— предложилъ архитекторъ.— Я ее, конечно, не строилъ, но реставрировалъ ее; ключи у меня въ карманѣ, а Исаакъ, если захочетъ, сыграетъ на органѣ.

Это было въ стилѣ доктора, и рѣшили итти осмотрѣть церковь Курта, какъ ее прозвали.

Когда они вчетверомъ вошли въ полутемный храмъ, только слабо освѣщенный сквозь окна уличными газовыми фонарями, ихъ невольно покорили величіе зданія и чудесныя линіи сводовъ; они скинули шляпы и тихо подошли къ алтарю.

— Я былъ здѣсь двадцать лѣтъ тому назадъ,— началъ докторъ,— и что-то я ничего не узнаю. Гдѣ образъ, висѣвшій надъ алтаремъ?

— Его нѣтъ больше,— отвѣчалъ Куртъ.— Теперь у насъ зато есть дарохранительница, жертвенникъ и подсвѣчникъ.

— Да вѣдь это какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ,— замѣтилъ Исаакъ.

— Мы, значить, возвращаемся къ старинѣ,— отвѣтилъ Куртъ Боргъ.

— А это? Что это такое?

— Это купель для крестинъ или баптистеріумъ.

— И это ты написалъ картины по стѣнамъ?..

— Да, это въ стилѣ собора...

— А кафедра разрушена!

— Вѣдь самое священное, это главный алтарь.

— Ты католикъ?

— Нисколько, но соборъ католическій; протестантизмъ не имѣетъ своего церковнаго стиля, потому что у него нѣтъ позитивнаго смысла.

— Прекрасно вы однако реставрируете соборы; вы возстановляете ихъ въ ихъ первоначальной красотѣ, какими они были до реформаціи. Берегитесь, какъ бы вамъ не выкопать старый католицизмъ.

— Да, тутъ они немного заигрываютъ съ католицизмомъ, совсѣмъ какъ во времена Аттербома. Самъ пасторъ, ярый игрокъ въ покеръ, долгое время находился подъ подозрѣніемъ въ принадлежности къ католицизму; и онъ, соединившись съ цѣлымъ кружкомъ пасторовъ, предложилъ ввести измѣненіе въ богослуженіи и придать ему побольше красоты. Это, впрочемъ, началось въ 70-хъ годахъ отыскиваніемъ нашихъ старинныхъ служебниковъ и молитвенниковъ, которые находили частицами, въ видѣ обложекъ отъ документовъ въ коллегіяхъ; ихъ реставрировали и понемногу издавали. Тутъ оживали воспоминанія о нашемъ національномъ святомъ покровителѣ Швеціи, святомъ Эрихѣ. Капельмейстеръ Норманъ написалъ музыку на старинные псалмы; Вирсенъ чуть не задохся въ дыму ладана въ соборѣ Сіены; а профессоръ Бистремъ началъ реставрацію церковной музыки на прежнихъ основаніяхъ; въ музеѣ Стена образовалась коллекція старинной церковной утвари; монастырь Вадстена былъ снова возобновленъ; соборъ въ Упсалѣ былъ обновленъ и заново отдѣланъ, а архіепископъ поѣхалъ въ Римъ, пожалъ панѣ руку, и тотъ открылъ еретику двери бібліотеки Ватикана. Что тутъ

опаснаго? Это только указываетъ на примиреніе между матерью и сыномъ, а чего лучше, какъ когда родственники въ дружбѣ, въ особенности если оба—христіане, и между ними встали лишь въ прошломъ различія догматовъ.

— Да,—возразилъ докторъ,—это такъ мало меня интересуешь, потому что я, вѣроятно, язычникъ; мой дѣдъ со стороны матери былъ, какъ говорятъ, негръ, я же не принадлежу къ этой овечьей породѣ, хотя она мнѣ не враждебна, но все-таки чужда.

— Да, это касается тебя. Но лютеране кричатъ хоромъ, во главѣ со своимъ пасторомъ. Слабые сосуды даютъ трещины, какъ только вольтется въ нихъ новое вино.

— Вѣрно ли, что Фалькъ сталъ католикомъ?

— Это ложь; но лютеранство охватила такая паника, что они видятъ даже іезуитовъ, хотя я такихъ не видалъ. Іезуитство уничтожено, но ихъ видятъ, какъ прежде іезуиты «видѣли» масоновъ. Они и меня называютъ іезуитомъ, меня!!! меня!!!

— Кажется, въ церкви происходитъ то же, что и въ синагогѣ,—замѣтилъ Исаакъ.

— Что же дѣлается въ синагогѣ?—спросилъ докторъ.

— Она напоминаетъ скорлупу улитки: животное выползло изъ нея и погибло. Синагога стала пустымъ служеніемъ, въ которомъ слышится лишь слабое жужжаніе, отголосокъ когда-то кипучей жизни.

— Это ты правъ, Леви. Но что это за барабанный бой, раздающійся за послѣднее время?

— Ты говоришь объ Арміи Спасенія? Это интернациональные христіане, которые открываютъ свои храмы всѣмъ исповѣдующимъ Христа. У нихъ не существуетъ теологій,

катехизиса и твердо установленншихся обрядовъ; они не дѣлаютъ разницы между католиками и протестантами; это живое христіанство съ вѣрой и добрыми дѣлами. Это маленькое «и» есть звено между раздѣленными церквами, которыя спорятъ о вѣрѣ и ли добрыхъ дѣлахъ.

— А кто же ты самъ?—спросилъ, наконецъ, Селленъ.

— Этого я не знаю! Пожалуй, свободомыслящій христіанинъ; христіанинъ, потому что я родился въ христіанской семьѣ; свободомыслящій, потому что я не могу прикнуть къ какой-нибудь изъ «признанныхъ» церквей.

— Но ты христіанинъ?

— Да, такъ же, какъ Исаакъ еврей, а дядюшка Боргъ—язычникъ.

— Теперь я желаю послушать музыку,—прервалъ разговоръ докторъ.—Пусть Исаакъ поиграетъ на органѣ, а я буду раздувать мѣхи.

Къ счастью, органъ оказался запертымъ, а ключа у Курта съ собой не было. Это разсердило доктора, пришедшаго въ настроеніе пировъ времянъ Красной Комнаты и чувствовавшаго неудержимую потребность выкинуть что-нибудь особенное. Онъ требовалъ ключъ отъ колокольни, хотѣлъ подняться на нее и тамъ въ большой колоколъ созвать народъ. Послѣ того какъ и этотъ планъ былъ отклоненъ, компанія вышла и разсталась возлѣ извозчичьей биржи.

II.

Редакторъ Густавъ Боргъ, старшій братъ доктора, сидѣлъ, покуривая свою утреннюю сигару, въ своей конторѣ, и проглядывалъ почту. Она приносилась въ маленькомъ жестяномъ ящичкѣ, ключъ отъ котораго находился у ре-

доктора. Въ этомъ ящикѣ заключались тайны редакціи: тамъ находились различныя опроверженія, заявленія, просьбы, анонимныя письма, грубыя открытыя письма. Заведенъ былъ ящикъ именно изъ-за этихъ послѣднихъ, такъ какъ прежде ихъ прочитывали служащіе въ конторѣ и редакціи, что было нежелательно и не всегда удобно.

Долго пришлось редактору привыкать къ разборкѣ почты и не приходиться каждый разъ въ бѣшенство. Часто это стоило ему большихъ волненій, но все же онъ теперь приобрѣлъ такую опытность въ распечатаніи писемъ, что иногда при одномъ взглядѣ на почеркъ и на подпись соображалъ, стоитъ ли читать письмо, или лучше просто бросить его въ корзину.

Сегодня дѣло шло нѣсколько медленнѣе, потому что впервые за все время существованія газеты редакторъ получилъ открытыя письма съ похвалою и благодарностью отъ людей правыхъ партій и отцовъ семействъ за то, что онъ наканунѣ въ своей газетѣ возсталъ противъ социализма.

Густавъ Боргъ родился въ срединѣ прошлаго столѣтія и до 1890 года жилъ либеральными идеалами сороковыхъ годовъ, заключающимися въ слѣдующемъ: конституціонная монархія (или предпочтительнѣе республика), свобода вѣроисповѣданія, всеобщее голосованіе, эмансипація женщинъ, народныя школы и т. д. Онъ принималъ участіе въ измѣненіи представительства въ 1866 году и считалъ, что настало тысячелѣтнее владычество. Но оно не наступило. То, на что, казалось, можно было рассчитывать—не сбылось. При новыхъ выборахъ въ 1867 году получился слѣдующій результатъ: дворянство, прежде представленное одной четвертью, одержало побѣду, такъ какъ составляло теперь двѣ трети всѣхъ представителей, несмотря на то,

что былъ уничтоженъ домъ рыцарей. Духовенство сократилось съ четверти на одну тридцатую. Наше папство, слѣдовательно, потеряло свою свѣтскую власть. Число представителей отъ горожанъ сократилось съ четверти на одну шестую. Крестьяне сохранили свою четверть изъ общаго числа выборныхъ, но власть ихъ усилилась, благодаря системѣ двухъ палатъ. Домъ рыцарей былъ, несомнѣнно, уничтоженъ, но большинство въ верхней палатѣ составляли должностныя лица, слѣдовательно, крупные землевладѣльцы, по большей части дворяне.

Это былъ, значитъ, въ сущности, парламентъ, какъ въ древнемъ Римѣ, состоящій изъ патриціевъ и плебеевъ. При болѣе близкомъ ознакомленіи съ дѣломъ казалось, что плебеи имѣли несомнѣнный перевѣсъ, и это должно было радовать всякаго либерала; но при еще болѣе тщательномъ разсмотрѣніи выяснялось, что плебеи были консервативны.

Въ этомъ вавилонскомъ столпотвореніи Густавъ Боргъ потерялъ голову. Его нѣсколько абстрактные взгляды на политику привели его къ убѣжденію, что риксдагъ займется всецѣло теоріями государственнаго права, тогда какъ его прямой задачей было бы озаботиться о насущныхъ и неотложныхъ нуждахъ населенія. Онъ просунулъ голову въ собственную петлю, такъ какъ всегда защищалъ права большинства, а теперь увидѣлъ выбранное народомъ большинство сидящимъ у кормила. Швеція была сначала страшной земледѣльческой, и поэтому большинство было въ рукахъ землевладѣльцевъ. Это было логично; чередъ дошелъ до крестьянскихъ нуждъ: ихъ старыя жалобы были разсмотрѣны, старыя злоупотребленія переданы въ судъ. Съ этимъ онъ согласиться не могъ. Когда же это самое большинство захотѣло издавать законы по вопросамъ культу-

ры, рѣшать, о чемъ нація должна думать и во что вѣрить, и вздумало ввергать въ темницы тѣхъ, кто работалъ для будущаго, тогда онъ увидѣлъ себя въ необходимости принять энергичныя мѣры и выступить противъ своихъ плебеевъ. Но, благодаря этому, онъ впалъ въ противорѣчіе съ самимъ собой и зашатался.

Разнородность факторовъ дѣлала исчисленія еще болѣе запутанными; такъ какъ, когда онъ увидѣлъ, что отъ новаго образа правленія королевская власть ослабѣвала, онъ не могъ удержаться, чтобы не поддерживать плебеевъ, несмотря на ихъ скупость, нетерпимость и лѣнь. Были моменты, когда ему казалось, что возвращается время свободъ. Вѣдь, дѣйствительно, риксдагъ низвергалъ совѣтниковъ короля; предложенія о сокращеніи королевскихъ удѣловъ слѣдовали быстро одно за другимъ, и дебатировался вопросъ о содержаніи дворцовъ принцевъ.

Всѣ давнія политическія идеи заглохли; совершалась большая промывка, во время которой попадали въ одну общую кучу и грубыя рубища и тонкое полотняное бѣлье, и стало почти невозможнымъ отличить черное отъ бѣлаго, мое отъ твоего. Всѣ стали лицомъ къ лицу съ большимъ парадоксомъ: консервативные плебеи низвергали королевскую власть, и это тройное внутреннее противорѣчіе дѣйствовало на подобіе электрическаго угля — его невозможно было схватить, отчасти потому, что оно было гладко, какъ угорь, и отчасти потому, что оно было заряжено. При прикосновеніи къ нему получались удары, и оно уклонялось то направо, то налево, то вверхъ, то внизъ.

Въ то время пришли новыя вѣянія, и заговорили о другомъ, кромѣ какъ о крестьянахъ. То былъ такъ называемый социальный вопросъ, — началось разслѣдованіе самыхъ устоевъ общества. Вслѣдствіе времени они настолько расшатались,

что на нихъ строить далѣе было уже невозможно безъ опасенія того, чтобы не рухнуло все зданіе.

Паника, появившаяся въ то время, охватила сначала высшіе классы. Они — самые легкіе, вслѣдствіе этого плававшіе на поверхности, и самые слабые, и поэтому они искали наверху опоры и поддержки, — оказались, понятно, самыми испуганными. Но страхъ распространялся, и въ одинъ прекрасный день испугались и сами борцы, и молодежь, и либералы. Дѣло въ томъ, что стали разсуждать о семьѣ, и признавали ее черезчуръ узкой для развивающейся индивидуальной жизни. А такъ какъ старики полагали, что общество основано на семьѣ, то они сочли его, т.-е. общество, въ опасности. Однако же общество или государство отнюдь не основано на семьѣ, потому что государство ничего общаго съ семьей не имѣетъ, образовалось оно отъ соединенія свободныхъ мужчинъ для общей обороны и защиты. Но это ничего не значило, — остались при своемъ, что семья есть основа общества. Не помогаль и тотъ доводъ, что если даже семья дѣйствительно основа всего, разъ этотъ фундаментъ потерялъ свою крѣпость, мы должны на новомъ мѣстѣ поставить новый фундаментъ и строить снова.

При переоцѣнкѣ понятій о семьѣ пришли къ тому заключенію, что при современномъ ходѣ развитія двое людей не могутъ ручаться за сохраненіе на всю жизнь обоюдной симпатіи, а безъ этого совмѣстная супружеская жизнь невозможна. Ярко выраженное стремленіе къ усиленію личности противорѣчило обоюдному подчиненію; выступленіе женщины въ работѣ и въ открытой жизни служило препятствіемъ къ упроченію семейной жизни и къ домашнему воспитанію дѣтей. Опытъ вѣдь доказаль, насколько умножились разводы, и старики въ ихъ заблужденіи при-

писывали это легкомыслию, хотя супруги отлично сознавали, что разводы только служили къ спасенію ихъ личности, что они благодаря имъ избѣгли самаго худшаго, т.-е. рабства. Когда затѣмъ воспитаніе дѣтей перешло въ дѣтскіе сады и школы, пало и домашнее воспитаніе. Оно получило свое начало въ школѣ, продолжалось въ казармахъ, а серьезно заканчивалось въ общественной жизни.

Такъ приблизительно формулировались жалобы на семью. И тогда паника охватила и такого сильнаго человѣка, какъ Густавъ Боргъ. Вчера онъ самъ написалъ статью противъ разрушителей общественныхъ основъ, а сегодня консерваторы пожимали ему руку въ благодарность за эту поддержку. Съ сыномъ своимъ Холгеромъ, секретаремъ редакціи, было у него наканунѣ бурное объясненіе, послѣ котораго тотъ грозилъ, что уйдетъ изъ редакціи. Братъ же, докторъ Боргъ, предупредилъ его по телефону, что зайдетъ къ нему. Этого-то онъ и ожидалъ теперь не безъ нѣкотораго волненія, происходящаго тоже и оттого, что многіе подписчики вернули газету обратно.

* * *

Наконецъ, онъ пришелъ. Докторъ вошелъ къ брату безъ доклада и сразу началъ разговоръ.

— Что ты надѣлалъ?

— Я по своему глубокому убѣжденію написалъ противъ вашей безнравственной проповѣди.

— Твои убѣжденія должны были бы основываться на положительныхъ фактахъ и быть доказанными опытомъ. Но этого нѣтъ! Проповѣдей и проповѣдниковъ не существуетъ, потому что тѣ, кто пишетъ противъ семьи, лишь дѣлятся своими открытіями и своимъ опытомъ. Они гово-

рять: вотъ такъ и такъ идетъ впередъ развитіе жизненнаго строя; вотъ такъ и такъ развратилась за послѣднее время семейная жизнь, и домашній очагъ оказался лучшей школой деспотизма, эгоизма и лицемерія. Они, слѣдовательно, только дѣлятся фактическими данными, а отнюдь не проповѣдуютъ никакихъ теорій.

— Но у тебя самого дочери, и ты проповѣдуешь подобное ученіе?

— Я люблю своихъ дочерей не меньше, чѣмъ ты своихъ, и ничему ихъ не учу, потому что самъ въ этомъ отношеніи ничего не знаю. Но я намѣренно занялъ выжидательное положеніе и наблюдаю. Мнѣ кажется, я не ошибусь, если скажу, что дѣти мои родились съ другими идеями, чѣмъ я. Стыдливость запрещаетъ намъ объ этомъ говорить; поэтому хорошо, что объ этомъ пишутъ; печатное слово спокойно и никого не оскорбитъ. Я хочу только сказать тебѣ, что я, какъ и ты, ко всему готовъ. Зная, что я помочь ничѣмъ не могу, такъ какъ дать полезный совѣтъ я не берусь, то я предпочитаю молчать и размышлять слѣдующимъ образомъ: быть можетъ, это такъ и быть должно; быть можетъ, имъ виднѣй; быть можетъ, это и есть путь къ новому строю общества. Молодежь, борющаяся за свои новые идеалы, должна пострадать за первыя попытки. Многіе должны пасть, и многіе дѣйствительно падаютъ. Но потокъ времени несетъ, не спрашивая нашего совѣта, и я не буду дѣлать отчаянныхъ попытокъ, чтобы удержать его. Ты же, ставъ противъ насъ, погубишь свою газету. Какъ акціонеръ и директоръ, я требую, чтобы ты ушелъ и уступилъ свое мѣсто сыну своему Холгеру.

— Мнѣ уйти? Никогда.

— Хорошо! Въ такомъ случаѣ мы съ Холгеромъ откроемъ новую газету.

— Новая газета не пойдет!

— Ошибаешься! Новая газета съ опредѣленными взглядами и проникнутая покинутыми тобою традиціями пойдетъ.

— Т.-е. односторонняя газета, обращающаяся со своими противниками какъ съ преступниками?

— Нѣтъ, какъ съ врагами! Пока битва не прекратилась, солдата, вздумавшаго начать переговоры, разстрѣливаютъ. Не приходилось ли тебѣ замѣчать, что если врагу сдѣлать уступку или сказать ему доброе слово, то онъ ликуетъ, чувствуя себя побѣдителемъ? Хорошія слова и добрыя отношенія приходятъ позднѣй, послѣ перемирія. Слѣдовательно, смотри теперь на себя какъ на дезертира, котораго должны разстрѣлять, и уходи.

— Никогда!

— Въ такомъ случаѣ мы раззоримъ тебя конкуренціей.

— Такъ говоритъ братъ!

— Да! честный братъ, не терпящій nepотизма и партійности, ставящій справедливость выше братской привязанности и общее благо выше частнаго.

— Ты забылъ, что ты потеряешь свои собственныя деньги, если погубишь меня!

— Этого я не забылъ, но у меня денегъ больше, чѣмъ ты думаешь, такъ что я отъ этого не разорюсь. Ты можешь обдумывать до завтра, до 12 часовъ. Прощай...

Докторъ вышелъ, а редакторъ остался одинъ со своими тяжелыми мыслями.

Отставленный! Какъ ненужный, онъ выброшенъ въ сорный ящикъ! Онъ, относившійся съ такимъ сочувствіемъ ко всѣмъ преобразованіямъ, наступившимъ послѣ 1850 года! Онъ ясно помнилъ первую желѣзную дорогу 1852 года, открытіе телеграфа въ 1853 году, первые газовые фонари

въ 1854 году и, наконецъ, онъ въ восьмидесятыхъ годахъ пережилъ появленіе телефона! Изъ политическихъ идей его юности немногія лишь оказались осуществимыми, большинство же испарилось, исчезло, отпало, какъ мякина. Нѣкоторыя изъ нихъ осуществились, но другимъ образомъ, не такъ, какъ онъ мечталъ, и возымѣли какъ разъ обратныя послѣдствія тому, на что онъ надѣялся. Тѣмъ временемъ подошло что-то новое, чего онъ не понималъ и чего страшился. Такъ, наприимѣръ, онъ не могъ понять большого рабочаго движенія, потому что онъ не замѣтилъ, какъ понемногу страна изъ земледѣльской стала промышленной. Онъ называлъ лидеровъ рабочихъ агитаторами и анархистами, несмотря на то, что они какъ разъ добивались утвержденья законности и порядка въ еще беспорядочныхъ массахъ. Онъ не понималъ влеченія молодежи къ свободѣ и отвѣтственности, къ самостоятельности и собственной волѣ, и поэтому онъ потерпѣлъ крушеніе. Это трагично, потому что оно непреклонно: время неизмѣнно кладетъ преграду развитію человѣческаго ума. Онъ потерпѣлъ крушеніе отнюдь не по собственной винѣ, а вслѣдствіе жизненныхъ законовъ. Онъ всегда зналъ, что сынъ станетъ когда-нибудь его преемникомъ, но что тотъ вытѣснитъ его, — это было тяжелѣе, чѣмъ всѣ горечи жизни.

Онъ заперъ ящикъ письменнаго стола и вышелъ съ тѣмъ, чтобы ѣхать на дачу и тамъ поразмыслить надъ рѣшеніемъ, которое ему предстояло принять. Нѣсколько лѣтъ уже владѣлъ онъ дачей на шхерахъ, въ которой проводилъ съ семьей большую часть года.

III.

Редакторъ Густавъ Боргъ стоялъ на палубѣ маленькаго шхернаго парходика, идущаго къ Сторё, гдѣ была его дача. Въ томъ возбужденномъ настроеніи, въ которомъ онъ находился, онъ больше всего желалъ бы быть ни-къмъ невидимымъ или, по крайней мѣрѣ, слѣпымъ и глухимъ.

Вблизи усѣлись двое чужихъ господъ, и ему поневолѣ пришлось слушать ихъ разговоръ.

— Стокгольмъ, несомнѣнно, очень красивый городъ, но онъ все же производитъ впечатлѣніе декораціи, такъ какъ онъ слишкомъ великъ и блестящъ, чтобы быть столицей пустынной страны.

— Пустынной?

— Да! Я только что вернулся изъ служебной поѣздки по всей Швеціи. Я состою инспекторомъ Общества страхованія жизни. Такъ вотъ, мнѣ приходилось проѣзжать цѣлыя провинціи, не встрѣтивъ ни одного человѣка. Въ поѣздѣ было всего пять пассажировъ. На станціяхъ бывала мертвая тишина. Когда же я пріѣзжалъ въ большой городъ, то оказывалось, что онъ заселенъ почти исключительно чиновниками: начальникъ края, епископъ, военное начальство; къ нимъ, какъ бы образуя штабъ, присоединялись бургомистръ, муниципальные совѣтники, почтмейстеръ, телеграфные чиновники и купцы.

— Но вѣдь народонаселеніе возросло до пяти милліоновъ?

— Совершенно вѣрно; но изъ этихъ пяти милліоновъ насчитываютъ лишь одинъ милліонъ мужчинъ въ возрастѣ отъ 20 до 55 лѣтъ. Два съ половиной милліона состав-

ляютъ дѣти и женщины безъ особыхъ занятій. Но этотъ миллионъ взрослыхъ, работоспособныхъ мужчинъ долженъ заботиться о тѣхъ двухъ съ половиной миллионахъ не продуктивныхъ, и кромѣ того онъ обязанъ содержать 170,000 чиновниковъ, не считая войска, въ которомъ числится 133,000 человекъ. Ты слышишь, я, какъ дѣятельный членъ Страхового общества, знаю все это досконально.

— А развѣ у насъ до 170,000 гражданскихъ чиновниковъ?

— Да. У насъ имѣется 67000 почтово-телеграфныхъ и желѣзнодорожныхъ служащихъ, 27000 гражданскихъ чиновниковъ, 28000 лицъ духовнаго званія съ причетниками, 38000 учителей и 17000 выборныхъ служащихъ.

— Да вѣдь это безуміе!

— Да! Но это такъ! Я измѣнить этого не могу! И это не тайна, потому что это напечатано въ шведской официальной статистикѣ. Но что хуже всего, это переселеніе! Съ тѣхъ поръ, какъ я состою членомъ нашего общества, было всего 78000 случаевъ переселенія.

— Семьсотъ тысячъ?

— Да! За четыре года, между 66 и 70 годами переселилось 100000 человекъ. Когда затѣмъ число переселеній нѣсколько поубавилось, тогда патриоты закричали: «Ну! Это было не опасно!» Но затѣмъ наступили годы 1881-й и 85-й, и тогда насчитывалось 175000 переселеній. А потомъ въ 86 году и въ 90-мъ было до 200000 переселеній.

— Что тогда сказали патриоты?

— Ничего! Впрочемъ, они начали писать свои воспоминанія и занялись, какъ бы въ ожиданіи конца, постройкой музея.

— А чѣмъ объясняется переселенческое движеніе? Является ли оно послѣдствіемъ обнищанія?

— Нѣтъ, говорятъ, что нѣтъ.

— А что же такое?

— Преподаватели высшихъ народныхъ школъ, — странные они люди, увѣряю тебя, — упорно утверждаютъ, что это объясняется недостаткомъ любви къ родинѣ; но причину этого недостатка они объяснить не могутъ. Я однажды отвѣтилъ такимъ образомъ одному изъ этихъ воспитателей: «Какъ можно любить страну, которая принадлежитъ иностранцу? „Тебѣ несомнѣнно извѣстно, что самая земля Швеции заложена за границей въ 220 милліоновъ, что общественный долгъ простирается до 175 милліоновъ, а государственный заемъ до 287 милліоновъ. «Страна заложеной можетъ оставаться», такъ поютъ теперь въ нѣкоторыхъ клубахъ. Теперь, пока, насколько возможно, долгъ прикрываютъ деньгами сберегательныхъ кассъ. Но и деньги сберегательныхъ кассъ энергично высасываются многими насосами и, между прочимъ, эти деньги старательно вынимаютъ изъ кассъ переселенцы, хронившіе ихъ до поры до времени для покупки билета на пароходъ. Государственный заемъ пополняется изъ доходовъ желѣзныхъ дорогъ, но это лишь невѣрная бухгалтерія, потому что откуда же тогда брать средства на содержаніе дорогъ?»

— Но вѣдь пути сообщенія несомнѣнно являются продуктивной силой.

— Да, желѣзныя дороги также, какъ и проселочныя и водныя пути, но на это все же нельзя смотрѣть, какъ на свободный капиталъ. Горе въ томъ, что среди нашихъ 27 тысячъ гражданскихъ чиновниковъ нѣтъ ни одного настоящаго бухгалтера; да и бухгалтерія мало помогла бы въ странѣ, гдѣ государство и единичныя личности тратятъ

свыше своихъ доходовъ. Государство должно было бы взимать налоги, судя по достоянію плательщковъ, а не по своему желанію. Теперь говорятъ просто: войско необходимо, и затѣмъ взимаютъ съ народа полмилліарда. Подумай только: полмилліарда! Это должно быть выплачено въ десять лѣтъ!

— Ну, а переселеніе? Ты въ чемъ же видишь его причину?

— Шведы чувствуютъ себя нехорошо; все кругомъ затхло; скучно сидѣть однимъ въ пустынной странѣ; у нихъ нѣтъ чувства общности, потому что вся нація до поразительности разнородна. Все дворянство, высшіе и средніе классы по большей части состоятъ изъ переселившихся въ Швецію иностранцевъ, скрывающихъ свое происхожденіе подъ шведскими именами. Они образуютъ какъ бы феодальное государство изъ чиновниковъ, взимающихъ свое жалованіе съ илотовъ. Стать чиновникомъ и получать опредѣленное содержаніе, вѣдь это идеаль всѣхъ «лучшихъ людей». Университеты—это просто школы подготовленія чиновниковъ, и въ одномъ изъ нашихъ университетовъ насчитывается столько же доцентовъ, сколько студентовъ на одномъ факультетѣ. Студенты образуютъ какъ бы привилегированное сословіе консервативныхъ юношей, которые являются представителями націи во время разныхъ пооекъ (конечно, есть исключенія). Но замѣчается и другое, а именно, старая провинціальная обособленность, которая наблюдается въ землячествахъ при университетахъ. Студенты одного землячества ненавидятъ другихъ и завидуютъ имъ. Это свойство замѣчается и во всей дальнѣйшей общественной жизни страны. Ты увидишь, если въ какомъ-нибудь учрежденіи предсѣдатель, напримѣръ, смаландецъ, то управленіе немедленно наполняется смаландцами; въ столицѣ есть цехи, наполненные

уроженцами одной какой-нибудь провинции; въ ригсдагѣ сидятъ по провинціямъ.

Да, у насъ много такого, что дѣлаетъ жизнь трудно переносимой. Никто здѣсь не чувствуетъ себя дома; всякій является врагомъ во враждебной странѣ; никто не рѣшается что-либо наладить, устроить, потому что всякому помѣшали бы. Единственно, въ чемъ замѣчается проявленіе энергіи, это въ случаяхъ, когда надо чему-нибудь помѣшать. Тѣ, которые хотѣли бы что-нибудь дѣлать, должны неминуемо найти себѣ другую родину, и вотъ почему энергичные люди переселяются, а остаются только не энергичные: это одно отчаяніе!

* *
*

Когда пароходъ обогнулъ стѣну острога, поднялся вѣтеръ, и редакторъ отправился въ рубку. Тутъ онъ засталъ спящаго господина, сидѣвшаго къ нему спиной. По необыкновенной ширинѣ спины онъ сразу узналъ своего шурина, пастора въ Сторѣ, встрѣча съ которымъ была бы ему теперь не очень кстати. Поэтому онъ послѣдовалъ его примѣру, легъ на противоположный диванъ и повернулся къ нему спиной.

* *
*

Пока свояки предавались сну въ рубкѣ, докторъ Боргъ и его невѣстка Брита, жена редактора, сидѣли наверху въ каютъ-компаніи и бесѣдовали.

— Должно кончиться крахомъ, — продолжалъ начатый разговоръ докторъ, — и ты, Брита, должна будешь бросить бомбу.

— Да, мой другъ, — отвѣчала Брита самымъ привѣтливымъ тономъ, — я уже столько лѣтъ подъярьдъ бросала

свои бомбы, что теперь мнѣ остается приняться за динамитъ. Густавъ со своими старолиберальными идеями — нашъ самый злой врагъ; онъ не понимаетъ того великаго, что теперь происходитъ на свѣтѣ. Онъ несомнѣнно пережилъ съ нами всѣ теоріи, но когда настало время осуществленія хотя одной идеи, одного его юношескаго идеала, то онъ отрекся.

— Вѣрно! Поэтому-то мы и должны подвязать ему хвостъ. Онъ долженъ уйти и предоставить за извѣстное обезпеченіе управленіе сыну твоему Холгеру. Если онъ пожелаетъ продолжать писать статьи для газеты, это онъ можетъ, но подъ цензурой редакторовъ.

— Только не былъ бы Холгеръ слишкомъ нерѣшительнымъ! Несмотря на его достоинства, въ немъ замѣчаются, однако, унаслѣдованныя слабости...

— Ихъ я изъ него выкурю, и ты можешь мнѣ въ этомъ помочь, такъ какъ ты положительно безчувственна. Мы съ тобой заключимъ союзъ, и тогда что-нибудь да выйдетъ.

— Да,—отвѣтила Брита тономъ беззаботной привѣтливости,—но въ такомъ случаѣ мы съ тобой должны заключить компромиссъ. Ты долженъ постоять за мой женскій вопросъ.

— Я, ты это знаешь, за него и стою, пока простирается справедливость, но на несправедливости я не согласенъ. Я стою за твою борьбу за права человечества для слугъ, за пересмотръ заработной платы для работницъ, за освобожденіе дѣвушекъ отъ бездѣлья и суеты; я за свободную связь при условіи серьезной отвѣтственности, но я отнюдь не за свободную любовь супруговъ, потому что это означало бы рабство мужа, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда ему пришлось бы нести въ церковь неза-

конныхъ дѣтей. Я не стою за право собственности для замужней женщины, когда она свое состояніе исключаетъ изъ пользованія семьи, а сама смотритъ на имущество мужа какъ на общее достояніе.

— А работа жены по дому? Развѣ она не должна быть оплачена?

— Что это за работа? Ты когда-нибудь работала ли по дому? Ты давала приказанія, которыя выполнялись слугами, которымъ платитъ Густавъ. Онъ же кормитъ тебя и твоихъ дѣтей и содержитъ слугъ. Ты вздоръ говоришь!

— Ну, а бѣдныя прачки, сами зарабатывающія, что же, и онѣ не имѣютъ права сохранить у себя свои деньги, а должны все отдавать мужу на пьянство?

— Если мужъ не долженъ сохранить для себя лично свой заработокъ, а долженъ его предоставлять въ пользованіе семьи, то и заработокъ жены долженъ итти на хозяйство. Неужели же ты не понимаешь, что иначе мужъ будетъ рабомъ, а противъ рабства ратовалъ даже устарѣлый либераль Густавъ! Впрочемъ, видѣла ли ты, чтобы прачка отдавала свои деньги мужу на пропиваніе? А если видѣла такіе случаи, то, значить, она это дѣлала добровольно; ну, а если она этого хочетъ, то этому не помѣшаетъ никакое законодательство. Ты, предположимъ, переводишь, вмѣсто того, чтобы заниматься хозяйствомъ, и ты пропиваешь свой гонораръ, т.-е., я хочу сказать, что ты тратишь его на путешествія, на удовольствія, тогда какъ Густавъ предоставляетъ тебѣ всякихъ слугъ и служанокъ. Находишь ли ты это справедливымъ? или ты полагаешь, что положеніе жены угнетенное? Если такъ, то я ни въ какой компромиссъ съ тобой вступать не могу.

Брита вся дрожала отъ гнѣва, но не могла выкинуть изъ головы тѣ глупости, которыя она присвоила себѣ еще

съ давнихъ поръ, когда галантность требовала того, чтобы мужчина всѣмъ жертвовалъ для своего идеала.

— И почему,—продолжалъ докторъ,—въ общемъ трудъ женщины оплачивается хуже? Это основано на томъ важномъ фактѣ, что ей не приходится платить за любовь свою, а что послѣдняя тѣмъ или инымъ образомъ оплачивается ей. Законъ требуетъ только отъ мужа содержанія дѣтей и никогда отъ жены, тогда какъ ей обыкновенно материнство приноситъ величайшую радость, и ея права надъ дѣтьми неоспоримы!

— Да, затѣмъ ты еще хочешь прекратить проституцію! Знаешь ли ты, что ты считаешь проституціей? Если ты намекаешь на медицинское изслѣдованіе, то, отмѣнивъ это, ты была бы безсердечна! Намекаешь ли ты на то, что кучка женщинъ дѣлаетъ себѣ ремесло изъ половой жизни? Этого законъ прекратить не можетъ, потому что онъ не можетъ дѣйствовать на самую тайную и интимную сторону жизни! Но вы никогда не отвѣчаете прямо на вопросъ, а, какъ кроты, ползаете изъ одной дыры въ другую. Полиціи вмѣнено въ обязанность посредствомъ контроля обуздывать проституцію; слѣдовательно, она содѣйствуетъ вашей цѣли; вы же работаете прямо противъ предписанныхъ мѣръ предосторожности. Чего вы хотите? Этого вы не знаете! Поэтому вся ваша болтовня—одинъ вздоръ! Что вы тамъ требуете? Право голоса? Да его надо сначала предоставить мужчинамъ, а потомъ мы увидимъ, когда вы научитесь справедливости и благоразумію.

— И ты желаешь, чтобы я съ тобой работала?

— Да, по всѣмъ тѣмъ пунктамъ, по которымъ мы сходимся, и ради тѣхъ твоихъ стремленій, которыя заслуживаютъ вниманія и которыя, какъ ты знаешь, я въ тебѣ цѣню! Но я отнюдь не прошу твоего содѣйствія въ

добромъ дѣлѣ, чтобы за это тебѣ помогать въ дѣлѣ неправомъ. Если ты желаешь себя выставить рабой, когда я знаю, что ты госпожа въ своемъ домѣ, то я въ тебѣ увижу лишь обманщицу, которой я способенъ плюнуть въ лицо! Знай ты это заранѣе, Брита!

Брита была по природѣ слишкомъ добродушна, чтобы разсердиться изъ-за пустяковъ, а вѣра въ ихъ общее большое дѣло была такъ сильна, что она успокоилась и прервала разговоръ обычной своей заключительной фразой:

— Да, по этому вопросу мы никогда другъ друга не поймемъ.

Но докторъ не былъ удовлетворенъ и хотѣлъ прійти къ какому-нибудь рѣшенію.

— Нѣтъ,—продолжалъ онъ,—дорогая моя, я тебя вполне понимаю, но ты не понимаешь того, что я говорю, и это твоя вина.

Разговоръ опять начался бы сначала, если бы не вошелъ въ каютъ-компанію пасторъ изъ Сторѣ, братъ Бриты, смуглый колоссъ страшной наружности; онъ вошелъ въ сопровожденіи старой, дряхлой собаки.

— Вотъ и Петеръ со своей спринцовкой,—сказалъ докторъ и, какъ бы желая иллюстрировать свою аллегорію, онъ приподнялъ у Филакса заднюю лапу.

Брита, полагавшая, что она непременно должна быть покровительницей животныхъ, стояла всегда на сторонѣ Филакса и сразу приготовилась къ оборонѣ.

— Генрихъ не любитъ своихъ родственниковъ.

— Ахъ! Стыдись! Я съ собаками не въ родствѣ и ненавижу все животное какъ въ себѣ, такъ и въ другихъ. Теперь, если бы была законность и справедливость, Петеръ долженъ былъ бы принести тряпку и вытереть палубу.

— Ты строгъ къ невинному животному, — вмѣшался пасторъ.

— Нѣтъ, но я строгъ къ тебѣ за то, что ты животныхъ приводишь въ общество людей; ты самъ не отваживаешься лаять и кусать, но ты предоставляешь это дѣлать твоему ненужному животному; ты не рѣшаешься поднимать заднюю ногу, но ты допускаешь, чтобы это дѣлало при насъ твое невинное животное.

— Ну! ну! — перебилъ его пасторъ. — Мы должны быть милосердными.

— Да, мы должны быть милосердны къ нашимъ ближнимъ; мы не должны у дѣтей отнимать хлѣбъ и бросать его псамъ. Ты бѣдному не дашь двухъ штиверовъ; своимъ нахлѣбникамъ ты даешь снятое молоко; но своему облѣнившемуся, вонючему животному ты даешь сливки, а кто животное, ненужную скотину возноситъ выше челоуѣка, тотъ самъ облѣнившееся животное.

— Видѣлъ ли ты Густава? — прервала Брита.

— Онъ лежитъ внизу въ рубкѣ и спитъ, — отвѣчала пасторъ.

Это было новостью для заговорщиковъ, и они оба задумались и замолчали. Этимъ воспользовался пасторъ чтобы подойти къ окну и посмотреть, гдѣ находился въ эту минуту пароходъ. Они были у входа въ каналъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно всѣ интересовались узнать хватаетъ ли воды, чтобы пароходъ могъ пройти.

* * *

Прошло только полчаса, какъ пароходъ отошелъ отъ столицы, и уже начиналась пустыня. Дикія скалы и приморская сосна, топи и озера чередовались съ небольшими

клочками пахотной земли, на которыхъ, казалось, ведется какое-то показное хозяйство. Крупные землевладѣльцы жили на проценты со своихъ капиталовъ и на служебное жалованіе и владѣли землей большей частью лишь для охоты и рыбной ловли и для того, чтобы было гдѣ жить въ деревнѣ. Единственнымъ настоящимъ землевладѣльцемъ былъ пасторъ, который владѣлъ большимъ помѣстьемъ свободной земли, имѣлъ скотный дворъ и молочную ферму, лошадей, овецъ и свиней, образцовое куриное хозяйство. Кроме того, у него была водяная мельница; онъ имѣлъ акціи пароходнаго общества и строилъ дачи для сдачи въ наемъ. Онъ былъ самымъ богатымъ человѣкомъ въ Сторѣ, а заботу о паствѣ возлагалъ на помощника. Управление же имѣніемъ онъ оставлялъ въ своихъ рукахъ, потому что любилъ властвовать и любилъ наживаться. По отношенію къ друзьямъ и родственникамъ онъ былъ барашкомъ, производилъ впечатлѣніе доброй овечки; но для враговъ — это былъ разъяренный левъ; а на прихожанъ онъ смотрѣлъ какъ на враговъ, въ особенности на бѣдныхъ.

— Бѣдныхъ нѣтъ! — говаривалъ онъ, — а есть лѣнтяи! Больныхъ нѣтъ! Есть притворщицы, желающіе получить пособие!

При производствѣ оцѣнокъ онъ бывалъ беспощаденъ; онъ умѣлъ докапываться до самыхъ тайныхъ доходовъ. Такъ какъ весь приходъ, въ сущности, жилъ въ вѣчной враждѣ, поддерживаемой взаимнымъ желаніемъ выколотить налоги другъ у друга, то при выборахъ возгоралась всегда жесточайшая борьба, и пасторъ Альротъ ввелъ въ эту борьбу шпионовъ. Покупалъ ли кто-нибудь виллу, немедленно принимались въ расчетъ и его расходы въ городѣ. Жаловались всѣ и судились безъ конца; и на судѣ пасторъ являлся какъ

бы своего рода всеобщимъ жалобщикомъ, готовымъ въ каждомъ дѣлѣ выступить и какъ свидѣтель. Онъ не былъ духовнымъ лицомъ въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, и имѣлъ бы много враговъ, не будь въ немъ юмористической жилки, позволявшей ему насмѣхаться надъ своими и чужими слабостями. Онъ былъ свѣтскимъ пасторомъ, что, въ сущности, звучитъ какъ диссонансъ, вслѣдствіе его принадлежности къ духовному званію; но съ тѣхъ поръ, какъ государственная церковь превратилась въ мірскую, а духовенство превратилось въ общественную организацію, живущую землей, духовенство стало землевладѣльческимъ классомъ, мызниками, болѣе занятыми заботой о быкахъ и коровахъ, чѣмъ о паствѣ. Онъ также былъ и веселымъ пасторомъ, участвовавшимъ во всѣхъ попойкахъ; онъ считался въ околоткѣ лучшимъ игрокомъ въ виру. Но пасторъ никогда не забывался; никогда лишняго не выпивалъ; онъ, правда, иногда плутовалъ слегка за карточнымъ столомъ, но когда его на этомъ ловили, онъ всегда первый признавался въ этомъ. Онъ не богохульствовалъ и не старался разыгрывать просвѣщеннаго скептика, шутилъ весьма охотно, но отнюдь не тѣмъ, что ему было запрещено; онъ вѣрилъ въ догматы и не дѣлалъ малодушныхъ признаній. Запросы и тревоги времени его ничуть не беспокоили; книгъ онъ никогда не читалъ, но въ газетахъ слѣдилъ за событіями, за таможенной политикой и за ростомъ налоговъ.

Съ сестрой Бритой онъ ссорился ради шутки, а съ зятемъ редакторомъ онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Доктора Борга онъ любилъ за то, что тотъ былъ настоящимъ мужчиною и принималъ его грубости какъ шутку. Въ особенности же цѣнилъ онъ доктора за его рѣшительный взглядъ на идиотскій женскій вопросъ, и за это онъ охотно прощалъ ему его раздраженіе противъ собакъ. Родствен-

ники его были владѣльцами виллѣ, и онъ относился къ нимъ, какъ къ добрымъ сосѣдямъ, что не мѣшало ему быть жестокимъ при производствѣ оцѣнокъ. Со своими близкими, т.-е. съ женой, съ которой онъ жилъ въ бездѣтномъ бракѣ, онъ обращался какъ съ женщиной, съ товарищемъ, съ хозяйкой дома во «внутреннемъ его обиходѣ», но горе ей, если она вздумаетъ переступить границы своего владычества! Тогда онъ умѣлъ отстоять свое мѣсто! Брита все это видѣла и старалась возстать противъ этого, но тогда онъ, не стѣсняясь нарушить домашнее спокойствіе, поднималъ такой шумъ, что дамамъ приходилось капитулировать.

— Жена возлѣ меня, но не выше меня!—таковъ былъ его девизъ.

Онъ называлъ содомитянами тѣхъ мужей, которые позволяли женамъ властвовать надъ собой. Онъ былъ того мнѣнія, что тамъ, гдѣ преимущество на сторонѣ женщины, тамъ не равноправіе, а тиранія.

— Въ новомъ обществѣ вы право голоса будете имѣть, быть можетъ, но въ нашемъ обществѣ, гдѣ вы являетесь придаткомъ мужчины,—никогда.

Таковъ былъ пасторъ Альротъ изъ Сторё. Средневѣковый прелатъ, чиновникъ духовнаго вѣдомства съ значительной свѣтской властью, человѣкъ богатый, владѣющій большими имѣніями и благодаря этому самъ себѣ хозяинъ, т.-е. посадившій себя самъ на пасторское мѣсто, приносящее ему 30.000 кронъ, что вмѣстѣ съ его личными доходами въ 20.000 кронъ, составляло ежегодно кругленькую сумму въ 50.000 кронъ.

* * *

При входѣ въ каналъ оказалось, что вода стоитъ низко; тогда штурманъ скомандовалъ обычный маневръ.

— Пассажиры на leeboard.

Это было только начало; но такъ какъ не всѣ знали, гдѣ на пароходѣ leeboard, то нѣкоторые бросились на starboard.

Когда же кривой штурманъ, — онъ всегда былъ кривъ и съ воспаленнымъ глазомъ, какъ плотва, — scomандовалъ вторично на leeboard, то даже непосвященный понялъ, что требовалось отойти на противоположную сторону. Пароходъ сильно накренился; казалось, что онъ готовъ опрокинуться, и такимъ образомъ продвинулся нѣсколько впередъ вдоль обросшей камышомъ мели.

— Почему не очищаютъ каналъ? — спросила невиннымъ тономъ Брита.

— А потому, — отвѣтилъ докторъ, — что если бы его очистили, то немедленно появился бы конкурентъ — скороходное судно, а это нежелательно для акціонеровъ этого пароходства. Не такъ ли, Петеръ?

— Я хотѣлъ бы знать, — сказалъ пасторъ, не желавшій давать ни утвердительнаго, ни отрицательнаго отвѣта, — растолкали ли спящаго Густава тамъ въ рубкѣ? Онъ очень тяжелъ, и штурману слѣдовало бы спуститься и сдвинуть его съ мѣста.

Докторъ въ это время наступилъ Филаксу на лапу, отчего тотъ поднялъ отчаянный вой, чѣмъ возбудилъ состраданіе Бриты.

— Ты варваръ! — крикнула она доктору.

— Это ложь, мой милый другъ, — возразилъ докторъ. — Я никогда не мучаю никакихъ животныхъ, даже земляного червяка, но ваши животныя мучаютъ меня тѣмъ, что попадаютъ мнѣ подъ ноги и воютъ.

Каналъ прекратился; судно вошло въ одинъ изъ морскихъ рукавовъ. Пристани слѣдовали одна за другой, и при

каждой остановкѣ представлялся случай сдѣлать замѣчаніе, подѣлиться какими-нибудь наблюденіями по поводу мѣстныхъ жителей. Тутъ попадались укромныя, тихія мѣстечки, такъ сказать—убѣжища, куда удалились люди, желавшіе уйти изъ свѣтскаго водоворота. Исторія всѣхъ этихъ людей, переселившихся въ эту глухую мѣстность за полчаса отъ Стогольма, весьма разнообразна; выбрали они это мѣсто, вѣроятно, вслѣдствіе близости моря, самаго великаго изъ того, что дастъ намъ скудная природа Швеціи. Разыгрывались повседневныя житейскія трагедіи, и послѣдній актъ переносился на эти скалы. Размотанное состояніе, разорванныя семейныя связи, наказанныя или безнаказанныя вины, оскорбленная честь, несчастье и трауръ, словомъ, все людское горе влекло сюда, подъ эти зеленныя сосны межъ сѣрыхъ скалъ. Передъ посвященными въ эти душевныя тайны дефилировала вся жизнь съ ея горечью, и вмѣстѣ съ впечатлѣніемъ грусти пробуждалось въ нихъ удовольствіе отъ пребыванія въ этихъ тихихъ мѣстахъ. Пасторъ, который былъ посвященъ болѣе другихъ въ душевныя тайны, говорилъ меньше всѣхъ, зато докторъ разговаривалъ почти безъ умолку.

— Смотри, — замѣтилъ онъ, — вотъ стоитъ старый педерастъ на своихъ мостикахъ и ожидаетъ газету. Ты, Брита, изучавшая социальныя вопросы, объясняешь ли себѣ педерастію и можешь ли ты мнѣ сказать, почему въ современномъ обществѣ столько людей заставляютъ о себѣ говорить по этому поводу?

— Нѣтъ, этого я сказать не могу, и вообще я объ этомъ говорить не хочу, — отвѣчала просто и безъ жеманства Брита.

— О такихъ вещахъ не говорятъ, — отчеканилъ пасторъ.

— Въ томъ-то и горе,—сказалъ докторъ,— что нельзя выяснитъ себѣ такіе важные вопросы. Объ убійствахъ и поджогахъ, о воровствѣ и подлогѣ говорить можно громко на судѣ, гдѣ закономъ установленъ устный допросъ; но о такихъ вещахъ, какъ педерастія, даже и писать нельзя!

— Человѣческая стыдливость предписываетъ молчаніе.

— Тогда и судьи должны были бы стыдиться выслушивать рассказы объ убійствахъ и кражахъ! Нѣтъ, вы черезчуръ добродѣтельны, или вы желаете казаться лучшими, чѣмъ вы въ самомъ дѣлѣ. Я васъ понять не могу! Совершать многое можно безнаказанно; но если писатель дастъ вамъ художественное описаніе первой сцены акта рожденія, тогда вы готовы ввергнуть его въ темницу! Ради юношества! Ради того лживаго юношества, которое не вырѣзаетъ свои имена на корѣ деревьевъ, какъ бывало, а всю великую тайну цинично расписываетъ на стѣнахъ и углахъ. Я васъ не понимаю и не могу даже обозвать васъ лицемѣрами, потому что я ничего не понимаю! Ты, Петеръ, не хотѣлъ бы выставить себя на показъ на тротуарѣ въ постыдномъ видѣ, но твоя дворняжка можетъ передъ толпой дѣтей оскорблять всякую благопристойность, ты стоишь при этомъ и смотришь! Фу, чортъ!

— Ну, теперь онъ опять вернулся къ собакамъ,— замѣтила Брита. — Это—его излюбленная тема для разговора.

— Да, если вы принимаете въ свое общество своихъ нечистыхъ животныхъ, то и я имѣю право.

— Нечистыя? Нѣтъ чище животныхъ, не считая кошекъ! Посмотрите-ка на его мѣхъ...

— Береги свое платье, Брита,—крикнулъ докторъ.

Филаксъ, дѣйствительно, обнюхавъ городской туалетъ Бриты, поднялъ заднюю ногу.

Какъ ужаленная осой, вскочила Брита съ мѣста. Красное перо на ея шляпкѣ задрожало, какъ колось овса при сильномъ вѣтрѣ. На лицѣ ея выразилось самое разнородное душевное волненіе: гнѣвъ отъ униженія, отчаяніе отъ испорченнаго платья, и вмѣстѣ съ тѣмъ дружелюбная улыбка, которая должна была, не взирая ни на что, выразить симпатію къ невинному животному.

— Что же ты не проучишь свою собаку? — заворчалъ докторъ.

— Нельзя, а то сейчасъ вступится кто-нибудь изъ членовъ общества покровительства животныхъ, — замѣтилъ пасторъ.

— Общество было бы право, если бы вмѣсто собаки стало бы бить палкой тебя. Но я знаю, что ты не рѣшаешься поднять противъ Филакса палку, потому что онъ тогда оскалитъ зубы. Онъ господинъ, а ты — собака! Ты эгоистъ! Проклятое животное!

Съ этими словами онъ вышелъ изъ каютъ-компаніи, хлопнувъ дверью.

Фіордъ широко раскрывался теперь передъ глазами, и докторъ пошелъ на палубу, чтобы немного освѣжиться.

Тамъ онъ увидѣлъ крупнаго торговца Леви, тоже имѣющаго виллу въ Сторѣ, и третьяго сына Бриты, арендовавшаго у пастора Альрота клочокъ земли.

Раньше чѣмъ завязать разговоръ на другую тему, докторъ долженъ былъ излить свой гнѣвъ, и въ Исаакъ нашелъ онъ вѣрнаго друга, которому могъ довѣрить свое негодованіе.

— Это возмутительно! Женщины вступили въ союзъ съ животными! Животное можетъ меня искушать, но если я какъ-нибудь попытаюсь защититься отъ животнаго, то я рискую попасть въ тюрьму! Что же это — свѣтопреста-

вленіе? Или что же это такое? И этихъ животныхъ женщины изображаютъ какъ благодѣтелей человѣчества, описываютъ ихъ какъ выдающихся геніевъ.

— Да, — отвѣтилъ Исаакъ, — вотъ послѣдствія зоологическаго міросозерцанія, ветеринарной психологіи, примѣненныхъ къ животнымъ демократическихъ принциповъ. Все ставится на одну доску, всѣ равны...

— Какія же бараньи головы могли выдумать такія глупости? Если человѣкъ стоитъ на высшей ступени животной лѣстницы, то ему слѣдуетъ господствовать надъ животными — это логично. Но если маленькимъ или большимъ животнымъ дается власть, то я въ этомъ вижу признакъ разложенія. Что бактерія, что собака — по мнѣ одно и то же. Я противъ бациллъ обороняться имѣю право, а противъ собакъ не имѣю? Да, знаете, все разлагается!

Исаакъ нашелъ своевременнымъ оборвать нить разговора.

— Андерсъ того мнѣнія, — замѣтилъ онъ, — что плохо идутъ дѣла и въ сельскомъ хозяйствѣ.

— Очень плохо идетъ и хозяйство, это вѣрно. Развѣ не истощена земля, если мы своими средствами не можемъ ее унавозить безъ ввоза искусственнаго удобренія? Знаете ли вы, что ежегодно Швеція покупаетъ за границей 60 милліоновъ килограммовъ искусственнаго удобренія? Знаете ли вы это? И полагаете ли вы, что это можно окупить? Мы даже не въ состояніи прокормить свою скотину. Знаете ли вы, что за годъ купили 90 милліоновъ кило отрубей и выжимокъ. Мы не можемъ сѣять, не покупая сѣмянъ за границей: — 16 милліоновъ кило сѣмянъ изъ-за границы за одинъ годъ! Женщины, прежде выводившія куръ, теперь съ ними не могутъ справиться, и мы покупаемъ 20 милліоновъ яицъ, вѣрнѣй 27, тогда какъ прежде мы вывозили 7 милліоновъ.

— Ну, а урожай? — бросилъ Исаакъ и свою шепку въ пылавшій огонь.

— И не говори объ этомъ! 192 милліона кило пшеницы за одинъ годъ! Что дадите вы мнѣ за это?

— Я думаю, это уравнивается вывозомъ, — сказалъ Исаакъ.

— Ты не можешь сравнивать 132 милліона ввозимой пшеницы съ 18 тысячами кило вывозимой, даже если ты къ этому прибавишь 27 милліоновъ кило вывозимаго овса, а къ тому же прибавь еще 92 милліона кило ввозимой ржи и 27 милліоновъ кило ввозимой кукурузы! Чѣмъ же жива Швеція?

— Лѣсомъ и желѣзомъ.

— Нѣтъ, говорятъ, въ Норрландѣ уже больше нѣтъ большого строевого мачтоваго лѣса; другіе увѣряютъ, что это ложь. Отвѣтъ на этотъ вопросъ зависитъ отъ временнаго расчета избирателей. — Мы вывозимъ лишь доски, — говоритъ владѣлецъ паровой лѣсопильни, если онъ находится въ оппозиціи; онъ же это отрицаетъ, если дѣлается правымъ.

— А желѣзо?

— Мы вывозимъ желѣзо — это совершенно вѣрно, но мы его и ввозимъ. Вывезено 162 милліона кило брусковаго желѣза, но его же ввезено 21 милліонъ. Вывезено 91 милліонъ кило чугуна, но его же ввезено 50 милліоновъ кило. Мы за одинъ годъ купили за границей 55 милл. кило желѣзнодорожныхъ рельсовъ. Чѣмъ, повторяю, жива Швеція?

— Займами! — отвѣтилъ, не задумываясь, докторъ Боргъ. Исаакъ улыбнулся.

— Да! но это обыкновенно кончается крахомъ, если проценты не могутъ быть выплачены, а иногда и тюрьмой, если всѣ признаютъ должника злостнымъ банкротомъ.

И вдругъ вся Швеція будетъ признана злостнымъ банкротомъ!

— Да! — отвѣтилъ докторъ, — таково когда-то было мнѣніе Арвида Фалька, когда онъ еще стоялъ на высотѣ и пророчествовалъ передъ глухими.

— Странный малый этотъ Фалькъ, въ концѣ концовъ начавшій борьбу съ самимъ собой... — замѣтилъ Исаакъ.

— Нѣтъ, этого я не скажу, — рѣзко прервалъ его докторъ. — Онъ производилъ опыты съ извѣстной точки зрѣнія и, какъ добросовѣстный экспериментаторъ, онъ опыты провѣрялъ, ставилъ себя для провѣрки на сторону противниковъ, перечитывалъ корректуру съ конца, дѣйствие провѣрялъ снизу вверхъ, и если провѣрка давала отрицательный результатъ, онъ возвращался къ доказанной исходной точкѣ. Этого вы не понимаете. Для Фалька же это было совершенно ясно, когда онъ примѣнялъ приемъ Киркегора. Послѣдній въ своихъ сочиненіяхъ стоялъ за индивидуальность и каждое сочиненіе подписывалъ новымъ псевдонимомъ. Викторъ Еремитъ не Иоганнъ Климакусъ; Константинъ Константиніусъ не Иоганнъ де-Силенціо, но всѣ вмѣстѣ — они одинъ и тотъ же Сѣренъ Киркегоръ. Фалькъ былъ вивисекторомъ, производившимъ опыты надъ собственной своей душой и всегда ходившимъ съ раскрытой раной, пока не пожертвовалъ жизнью своей за знаніе — я не хочу употреблять слова «правда», которымъ такъ часто злоупотребляютъ. И если когда-нибудь издадутся всѣ его многочисленныя сочиненія, то въ нихъ не надо будетъ измѣнять ни единого слова; всѣ его кажущіяся противорѣчія разрѣшаются страннымъ заглавіемъ Киркегора: «Стадіи жизненнаго пути».

Пароходъ входилъ въ Церковную бухту, и пассажиры, друзья и недруги, волей-неволей должны были встрѣтиться на пристани.

IV.

Редакторъ Густавъ Боргъ родился въ Бергслaгенѣ въ дворянской семьѣ. Отецъ его былъ лэнсманомъ и сильно держался за свое дворянское достоинство. Воспитывалъ онъ сыновей своихъ въ сознаніи своего превосходства, что чуждало ихъ отъ молодежи средняго класса, не открывая, однако, имъ доступа въ высшіе классы. Сыновья его, Густавъ и Генрихъ, посѣщали гимназію въ Вестерѣ и были товарищами нѣкоторыхъ отпрысковъ высшаго дворянства, не имѣвшихъ никакого желанія сблизаться съ ними. Эти аристократы дѣлали видъ, будто ничего не знаютъ о благородномъ происхожденіи Борговъ.

Сыновья лэнсмана выросли; внѣшне они отличались простотой, но носили кольца съ гербами на указательномъ пальцѣ, и корона красовалась на ихъ бритвенныхъ приборахъ; они всегда строго обдумывали свое поведеніе, парили, какъ говорится, на высотахъ и твердо рѣшили облагородить себя познаніями и успѣхами по службѣ.

Когда подошла пора упадка дворянства, Густавъ сдѣлался студентомъ.

Онъ отправился въ Упсалу и явился къ куратору, чтобы быть записаннымъ въ корпорацію. Въ то время въ спискѣ студентовъ ставилось пов. (nobilis) сзади имени студента изъ дворянъ.

Когда кураторъ внесъ имя Борга въ матрикулъ, онъ забылъ поставить рядомъ частицу «пов.»

Густавъ Боргъ вспыхнулъ и спросилъ, не хочетъ ли кураторъ похитить его достояніе и наслѣдіе, его прошлое и семейную честь?

Кураторъ этимъ не смутился.

— Вы дѣйствительно принадлежите къ шведскому дворянству? — спросилъ онъ спокойно.

— Дѣйствительно? Что это значитъ? Развѣ я не записанъ въ дворянскомъ календарѣ?

— Да, въ дворянскомъ календарѣ вы записаны, — отвѣтилъ, подмигивая, кураторъ, бывший самъ дворяниномъ и посвященный въ тайны различныхъ родовъ.

— Ну, тогда въ чемъ же дѣло? — спросилъ Густавъ.

— Да, дворянскіе календари — это одно, а родословная книга — другое. Вы не знакомы съ родословной книгой? съ родословной книгой Анрепа?

— Нѣтъ, ее я не видалъ, но слышалъ, что это скандальная книга.

— Въ такомъ случаѣ, давайте мы съ нею ознакомимся, — сказалъ кураторъ и взялъ томъ съ письменнаго стола. — Это чудная книга! Она начала издаваться давно, а послѣдній выпускъ вышелъ только на этихъ дняхъ. Можно было бы подумать, что книга составлена по заказу! И возможно, что именно эта книга положить конецъ риттергаузу! Теперь посмотримте. Б; Бо; Боргъ. Дворянскій родъ Боргъ значится за № 1570. Вотъ рядомъ стоитъ крестъ, что означаетъ, что родъ этотъ вымеръ.

Юный студентъ чувствовалъ, какъ самъ умираетъ, и долженъ былъ опуститься на близъ стоящій стулъ. Придя въ себя, онъ еще попробовалъ ухватиться за соломенку.

— Значитъ, мы усыновлены!

— Усыновленія по шведскимъ законамъ не существуетъ, и вы сами согласитесь, что, если бы можно было посредствомъ усыновленія прибрѣтать дворянское достоинство, всякій богатый торговецъ нашелъ бы разореннаго дворянина, который за деньги усыновилъ бы его. Да вы

вѣдь знаете, что они какъ разъ теперь продають свидѣтельства о дворянствѣ или привилегіи.

Густавъ ощупалъ свое кольцо и попытался сдѣлать еще одну вылазку.

— Я этого объясненія никакъ не могу понять. Мой отецъ ни въ чемъ не виноватъ: онъ безусловно честенъ.

— Да я этого и не отрицалъ, но проступки праотцевъ обходятся дорого, и часто намъ приходится доказывать стоящему за свое наслѣдіе и за свои прерогативы, что онъ изъ рыцарскаго дома вычеркнутъ. Вотъ взгляните, здѣсь значитъ: родъ получилъ дворянское достоинство отъ англійскаго короля Карла I въ 1652 г. при его посѣщеніи Дублина. Затѣмъ извѣстно, что въ 1649 г. Карль I былъ обезглавленъ, такъ что его посѣщеніе Ирландіи въ 1652 г. должно быть признано невозможнымъ, а тѣмъ болѣе мало вѣроятно возведеніе имъ въ дворянское достоинство мятежнаго ирландца. Видите ли, такіе факты сдѣлали наше дворянство подозрительнымъ, а всѣ эти иностранныя родословныя записи особенно слабы. Приходилось ли вамъ слышать, каковы предки у нашихъ героевъ рыцарскаго дома? Я постараюсь прочесть вамъ нѣкоторыя родословныя изъ 42-хъ перечисленныхъ. «*Felimlómkóode i King; Ferghis Avre-pouhdh* (король шотландцевъ), *Eochu, Collumium*». Что можете вы мнѣ дать за Коллуміумъ! Или переписчикъ ошибся, или кто-нибудь это имя выдумалъ. Это огорчатъ васъ не должно, потому что, пожалуй, лучше носить имя Андерсона, чѣмъ Гилленспера; въ такомъ случаѣ ужъ никто не провѣряетъ вашего метрическаго свидѣтельства и не шаритъ подъ вашей кроватью, какъ сдѣлалъ этотъ Анрепъ. Можете ли вы себѣ представить, что старый плуть-книгопечатникъ вычислилъ, что 60 родовъ—происхожденія внѣбрачнаго. Большинство нашихъ знатнѣйшихъ фамилій инозем-

наго происхожденія: голландцы, нѣмцы, люди со всѣхъ концовъ свѣта, а если считать съ материнской стороны, то есть даже уроженцы Африки и Азіи. Курри Грэффенбергъ, этотъ комичный патриотъ—цыганъ, а секретарь посольства ...скій—полякъ. Итакъ, объ этомъ грустить нечего. Я, слѣдовательно, не впишу слова nobilis или nob., изъ котораго, между прочимъ, Текерей произвелъ слово snob.

Это оказалось сильной встряской для молодого студента. Онъ бросилъ въ сторону кольцо, поѣхалъ домой къ отцу и упрекалъ тѣхъ, кто далъ ему ложныя свѣдѣнія о его происхожденіи. По наведеннымъ отцомъ справкамъ, въ рыцарскомъ домѣ онъ значился въ гербовникѣ; затѣмъ цѣлыхъ сто лѣтъ его гербъ былъ вычеркнутъ изъ гербовника, а черезъ сто лѣтъ—опять почему-то вписанъ.

— Они сплутовали, понятно!—рѣшилъ чиновникъ рыцарскаго дома, привыкшій къ такимъ исторіямъ. — Въ результатѣ Густавъ Боргъ и братъ Генрихъ прожили нѣскольکو лѣтъ, чувствуя себя сконфуженными и униженными. Они казались сами себѣ обманщиками. Но затѣмъ они воспрянули духомъ, почувствовали такую ненависть ко всему фальшивому, что рѣшительно встали на сторону тѣхъ, кто на исходѣ 60-хъ годовъ требовалъ тщательной ревизіи во всемъ старинномъ строѣ, въ высшемъ управленіи страной и церковью и въ обществѣ.

Въ университетѣ, въ Упсалѣ, жилось Густаву такъ же, какъ и многимъ другимъ въ это время. Онъ чувствовалъ себя погруженнымъ въ первобытныя времена и лишеннымъ свободы, погруженнымъ въ атмосферу, совершенно различную съ той, о которой онъ мечталъ, и испытывалъ давленіе сверху, еще болѣе тяжелое отъ того, что источникъ его былъ неизвѣстенъ. Профессора держали его судьбу и его будущность въ своихъ рукахъ; они рѣшали, что

ему чувствовать и о чем думать! А за тираніей профессоровъ стояла тиранія товарищей. Корпорация профессоровъ была—одинъ тиранъ. Землячество—второй тиранъ. Первая изготовляла привѣтствія, посылала унижительныя телеграммы великимъ міра сего, которыхъ они лично нисколько не читали. Землячество избирало почетныхъ членовъ, числиться среди которыхъ онъ не считалъ для себя за честь, но это дѣлалось во имя корпорации, слѣдовательно, и отъ его имени, хотя и противъ его воли.

Впервые Густавъ почувствовалъ бездну, раздѣляющую его отъ другихъ. Однажды, 30-го ноября, чествовали Карла XII; онъ стоялъ среди корпорантовъ и слушалъ прославленіе «нравственной высоты» этого короля-бродяги.

Въ немъ кипѣло негодованіе, и когда вечеромъ его землячество собралось въ кабачкѣ, онъ всталъ и потребовалъ позволенія высказать свой протестъ противъ ораторовъ. Онъ самъ не могъ бы объяснить, какъ онъ рѣшился говорить, но онъ носилъ большую бороду и говорилъ басомъ, что imponировало юношамъ, по большей части еще безбородымъ, а главное — онъ чувствовалъ, что подчиняется непреодолимому желанію.

— Нація,—такъ приблизительно началъ онъ,—которая чтитъ свои воспоминанія, безъ сомнѣнія—права; но горе тому, кто называетъ неправду правдой и зло добромъ. Вы сегодня принесли воздаяніе злему человѣку, и это позорно. Вѣдь мертвые не существуютъ—это тѣни, и не слѣдовало бы говорить о томъ, чего нѣтъ. Говорятъ, разумѣется, что наши поступки въ прошломъ живутъ и въ настоящемъ, но я не вижу, чтобы какія-нибудь дѣла Карла XII могли бы остаться жить въ нашей памяти. Мы сегодня чествовали угнетателя Швеціи какъ національнаго святого! Да! Вы такъ же хорошо знаете, какъ и я, что онъ

пожертвовалъ всѣми лучшими людьми своего государства! Вы знаете, что онъ безсовѣстными поборами разорилъ торговлю и всякій промыселъ и сдѣлалъ то, что заброшены стали шведскія поля! Вы, можетъ быть, не узнаете, что значить заброшенные пашни и пустынная страна! Это значитъ—жать сорную траву на полѣ, гдѣ была посѣяна рожь! Вашъ герой—онъ не мой—былъ самымъ безнравственнымъ человѣкомъ, который когда бы то ни было существовалъ, потому что тотъ, кто не колеблясь приносить свою родину и свой народъ въ жертву своему честолюбію, тотъ человѣкъ самый безнравственный. И тотъ безнравственецъ, кому, какъ Карлу XII, были открыты глаза на его заблужденія, но онъ ихъ не призналъ и не исправилъ. Насъ прозвали лакеями и называли совершенно справедливо...

Тутъ поднялся ропотъ, и это такъ возбуждающе подѣйствовало на нашего горнаго жителя, что онъ, послѣ минутнаго молчанія, продолжалъ болѣе рѣшительнымъ тономъ.

— Лакеи, да, потому что идеаль шведа—стать чиновникомъ и получать жалованіе, съ которымъ можно сидѣть себѣ въ уголкѣ и начальствовать, повинуюсь своему начальству.

Ропотъ перешелъ въ громкій шумъ, что еще болѣе воспламенило оратора, и живо вспомнивъ ту среду, въ которой онъ вращался, онъ продолжалъ въ шутивно-серьезномъ тонѣ:

— Чтобы дать королю вѣрныхъ слугъ, а затѣмъ и достойныхъ совѣтчиковъ, государство, какъ извѣстно, создало университетъ. Вы вѣдь знаете такъ же, какъ и я, что хламъ, преподаваемый здѣсь на четырехъ факультетахъ, имѣетъ лишь цѣлью сдѣлать изъ насъ чиновниковъ, потому

что, если я стану пасторомъ, нотаріусомъ, профессоромъ или еще чѣмъ-нибудь, то я буду прежде всего чиновникомъ. Противъ этого еще ничего нельзя было бы сказать, если бы источникъ знанія не былъ бы столь недоступенъ. Почему такъ дорого покушается знаніе, я этого не понимаю, если мнѣ не объяснять это тѣмъ, что мѣста такъ рѣдки. Вы вѣдь знаете, какъ трудно получить мѣсто. Мѣсто въ судѣ, напримѣръ, не ищутъ, какъ должность въ лавкѣ, а васъ выбираютъ. Слѣдовательно, это зависитъ отъ милостиваго выбора. Это особое избраніе проявляется уже на экзаменѣ. Часто здравая голова не выдерживаетъ экзамена, а многіе недостойные его выдерживаютъ. Вотъ это рокъ! И вѣрите вы мнѣ, все, что читается на лекціяхъ и на семинаріяхъ, все это можно купить въ книжной лавкѣ. Имѣя хорошо обставленныя книжныя лавки и подобающія экзаменаціонныя комнаты, можно было бы закрыть университеты, гдѣ мы теряемъ время и попойками портимъ свои нервы. Университетъ есть что-то среднее между монастыремъ и кабакомъ. Университетъ есть школа высокоумія, униженности, легкомыслія, зависти и раболѣпства. Въ наши дни надо было бы уничтожить и ученныя привилегіи. Что такое ученость? Сегодня ты невѣжда въ римскомъ правѣ, завтра ты приобретаешь въ книжной лавкѣ книжонку о римскомъ правѣ, а послѣзавтра ты узнаешь, что такое римское право. Вотъ она ученость, которою мы такъ гордимся. Сегодня мы не знаемъ, что Карлъ XII заключилъ въ домъ умалишенныхъ пастора Боэція за то, что онъ говорилъ объ опасности имѣть на престолѣ пятнадцатилѣтняго мальчика, а завтра мы купимъ исторію Швеціи и будемъ это знать! (Какъ видите, я вернулся къ исходному пункту). Сегодня мы не знаемъ, что Карлъ XII былъ помѣщанъ, завтра же мы въ книгѣ это

узнаемъ! Милостивые государи, я пью за хорошую организацію книжной торговли, и чтобы у насъ на приобрѣтеніе книгъ былъ бы неограниченный кредитъ! Тогда мы не будемъ переживать такихъ дней, какъ сегодня, когда вслѣдствіе невѣжества чувствовали злодѣя, поджигателя, великаго инквизитора, фальшивомонетчика Карла XII, и какъ разъ чувствовали его за то, чего всего больше у него не достаетъ — за нравственную высоту.

Результатъ получился тотъ, который легко было предвидѣть. Университетъ сталъ для Густава Борга нестерпимъ. Онъ почти и не посѣщалъ лекцій, но добылъ себѣ возможность пользоваться книгами. Такимъ образомъ, онъ самъ выбиралъ себѣ своихъ учителей, по большей части, — иностранцевъ, за неимѣніемъ шведскихъ ученыхъ. Для всякаго студента было не тайной, что профессора почерпали свои знанія у иностранцевъ, такъ какъ самыми серьезными научными сочиненіями считались нѣмецкія, въ особенности по медицинѣ, теологіи и эстетикѣ.

Послѣ трехлѣтней свободной науки Густавъ Боргъ дождался того, что поступилъ въ университетъ его младшій братъ Генрихъ. Трудно найти двухъ братьевъ менѣе похожихъ другъ на друга. Старшій — бѣлокурый, съ русой бородой, германецъ по типу, походилъ на отца. Младшій — брюнетъ, въ шестнадцать лѣтъ уже вполне сложившійся мужчина, бѣлый африканецъ, походилъ, очевидно, на мать, отецъ которой, какъ говорили, имѣлъ какую-то связь съ тропиками.

Эти братья не были никогда товарищами. Младшій всегда бывалъ притѣсняемъ старшимъ, и немногіе годы, раздѣлявшіе ихъ, не могли никогда стереться съ сердца старшаго. Онъ еще съ дѣтства привыкъ глядѣть на младшаго брата сверху внизъ; все, что бы тотъ ни говорилъ, — онъ

презиралъ и считалъ глупымъ; все это въ семьяхъ замѣчается часто. Теперь, въ университетѣ, различіе стало еще очевиднѣе. Густавъ былъ шведъ и родомъ изъ рудниковой мѣстности, немного даже старо-шведъ, стоящій за все отечественное, только съ оговоркой, тогда какъ Генрихъ, какъ иноземецъ, не могъ чувствовать по-шведски, и это была не его вина.

Разсуждая о предкахъ, Генрихъ могъ бы отвѣтить брату приблизительно такъ:

— Мнѣ казалось бы такъ же фальшиво присоединить себя къ вашимъ предкамъ, какъ фальшиво оказалось наше дворянское достоинство. Отецъ моего чернокожаго дѣда плясалъ на экваторѣ вокругъ костра, и онъ никакъ не могъ бы чествовать Карла XII, точно такъ же, какъ уроженецъ Сконіи не могъ бы душой и тѣломъ участвовать въ празднествѣ въ честь Густава - Адольфа, потому что во времена тридцатилѣтней войны Сконія принадлежала Даніи.

Не медлилъ отвѣтомъ и братъ, и отвѣтъ давалъ неизмѣнно все тотъ же: — Люценъ.

— Почему празднуемъ мы наше паденіе и нашъ позоръ?—возражалъ тогда обыкновенно Генрихъ.—Вашъ король (онъ никогда не говорилъ—нашъ) погибъ подъ Люценомъ, и католики торжествовали побѣду. Вѣдь игра считается выигранной, когда королю—мать. Послѣ Люцена шведы возобновили союзъ съ Ришелье и призвали французскія войска въ Германію. Поэтому послѣ Люцена шведское имя проклиналось въ Германіи. Подумай только: вызвать нашествіе французовъ, втянувъ въ страну, которая должна была быть намъ дружественной, исконнаго врага, галла! Поэтому-то я и внѣ себя, когда вижу, что вы обоготворяете этого дикаго бродягу Банера, разорившаго Саксонію

и обложившаго контрибуціей Богемію, но приобрѣтшаго извѣстность въ особенности благодаря своимъ отступленіямъ.

Тутъ воспламенялся Густавъ. Онъ соглашался относительно Карла XII, но не могъ допустить, чтобы дотрагивались до Густава-Адольфа и до Иоганна Банера.

— Шведъ ты или нѣтъ? — кричалъ онъ.

— Нѣтъ! Я гражданинъ вселенной! — рычалъ Генрихъ.

Густавъ снималъ со стѣны Вредевское ружье, Генрихъ обнажалъ старую драгунскую саблю — потомъ имъ становилось стыдно, и они заключали миръ до слѣдующаго случая, подвертывавшагося весьма скоро.

Но существовали между ними и болѣе глубокія разногласія. Густавъ работалъ за обновленіе стараго, а Генрихъ трудился для будущаго.

— Теперь старина настолько промозгла, — говорилъ онъ, — что къ ней прикоснуться нельзя. Эта возня съ обновленіемъ — лишь послѣдняя попытка для *ancien régime*; старый строй самъ собой истлѣветъ и явится подстилкой для новаго строя, который въ немъ пуститъ ростки. Этотъ строй не можетъ быть обновленъ, потому онъ только держится развратомъ: орденами, дипломами, низкопоклонствомъ, чинами. Мы должны о другомъ думать, и мы на старый строй смотримъ, какъ врачи на проституцію, какъ на что-то, чего пока измѣнить нельзя, съ чѣмъ приходится мириться — словомъ, какъ съ домомъ терпимости!

Генрихъ какъ бы родился съ мыслью, что общество должно переродиться и что это можетъ произойти незамѣтно при старомъ государственномъ строѣ, который, подкопанный, въ концѣ концовъ, самъ распадется.

Братья ссорились, пока не покинули университета, — старшій, безъ экзаменовъ, чтобы сдѣлаться журналистомъ, младшій — выдержавъ экзамены на врача.

Густавъ Боргъ основалъ газету въ столицѣ, а братъ его, Генрихъ, сдѣлался въ ней участникомъ. Они унаслѣдовали состояніе отца и вложили его въ типографію. Генрихъ увеличилъ свой капиталъ благодаря бережливости и осторожности, такъ что, въ концѣ концовъ, онъ сталъ главнымъ пайщикомъ газеты. Братья ссорились, но все же держались вмѣстѣ. Они женились, у нихъ родились дѣти—новыя яблоки раздора. Въ концѣ концовъ, съ годами несогласія такъ обострились, что разрывъ долженъ былъ наступить неизбѣжно. И теперь онъ наступилъ.

* * *

Зоологическое міросозерцаніе или ветеринарная философія 80-хъ годовъ не сдѣлало нравы болѣе утонченными; этого нельзя было и требовать, и проявленіе отъ времени до времени нѣкотораго одичанія служить лишь къ умиротворенію. «Борьба! борьба за все! Бери себѣ—не жди, чтобы предложили. Будь дерзокъ, тогда осилишь!» вотъ каковы были боевыя слова того времени. Старики, которыхъ обучали нѣсколько инымъ словамъ, а именно, что кроткіе наследуютъ землю, пришли въ уныніе и испугались; но со временемъ и они пріободрились и примирились съ борьбой, такъ что скоро все общество образовало два укрѣпленныхъ лагеря, присвоившіе своеобразный пароль: всѣ средства допустимы! Всѣ вспомогательныя силы были пріемлемы, и, вступая въ борьбу, мужья стали настолько неосторожны, что брали своихъ женъ съ собой, сначала ихъ держали сзади въ обозѣ, потомъ пустили впереди себя, такъ какъ съ животной теоріей пришелъ и суевѣрный страхъ за самку, страхъ, раздѣляемый всѣми животными. Что у стариковъ было унаслѣдованной галантностью, уваженіемъ

къ супругѣ и матери, добровольной покорностью въ духѣ христіанскомъ,—стало человѣческимъ правомъ, т.-е., хочу сказать, теоретической безсмыслицей. Малодушные мужья ползли за своими женами, выдвигая женъ впереди себя. Они съ обѣихъ сторонъ стали употреблять своихъ женъ вмѣсто холоднаго оружія или вмѣсто динамита. Часто сильный мужчина, самъ по себѣ непобѣдимый, въ самомъ своемъ укрѣпленномъ станѣ, въ семьѣ бывалъ взорванъ на воздухъ. Врагъ натравливалъ жену и дѣтей, и крѣпость сдавалась. То была борьба нечистоплотная, но она переворачивала на современный ладъ старыя понятія о супружествѣ, какъ союзѣ вѣрности. Это была своего рода неувѣренность, которая держала людей всегда на чеку, всегда на посту. То было непрерывное обновленіе при неудержимомъ движеніи впередъ.

* * *

Докторъ Генрихъ Боргъ женился на норвежкѣ, типичной лже-мученицѣ, истеричкѣ, типа, не существовавшего раньше, пока его не создалъ атрофированный мужской разумъ, когда онъ началъ чувствовать себя на одинаковомъ уровнѣ съ женой и дѣтьми. Она, кромѣ того, проникнута была взглядами, навѣянными норвежской народной высшей школой. Между прочимъ, она считала себя принадлежащей къ молодому поколѣнію, преисполненному милыми юношескими заблужденіями. Это должно было отражать духъ норвежскаго народа, гораздо болѣе стараго, чѣмъ шведскій. По ея твердому убѣжденію, исторія Швеціи начиналась въ норвежскихъ сагахъ. Она въ Христіаніи жила среди студенческой богемы; но въ своемъ безуміи она, съ другой стороны, мечтала и о Свавѣ, дамѣ съ перчаткой.

Она теперь хотѣла видѣть вокругъ себя чистыхъ юношей, и первый ея зубъ противъ доктора былъ за то, что онъ не былъ чистъ и невиненъ.

— Но вѣдь и ты не была такою! — отвѣчалъ просто докторъ.

Когда жена отвѣтила лишь безмолвнымъ выраженіемъ лица, означающимъ:—я? это дѣло другое! — онъ увидѣлъ, что тутъ ему предстоитъ не равенство, а тиранія, и, будучи ненавистникомъ тираніи, онъ обнажилъ мечъ.

Съ упрямымъ человѣкомъ, которому по природѣ недоступны факты и логика, долго бороться нельзя; покидаешь нестоящую труда битву и не связываешься съ невооруженнымъ. Но онъ остался въ змѣиной норѣ ради дѣтей, выжидая тотъ часъ, когда будетъ увѣренъ, что если онъ уйдетъ, дѣти не покинутъ его. Это было своеобразное положеніе мужчинъ того времени, у которыхъ чувства къ дѣтямъ были сильнѣй, чѣмъ у матерей, которыя, казалось, забыли здравыя побужденія и интересы и искали жизни внѣ дома, тогда какъ мужья еще мечтали о домашней жизни.

Среди какого-то громкаго процесса о разводѣ было мужемъ высказано необычное обвиненіе жены въ томъ, что ему приходилось сидѣть по вечерамъ дома, пока жена съ пріятельницами проводила время въ кафе. Безстыдная и наивная жена отвѣтила на это, что мужъ оставлялъ ее одну (въ кафе), и потому самъ долженъ отвѣчать за послѣдствія.

Докторъ Боргъ боролся одинъ, и онъ старался, опираясь именно на обычное новое міросозерцаніе, доказать своимъ друзьямъ, что если они желаютъ быть осторожными, то должны предупредить смѣшеніе половъ. Онъ пытался этого достигнуть, основываясь на принятомъ всей

природой раздѣленіи труда, которое ведетъ къ сбереженію силъ и совершенству.

— Мужу—сила и работа внѣшняя; женѣ—красота и домашнія занятія! Чѣмъ рѣзче отличие въ полахъ, тѣмъ болѣе удачное потомство.

Но эти доводы не помогали. Даже самые ученые натуралисты не видѣли «различія половъ».

— Это ничто иное, какъ самоуничженіе,—вскрикивалъ докторъ.—Вы вѣдь потеряли всякое самочувствіе, какъ мужчина, если чувствуете себя ниже женщинъ, и если вы дѣйствительно не сознаете своего униженія, значитъ, вы дѣйствительно низко пали.

Какъ это ни странно, но нѣкоторые изъ стоящихъ во главѣ движенія мужчинъ были развратны; хотя они это и отрицали, но поведеніе ихъ было извѣстно, точно такъ же, какъ и нѣкоторые знакомыя женщины были изобличены или находились подъ подозрѣніемъ.

Доктора, конечно, прозвали ненавистникомъ женщинъ. Это его не смущало, такъ какъ онъ зналъ, что это—ложь.

— Я не могу считаться ненавистникомъ дѣтей,—могъ онъ отвѣтить,—потому что я признаю подчиненіе дѣтей женщинѣ, и я не ненавистникъ женщинъ, потому что я вполне постигаю значеніе въ семьѣ женщины, но вы неспособны думать и наблюдать. Вы лжемудрствователи, которымъ не достаетъ задерживающаго центра между большимъ мозгомъ и мозжечкомъ...

Тѣмъ временемъ у него заложенъ былъ порохъ въ собственномъ погребѣ, и онъ долженъ былъ взлетѣть на воздухъ. Покушеніе было направлено противъ него его собственнымъ братомъ, редакторомъ. Такъ какъ докторъ Боргъ былъ человѣкомъ справедливымъ, то онъ, какъ мы знаемъ, отстаивалъ норвежцевъ въ ихъ справедливомъ

стремленіи къ свободѣ, и поэтому правые называли его другомъ норвежцевъ. Когда же онъ зажилъ несчастливо со своей женой норвежкой, то лѣвые, помимо его воли, произвели его въ ненавистника норвежцевъ. Онъ не любилъ свою злукъ, глупую жену; она была норвежка — значитъ, онъ — ненавистникъ норвежцевъ. Помраченные партійностью люди недалекаго ума ухватились за этотъ наивный выводъ, и этого было достаточно, чтобы заподозрить его въ томъ, что «онъ покинулъ знамя!» Того, что онъ не безумствовалъ въ смыслѣ женскаго вопроса, было достаточно, чтобы создать ему репутацію консерватора.

— Онъ въ душѣ консерваторъ! — высказалъ Густавъ свой ультиматумъ.

Не имѣя возможности справиться со своими врагами, онъ попробовалъ дѣйствовать при помощи женщины.

На слѣдующій день послѣ отрѣшенія отъ должности редактора онъ отправился къ невѣсткѣ, фру Дагмарѣ. Последняя съ звучнымъ именемъ соединяла и прирожденную красоту, которую она всѣми силами старалась скрыть и обезобразить. Чудную косу свою она остригла, чтобы не быть рабой моды. (При этомъ докторъ замѣтилъ, что длинные волосы служили всегда отличіемъ свободнаго челоуѣка, и что всегда плѣннымъ и заключеннымъ стригли волосы). Красивую шею скрывала она, чтобы можно было забыть, что она женщина. Маленькія ножки она прятала въ большихъ кожаныхъ сапогахъ, которые до ранъ натирали ей кожу. Все, что было неизящнаго, надѣвала она на себя и выбирала все, что могло бы придать ей болѣе злой видъ. Злоба, казалось, исходила и отъ всей ея мебели, виднѣлась въ окраскѣ драпировокъ и убранствѣ комнатъ. Во всемъ виденъ былъ вызовъ мужу, изящный вкусъ котораго былъ всѣмъ извѣстенъ, и легко было

понять, что все убранство дома было выполнено съ опредѣленнымъ намѣреніемъ оскорблять эстетическій вкусъ мужа. Она говорила, что хочетъ доказать свою независимость, и этимъ самымъ ясно выказывала свое подчиненіе злобѣ.

Шуринъ Густавъ былъ введенъ въ неубранную комнату. По двумъ стаканамъ съ остатками вина онъ понялъ, что до него у хозяйки была въ гостяхъ дама. Понимая вполне положеніе вещей, онъ зналъ, что ему не слѣдуетъ начинать разговора съ любезностей, въ особенности по поводу внѣшности хозяйки и ея туалета, это было бы принято какъ глумленіе надъ ея поломъ.

Невѣстка никогда не долюбивала Густава, но съ того мгновенія, какъ онъ сталъ врагомъ ея мужа, она полюбила его, и разговоръ сразу принялъ особенно дружелюбный оттѣнокъ.

— Ну-съ, Дагмара, — началъ Густавъ, — твой мужъ представляется либеральной партией кандидатомъ въ риксдагъ.

— Развѣ онъ либераль?

— Да! его можно назвать таковымъ, — отвѣтилъ хитрый шуринъ.

— Назвать! Но вѣдь онъ консерваторъ?..

— Ты думаешь, въ нѣкоторыхъ вопросахъ?

— Да, я такъ полагаю. Въ женскомъ вопросѣ онъ реакціонеръ, и его надо побороть. Кромѣ того, онъ ненавистникъ норвежцевъ!

— О, нѣтъ! — быстро заявилъ Густавъ. — Вѣдь онъ на тебѣ женатъ!

— Да! поэтому-то я и могу о немъ судить. Онъ Ибсена называетъ лягушкой, а Бьерсона старой бабой. Такъ развѣ это не ненавистникъ норвежцевъ?

— Не можетъ быть, чтобы онъ такъ думалъ серьезно?

— Не называлъ онъ развѣ на праздникѣ Лаге Ланга норвежцевъ чертовскимъ отродьемъ? Послѣ этого онъ выругалъ свою жену; я уже обратилась къ адвокату...

Лицо Густава Борга просвѣтлѣло, потому что цѣлью его посѣщенія было узнать, до чего дошло у нихъ дѣло.

— Развѣ вы хотите развестись? — возразилъ Густавъ съ участіемъ старшаго брата. — Подумайте о дѣтяхъ!

— О нихъ я позабочусь!

— Увѣрена ли ты, что онъ тебѣ ихъ оставитъ?

— Я возьму ихъ! — отвѣтила Дагмара съ увѣренностью, не обѣщавшей мирнаго разрѣшенія вопроса.

— Ты ихъ не возьмешь, потому что рѣшеніе представлено суду послѣ того, какъ будутъ допрошены обѣ стороны.

— Суду нѣтъ дѣла до моихъ дѣтей! — воскликнула Дагмара.

— Ошибаешься, моя милая, а то, что твой мужъ скажетъ о твоей неспособности воспитывать дѣтей, будетъ имѣть рѣшающее значеніе. Онъ врачъ и пользуется всеобщимъ довѣріемъ.

— Онъ? Самый отъявленный лгунъ, какаго свѣтъ не создавалъ.

Теперь фитиль былъ зажженъ, и большаго Густава Борга ничего не требовалъ. Передъ тѣмъ, какъ уйти, онъ только еще немного захотѣлъ раздуть огонь.

— Но, милая моя, что ты дѣлаешь! Разводъ именно теперь разрушилъ бы его шансы попасть въ риксдагъ, а вѣдь ты этого не хотѣла бы. Женщины въ особенности возстали бы противъ его кандидатуры, а ты знаешь, какъ либералы подчинены вліянію своихъ женъ.

— Я это знаю, и поэтому-то я и хочу побить его окончательно въ женской газетѣ!

Въ точку! Теперь огонь разгорѣлся, и Густавъ могъ уйти.

— Убери это, Дагмара,—сказалъ онъ уходя, указывая на винные стаканчики.— Это можетъ повредить тебѣ въ процессѣ.

— Развѣ онъ тоже не пьетъ? — замѣтила госпожа Боргъ.

— Конечно, моя милая, но не съ утра!
Этимъ кончилась ихъ бесѣда.

* *
* *

Пока происходилъ этотъ разговоръ, въ домѣ редактора велась другая бесѣда.

Борьба разгорѣлась во всю, но въ борьбѣ за власть надлежало въ то же время рѣшить, что считать либеральнымъ. Такъ какъ всѣ жили эволюціонной теоріей, то честолюбіе требовало, чтобы всякій стремился къ развитію. Поэтому всѣ старались уяснить себѣ, что такое развитіе. Одни думали, что это все то, что идетъ впередъ. Когда же увидѣли, какъ быстро развиваются всѣ старыя уродливости и ненормальности, стали осторожнѣе; а въ концѣ концовъ, пришли къ заключенію, что развитіе означаетъ лишь успѣхи стремленія человѣчества къ красотѣ и счастію черезъ справедливость и умѣренность. Но въ партійной борьбѣ благоразумія не существуетъ: поднимаютъ флагъ и кричатъ: «Теперь ты врагъ!»

Докторъ Боргъ, дѣйствующій благоразумно, долженъ былъ пасть вслѣдствіе своего благоразумія. Когда норвежцы въ 1885 году были обижены въ своихъ священнѣйшихъ правахъ, докторъ взялъ ихъ сторону. Когда же для нихъ опасность миновала и они были въ состояніи

сами постоять за себя и даже стали грозить войной, онъ счелъ дальнѣйшую поддержку лишней, а такъ какъ онъ былъ шведскимъ подданнымъ, то онъ рѣшилъ, что идти съ врагомъ не слѣдуетъ. Когда онъ въ семьѣ своей съ утра до вечера не слышалъ никогда ничего другого, кромѣ грубой норвежской ругани, направленной противъ шведовъ, онъ терпѣливо и упорно бралъ сторону праваго. Но это свойственное шведамъ рыцарство не было понято, и норвежскія газеты издѣвались надъ шведами за то, на-примѣръ, что художники устроили праздникъ въ честь Лагэ Ланга. «Трусливый шведъ», «шведъ пресмыкается», «Норвегія возьметъ бразды правленія»—такія и тому подобныя выраженія встрѣчались въ норвежской печати. Но пока это было одними словами, это на доктора впечатлѣнія не производило, но когда все, что было въ Швеціи завистливаго, низменнаго, въ особенности среди старыхъ бабъ, начало все норвежское превозносить, даже самое посредственное, въ ущербъ всему шведскому, тогда докторъ закричалъ: «Довольно!» Но тогда постигло его крушеніе, и онъ прослылъ за ненавистника норвежцевъ. Все семейное спокойствіе рушилось, и кандидатура въ риксдагъ стала сомнительной. Братъ Густава былъ по натурѣ патриотомъ и былъ враждебно настроенъ противъ норвежцевъ, но политика, личные интересы и чувства имѣли для него рѣшающее вліяніе, и онъ норвежскій вопросъ обратилъ въ оружіе противъ брата. Эта ложная тактика возмущала честнаго доктора, и онъ отправился въ самый центръ укрѣпленнаго лагеря брата, чтобы тамъ взорвать его. Онъ посѣтилъ фру Бриту въ то самое время, когда Густавъ дѣйствовалъ у фру Дагмары.

Брита сидѣла въ своей виллѣ. Она называла ее своей, потому что принесла съ собой въ приданое капиталъ. Гу-

ставъ же называлъ ее «нашей», потому что закономъ предусмотрена общность владѣнія между супругами. Вилла представляла изъ себя большой деревянный домъ съ пятнадцатью комнатами и двумя кухнями. Въ одной изъ кухонь стоялъ у Бриты ея письменный столъ, и тамъ она писала свои доклады, статьи и письма. Это было единственнымъ мѣстомъ, гдѣ дѣти (а у нея ихъ было семь человѣкъ) оставляли ее въ покоѣ.

Благодаря ея необыкновенному добродушію, она приняла шурина любезно, несмотря на его грубый разговоръ на паромѣ.

— Слушай-ка, милая моя, — началъ онъ, — если я говорю тебѣ, что мы должны обезвредить Густава, то это еще не значитъ, что я хочу заключить съ тобой компромиссъ.

— Что же онъ теперь дѣлаетъ?

— Во-первыхъ, онъ работаетъ противъ газеты, во-вторыхъ, онъ хочетъ погубить мою кандидатуру, а въ-третьихъ, онъ на ваши деньги играетъ на биржѣ.

— На мои деньги?

— Нѣтъ, на ваши; но это одинаково не хорошо.

— Онъ дѣйствительно играетъ на биржѣ?

— Да, онѣ его этому научили, эти старья кукушки.

— Какъ могу я этому помѣшать?

— Ты должна развестись!

— Ты думаешь?

— Да, я такъ думаю. Ваше супружество свою роль сыграло, и нечего вамъ вмѣстѣ киснуть. Молодые оперились, и гнѣздо уже уютнымъ не выглядитъ.

— Какъ ты рассуждаешь!

— Да, вотъ я какъ говорю! Вы давно уже перестали быть супругами, а теперь требуется только, чтобы дѣти

могли жить и дышать. Отец свое сдѣлалъ, а теперь онъ только давить, гнететь, мѣшаетъ и душитъ! Вонъ его!

— Вѣдь ты самъ отецъ!

— Да, поэтому-то мнѣ виднѣе...

— Онъ играетъ на биржѣ?

— Да, на кофе и сахарѣ.

— Вотъ какъ. На кофе и сахарѣ?...

Брита умолкла, а такъ какъ она отличалась тѣмъ, что всегда быстро все обдумывала, то она, помолчавъ мгновенье, сразу приняла рѣшеніе. Она встала и подошла къ желѣзному нескороаемому шкафу, гдѣ хранила важныя бумаги.

— У меня нѣтъ брачнаго договора, — снова начала она, отыскавъ что-то въ шкафу. — Но у меня кое-что другое: есть письма.

— Берегись писемъ, Брита. На судѣ мужья отъ писемъ легко увертываются. Или они говорятъ, что они ихъ не писали вовсе, или что они хотѣли другое сказать, то-то и то-то, или, что это была лишь шутка. Нѣтъ, у тебя долженъ быть въ рукахъ фактъ, всего лучше *flagrans delictum*.

— Что это значить?

— Это значить, что преступное дѣяніе совершено въ присутствіи двухъ достовѣрныхъ свидѣтелей.

— Нѣтъ, этого я не хочу!

— Не сегодня, позднѣй, если обстоятельства разовьются.

— Я закрывала глаза; я прощала; можно сказать, что я давала на все свое согласіе. Но если дѣло касается моихъ дѣтей, ихъ состоянія и будущаго, то этимъ я шутить не дамъ... Впрочемъ, можно думать, что онъ копить... для... новаго супружества съ ней.

— Итакъ, помни, будь крайне осторожна и, прежде

всего, ничего не подписывай на бумагахъ, которыя онъ можетъ тебѣ подсунуть. Ты знаешь, я совсѣмъ не слѣпой приверженецъ васъ, женщинъ; но правда должна оставаться правдой!

— Ты ненавидишь своего брата?

— Это сильно сказано, но я обороняюсь противъ страшнаго врага... Между прочимъ, слышала ты, что сдѣлалъ Густавъ съ Холгеромъ?

— Да, Холгеръ обязался выплачивать ежегодно Густаву значительную аренду за газету и типографію.

— Знаешь ли, какого размѣра аренда?

— Нѣтъ!

— Ну, она такъ велика, что онъ не справится.

— А развѣ Холгеръ не можетъ его какъ-нибудь прижать?

— За нимъ только его американская наглость.

— Какъ же быть?

— Мы должны ему помочь,—возразилъ докторъ, протягивая невѣсткѣ руку.—Завязалась борьба не на животъ, а на-смерть!

— Не останешься ли ты обѣдать?—спросила Брита.—Впрочемъ, я не занимаюсь хозяйствомъ и не знаю, что у насъ сегодня.

— Нѣтъ, спасибо, дорогая. Я не могу сидѣть за столомъ съ человѣкомъ, который какъ разъ въ настоящую минуту въ моемъ домѣ работаетъ на мою погибель.

— Онъ развѣ у тебя?

— Да, онъ не гнушается никакими средствами. Къ какимъ онъ прибѣгаетъ теперь, я узнаю, вернувшись домой. Прощай, Брита!

V.

Бышій редакторъ примирился съ своей судьбой, жилъ себѣ на дачѣ и писалъ свои статьи. Въ одно лѣтнее утро сидѣлъ онъ на террасѣ и ждалъ газету, чтобы прочесть въ ней свою послѣднюю статью. Это была тонкая статейка, отъ которой онъ ожидалъ большого эффекта. Онъ обсуждалъ либеральную программу, которой должны были придерживаться кандидаты на выборныхъ собраніяхъ, а въ тайникѣ души онъ думалъ этой статьей выставить брата Генриха консерваторомъ. То былъ ударъ въ ватеръ-линію, который долженъ причинить крушеніе боевого судна. Густавъ наслаждался въ душѣ; въ ушахъ у него звучали его ядовитыя слова; онъ представлялъ себѣ брата, раскрывающаго газету, чтобы отыскать свою статью, и находящаго вмѣсто того другую, сваливающуюся ему на голову, какъ камень съ неба. Онъ мысленно такъ наслаждался, что улыбка показалась на его лицѣ. Онъ закурилъ папироску въ пятнадцать пфенниговъ. Непрерывно зажигалъ спички и пыхтѣлъ.

Наконецъ принесли газету.

Онъ всталъ и принялъ боевую позу, раскрылъ газету, чтобы на второй страницѣ найти свой лакомый кусочекъ.

Тамъ его не было! Онъ посмотрѣлъ на третьей страницѣ.

И тамъ статьи не оказалось!

Онъ смялъ газету, бросился къ телефону и вызвалъ редактора. Сынъ Холгеръ тотчасъ же подошелъ къ телефону и спросилъ, въ чемъ дѣло.

— Почему не напечатана моя статья? — спросилъ отецъ хриплымъ голосомъ.

- Мы ее напечатать не можемъ, — отвѣтилъ сынъ.
— Но я видѣлъ ее въ наборѣ, читалъ корректуру и..
— Такихъ безсмыслицъ мы печатать не можемъ! —

отвѣтилъ сынъ.

Дальше у отца не хватило голоса; онъ попробовалъ закричать, но остался нѣмъ, молча отошелъ отъ телефона, взялъ шляпу и пошелъ въ лѣсъ.

Проходя мимо кухоннаго окна Бриты, онъ увидѣлъ ее сидящую съ перомъ въ рукѣ передъ листомъ бумаги. Она писала и писала противъ него, ея мужа, въ то время какъ сынъ вырывалъ изъ его рукъ перо, орудіе его самозащиты.

Онъ весь съежился: онъ ничтоженъ. Ему, создавшему эту газету, доведшему ее до цвѣтушаго положенія, сдѣлавшему изъ нея источникъ дохода, ему теперь запрещалось въ ней писать и запрещалось къѣмъ? — собственнымъ сыномъ. И онъ вспомнилъ о королѣ Лирѣ. Онъ пошелъ по полямъ, черезъ рощи и луга.

Къ чему было долго жить и учиться, когда, въ концѣ концовъ, опытность оказывалась ни къ чему не годной? Будучи молодымъ человѣкомъ, онъ постоянно слышалъ, что мудрость приходитъ съ годами, послѣ многолѣтней жизненной школы. Онъ эту школу прошелъ; онъ былъ свидѣтелемъ того, какъ создавалось все, что теперь есть, и поэтому, думалось ему, онъ лучше другихъ понимаетъ, что нужно, а его какъ старую метлу выбрасываютъ въ уголь, съ нимъ обращаются какъ со старымъ идиотомъ.

Погулявши до усталости, онъ нѣсколько успокоился и поднялся на гору, откуда было видно море. Это освѣжило его, и видъ вѣчно движущейся стихіи придалъ ему силы. Онъ присѣлъ на скалу и задумался. Онъ можетъ прожить еще лѣтъ тридцать — цѣлую человѣческую

жизнь; онъ чувствовалъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы продолжать борьбу, выдержать ее, въ случаѣ надобности, переждать, пока враги истощатъ свои силы въ бесплодной погонѣ за голубымъ призракомъ и не съумѣютъ ихъ сбечь и обновить. Черезъ десять лѣтъ, говорилъ онъ самъ себѣ, подрастетъ новая молодежь съ новыми идеалами, умѣренные сыны дѣйствительности, которые лучше его поймутъ; они низвергнутъ теперешнихъ утопистовъ съ ихъ мечтами о социалистическомъ обществѣ — теоріей, которой онъ тоже увлекался въ юности, но отъ которой потомъ отказался. Эти молодые люди считаютъ, что они опередили его, однако, они стоятъ далеко позади него, на ряду съ молодежью 30-хъ и 40-хъ годовъ. Онъ вѣдь праздновалъ французскую революцію и произнесъ рѣчь, въ которой объявилъ себя сыномъ Конвента, онъ былъ вѣренъ традиціямъ. И вдругъ его называютъ консерваторомъ! Консервативный республиканецъ! Большеей нелѣпости быть не могло! Но теперь жизнь проходила въ какомъ-то туманѣ, въ круговоротѣ красокъ, гдѣ всѣ цвѣта радуги сливались въ бѣлый тонъ; всѣ движенія прилива и отлива понеслись въ море и тамъ смѣшали свои воды. Приверженцами социализма, который, въ сущности, не что иное, какъ христіанство, были атеисты, а христіане оказались капиталистами и эгоистами; крестьяне были роялистами, но ослабляли королевскую власть; роялисты играли въ либераловъ, а монархъ стоялъ за свободу торговли и свободу церкви и считался свободомыслящимъ. Это было настоящее вавилонское столпотвореніе, паденіе всѣхъ старинныхъ понятій. Анархисты были аристократами; свободомыслящіе работали за незаконность, за женскую тиранію и за право свободной торговли въ ущербъ своей собственной выгодѣ; протекціонисты желали поднять собственную производительность, но прину-

ждали деревенскихъ жителей покупать за дорогую цѣну плохой товаръ.

Это было своего рода продолжительное кипѣніе, отъ котораго многое должно было испариться, пока на днѣ не образуется твердое вещество, весьма пригодное, какъ питательное средство. Возможно, что насталъ моментъ развитія, напоминающій диффузію газовъ, когда однѣ частицы вытѣсняють другія. Можетъ быть, то, что происходило, было хорошо. Можетъ быть, въ будущемъ этотъ осадокъ опять долженъ будетъ раствориться, и произойдетъ снова общая великая работа соединенныхъ силъ, такъ что даже самая ничтожная изъ нихъ будетъ въ правѣ сказать, что принимала участіе въ движеніи впередъ, и образъ побѣдившей идеи представится какъ соединеніе всѣхъ идей, потому что онъ не что иное, какъ сплавъ благородныхъ и неблагородныхъ металловъ. Это справедливо, какъ самъ Богъ, и только честолюбивые партійные главари могутъ быть этимъ недовольны.

Пока онъ такъ мысленно разсуждалъ, глаза его остановились на видѣвшихся въ морской дали сѣровато-бурыхъ шхерахъ. Несмотря на близорукость, онъ усмотрѣлъ въ этихъ формахъ что-то необыкновенное, чего онъ не узнавалъ, хотя зналъ отлично всѣ ближайшіе острова. Они какъ разъ въ это мгновеніе задвигались; необычный для его глаза цвѣтъ ночныхъ бабочекъ, какъ бы выдуманный специально, чтобы сдѣлать ихъ мало замѣтными, обратилъ его особое вниманіе. Въ эту минуту къ небу поднялись три дымныхъ облачка, и онъ понялъ, въ чемъ дѣло: то была французская эскадра, шедшая изъ Кронштадта и направлявшаяся къ Стокгольму. Взвились трехцвѣтные флаги, и сердце стараго республиканца забилося. Нѣмецкая политика, оказывавшая послѣ Седана свое вліяніе на Швед-

ское правительство, была ему неприятна; она имѣла привкусъ порабощенія и производила впечатлѣнїе, будто притѣсненный покинуть на произволъ судьбы. Теперь Франція освободилась отъ оковъ изолированности и снова стала въ числѣ великихъ европейскихъ державъ, чтобы къ концу столѣтія стать опять однимъ изъ тѣхъ сильныхъ государствъ, которые хотѣли подѣлить между собой землю. Возрожденіе Франціи означало новый шагъ впередъ, потому что всегда сила французскаго мотора передавалась на другія націи, разъ были налицо руководители. Союзъ трехъ императоровъ былъ несомнѣнно расторгнутъ, и наисильнѣйшія противоположности—могущество царя и европейская республика—должны были на дальнемъ Востокаѣ сравниться съ тѣмъ, чему грозило разрушеніемъ первенство Англїи въ Египтѣ и на Средиземномъ морѣ.

Довольный и ободренный всталъ онъ теперь и пошелъ было домой, но затѣмъ, повернувъ направо, направился къ дому пастора. Онъ чувствовалъ потребность съ кѣмъ-нибудь встрѣтиться и отвести душу по поводу неприятнаго впечатлѣнїя этого утра.

Скоро межъ липами выглянулъ домъ пастора, красный деревянный домъ въ два этажа; сооруженъ онъ былъ изъ шведской крестьянской избы, и къ нему примыкали рига и скотный дворъ. Когда редакторъ вошелъ въ переднюю пристройку дома, гдѣ его встрѣтилъ Филаксъ, который, въ знакъ привѣта, вытеръ свои лапы о платье посѣтителя, слуга сказалъ ему, что пасторъ на скотномъ дворѣ смотритъ, какъ доятъ коровъ.

Онъ отправился на скотный дворъ, гдѣ засталъ шурина за дѣломъ. Въ шапочкѣ, въ полиняломъ отъ солнца пальто сидѣлъ онъ и что-то записывалъ въ журналъ молоч-

наго хозяйства. Позади него на окнѣ стоялъ подносъ съ остатками съѣденнаго завтрака.

Густавъ Боргъ очень любилъ подтрунивать надъ попеченіемъ пастора о душахъ паствы на скотномъ дворѣ и въ молочной, но сегодня онъ не былъ расположенъ шутить, потому что онъ желалъ склонить пастора на свою сторону, да, кромѣ того, пасторъ сразу обезоруживалъ его взглядомъ, просившимъ о пощадѣ въ присутствіи слугъ.

— Мы работаемъ съ четырехъ часовъ, поэтому мнѣ нельзя было не закусить!

Этимъ онъ хотѣлъ парировать уколъ противъ стояшаго на окнѣ подноса съ пустыми бутылками изъ-подъ пива и водки.

— Я только вошелъ взглянуть на тебя! — отвѣтилъ зять, какъ бы не обративъ вниманія на подносъ.

— Мы какъ разъ кончили. Подожди минутку, и я пойду съ тобой.

Густавъ обождалъ и сталъ разсматривать всю эту сотню жирныхъ коровъ, пережевывавшихъ жвачку, обмахиваясь хвостами.

Пасторъ подвелъ итогъ литрамъ и былъ доволенъ результатомъ удоя, хотя выразилъ удивленіе, почему пробная дойка въ его присутствіи давала всегда лучший результатъ, чѣмъ ежедневная дойка.

— Гляди! что значитъ глазъ хозяина! Если за своимъ добромъ не смотришь самъ, то никогда не знаешь какъ, идетъ дѣло! Да и земля даетъ настоящій урожай только своему собственнику. Если бы я сдавалъ свою землю въ аренду, то никогда не выручилъ бы столько. Арендаторъ всегда ноетъ, а когда подходитъ время уплаты, посылаетъ къ тебѣ жену и дѣтей, чтобы они выплакали ему отсрочку и помилованіе. Нѣтъ! Каждый самъ для себя лучший ра-

ботники! Заглянемъ на минутку въ молочную. Видѣлъ ли ты мой новый сепараторъ? Поразительно работаетъ эта турбина!

Онъ отворилъ дверь, и они вошли въ молочную.

— Тутъ добывается золото!—продолжалъ онъ быстро, какъ бы желая отклонить всѣ неприятные вопросы и колкія замѣчанія. — Взгляни-ка только на это масло! Посмотри! Нѣтъ, ты долженъ его отвѣдать! Что? Не первое-классное ли?.. Впрочемъ, все это тебя не интересуетъ.

Они вышли.

Когда они вошли въ переднюю, Филаксъ опять привѣтствовалъ Густава Борга и вытеръ свою морду о его свѣтлое платье. Животное при этомъ только что поѣло, и гость готовъ былъ разсердиться, но онъ замолчалъ и сдержалъ себя, потому что намѣревался одержать побѣду.

Квартира пастора не отличалась новизной стиля: сафьяновый диванъ, шахматная доска, курительный приборъ, книжная полка съ сочиненіями отцовъ церкви, церковной газетой и сводомъ законовъ! Странное смѣшеніе свѣтской и духовной власти!

Мебель была изъ краснаго дерева и выглядѣла такъ, будто она новой никогда не бывала, а казалась Богъ знаетъ когда купленной съ аукціона. Красное дерево вообще мало похоже на растительный продуктъ, оно скорѣе напоминаетъ вяленое мясо, и кромѣ того, оно обладаетъ способностью потѣть. Поэтому на немъ всегда остаются слѣды отъ пальцевъ, и это совсѣмъ не аппетитно. Разставленная на заплатанныхъ коврахъ всѣхъ оттѣнковъ винегрета, эта обстановка производила впечатлѣніе чего-то неопрятнаго — казалось, что отъ всего этого пахнетъ нюхательнымъ табакомъ.

При болѣе внимательномъ осмотрѣ, у двери виднѣлась

коллекція палокъ и цѣлый музей засаленныхъ шапокъ. Рядомъ стоялъ приборъ съ мензурками для пробы молока, новый аксессуаръ рациональнаго сельскаго хозяйства.

Свойки сѣли, и, такъ какъ оба были болтливы, то скоро завязался оживленный разговоръ.

— Ты рано вышелъ гулять,—замѣтилъ пасторъ.

— Миѣ ничего другого не осталось съ тѣхъ поръ, какъ я отставленъ.

— Да, молодежь стариковъ вытѣсняетъ! Это въ порядкѣ вещей!

Густавъ Боргъ былъ готовъ посѣтовать и пожаловаться на судьбу, но во-время удержался, зная, что шуринъ только осмѣетъ его за то, что онъ прежде всегда былъ на сторонѣ молодежи.

— Да,—сказалъ онъ,—молодежь! Ты знаешь, я всегда поддерживалъ ее, пока требованія ея были справедливы и разумны; но когда она перешла границы, я не могу не возстать противъ нея.

Такъ какъ пасторъ былъ въ миролюбивомъ настроеніи, то всталъ на точку зрѣнія собесѣдника.

— И ты поступаешь хорошо. Тебя за то и хвалили.

Онъ досталъ газету со стола съ шахматной доской, но, когда Густавъ Боргъ прочелъ заглавіе «Родина», настала сразу конецъ миролюбію, и маска спала съ лица.

Боргъ былъ внѣ себя.

— Меня здѣсь похвалили? Въ этой газетѣ? Ну, въ такомъ случаѣ я пропалъ.

— Ты что же—не любишь свою родину?—спросилъ пасторъ, шутя.

— Не очень, потому что она того не стоитъ. А что касается твоей газеты, то вѣришь ли ты самъ, что въ ней пишутъ христіане? Это несомнѣнно духовные люди, но пи-

путь они какъ черти. Ложь, насиліе, незаконность, вражда, лжесвидѣтельство — вотъ программа газеты.

Разсердился и пасторъ; онъ вскочилъ и началъ такъ ходить по ковру, что отъ него поднялась пыль.

— Не находишь ли ты, что лучше, что лучше, если народомъ руководить гуманное, просвѣщенное духовенство, чѣмъ невѣжественные свѣтскіе проповѣдники?

— Свѣтскіе проповѣдники? А что ты изъ себя представляешь? Твое призваніе — это сельское хозяйство, а твою службу ты поручаешь помощнику и адъютанту. А что дѣлаетъ твой помощникъ? Онъ, если не спитъ, то ѣстъ, а въ промежуткахъ еще пьетъ, да въ карты играетъ. Онъ шесть дней отдыхаетъ, а на седьмой работаетъ. А твой адъютантъ, твой сотрудникъ по газетѣ, защитникъ правъ супружества, знаешь ли ты, что онъ дѣлаетъ на своемъ островѣ? Тебѣ отлично извѣстно, что онъ живетъ какъ турокъ и что его видѣли въ лодкѣ голымъ въ обществѣ красивой дѣвушки, но ты закрываешь глаза, потому что онъ съ тобой играетъ въ карты. Но зато прихожане покидаютъ церковь и открываютъ молитвенные дома, которые вы преслѣдуете! Да! Старая Швеція готова стать церковной республикой наподобіе Парагвая, а положеніе государственной церкви не лучше теперь, чѣмъ въ 1527 г. Вы потеряли духовную власть, но еще сохраняете свѣтскую. Ваши епископы участвуютъ на официальныхъ обѣдахъ, возсѣдаютъ въ риксдагѣ и ландстингѣ, въ комитетахъ и академіяхъ. У насъ какъ разъ былъ епископъ, получающій ежегодно 80.000 кронъ; онъ переводилъ стихи и сочинялъ юмористическія пѣсни, но заботу о паствѣ онъ предоставлялъ другимъ. У меня былъ двоюродный братъ помощникомъ пастора въ одномъ изъ сѣверныхъ городовъ, ты его зналъ. Онъ тоже умеръ отъ

чрезмѣрной ѣды! При исполненіи каждой требы въ приходѣ — на свадьбахъ, крестинахъ, похоронахъ — онъ непремѣнно долженъ былъ ѣсть и пить. Въ послѣднее воскресенье своей жизни онъ исполнилъ восемнадцать различныхъ требъ, т.-е. онъ въ одинъ день восемнадцать разъ ѣлъ и пилъ, потомъ съ нимъ сдѣлался ударъ, и онъ умеръ. Ты говоришь о вашей гуманности. Это только отсутствіе предразсудковъ, основанное на невѣріи! Вы въ ваше ученіе не вѣрите — этого никто и не требуетъ, но, въ такомъ случаѣ, вы должны были уйти, или вы лицомѣры! Но вы не намѣрены покинуть хлѣбъ и власть!

Онъ тоже всталъ съ мѣста, и они оба шагали по ковру, напоминая льва и медвѣдя. Но Густавъ Боргъ не унимался.

— Коровъ и свиней ты содержать можешь, — продолжалъ онъ, — но если къ тебѣ придетъ человѣкъ въ нуждѣ, то для него у тебя не найдется ни жалости, ни помощи, ни утѣшенія, потому что ты суровъ, скупъ и безжалостенъ! И государство обязано прокормить 28.000 такихъ, какъ ты и твои подчиненные! Вы поѣдаете семь милліоновъ кронъ, и средства эти выколачиваются во что бы то ни стало у вѣрующихъ, какъ и у невѣрующихъ, способомъ, напоминающимъ грабежъ. Во что вы вѣрите, — знаетъ одинъ чортъ, но вы всего ближе напоминаете почитателей дьявола, потому хотя бы, что вы открыто прославляете губителя Швеціи Карла XII, котораго человѣкомъ считать нельзя, а просто діаволомъ! И когда на послѣднемъ чествованіи этого уroda, лишеннаго всякаго нравственнаго чувства, группа студентовъ попробовала оппонировать, ихъ позвали къ ректору, и они чуть не подверглись исключенію изъ университета. Спрашивается только, куда васъ слѣдуетъ посадить? Въ домъ ли для сумасшедшихъ или въ

тюрьму? А ты со своей заботой о душахъ прихожанъ? Говорятъ, ты дерешься палкой, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать на разумъ и на душу. А что ты дѣлаешь въ церкви? То же, что сдѣлалъ епископъ въ ризницѣ! Ты недавно, когда напился, хвастался, что ты никогда въ церковь не ходишь, что ты цѣлый годъ не былъ въ церкви! Ты, стоишь такъ строго за принужденіе къ причастію, а когда ты въ послѣдній разъ приобщался? Двадцать лѣтъ тому назадъ, при посвященіи въ санъ! Это позоръ! Я это говорю тебѣ и теперь стряхиваю на твой заплатанный коверъ прахъ съ моихъ ногъ! За тебя обидно, если ты никогда не задумывался надъ тѣмъ, что ты дѣлаешь! Если же ты когда-нибудь опомнишься, не возвращайся въ свое старое гнѣздо, а если посмѣешь, отправляйся въ молитвенный домъ: тамъ, по крайней мѣрѣ, найдешь ты христіанъ, которые дѣлаютъ все, что могутъ, чтобы очистить свою душу.

Пасторъ не былъ дурнымъ человѣкомъ и не былъ лицемеромъ, но, какъ всѣ, жилъ изо дня въ день, какъ представлялось возможнымъ, не задумываясь; онъ никогда не оглядывался назадъ. Когда же теперь ему все было высказано, онъ не могъ отрицать ни одного факта. Онъ впервые увидалъ себя, свой образъ, и ему казалось, что онъ умираетъ. Онъ молча сѣлъ на диванъ и оставался сидѣть съ почернѣвшимъ лицомъ.

Боргъ, благодаря этому нападенію и неожиданной побѣдѣ, завладѣлъ потеряннымъ имъ утромъ чувствомъ собственной силы и опять воспріялъ духомъ.

— Ты пасторъ,—продолжалъ онъ еще, желая устроить себѣ почетное отступленіе, не давъ непріятелю время опомниться,—но ты не духовное лицо. Ты вмѣсто молитвы начинаешь свой день на скотномъ дворѣ съ пивомъ и

водкой, затѣмъ ты спишь, а потомъ до обѣда играешь въ шахматы; послѣ обѣда и послѣ того, какъ ты вторично напѣешься, ты снова ложишься спать; потомъ ты опять играешь до ужина, состоящаго ежедневно изъ шести холодныхъ блюдъ и одного горячаго. Легъ ли ты хоть разъ спать безъ ужина? За двадцать пять лѣтъ былъ ли ты хоть одинъ день трезвъ, потому что ты напиваешься три раза въ день? Когда-нибудь творишь ли ты вечернюю молитву? Нѣтъ! И ты не человѣкъ, ты свинья! Вотъ ты что!

Онъ, конечно, не того достигъ, чего хотѣлъ. Но онъ получилъ другое. И онъ только желалъ, чтобы его слышали, тогда не стали бы его называть консерваторомъ.

VI.

Приходъ французской эскадры на время прервалъ частныя и общественныя распри. Шведское легкомысліе выказалось съ пріятной стороны, т.-е. шведы показали свою незлопамятность. Несмотря на нѣмецкую политику, которой не такъ давно стали придерживаться, члены правительства принимали участіе въ праздникахъ въ честь французовъ и произносили рѣчи въ честь Франціи.

Праздникъ въ Тиволи былъ для Густава Борга великимъ днемъ, такъ какъ онъ былъ однимъ изъ хозяевъ празднества. А такъ какъ къ тому же онъ превосходно владѣлъ французскимъ языкомъ и былъ отличнымъ ораторомъ, то чувствовалъ себя на мѣстѣ.

Послѣ войны 1870 г. Франція дулась на Швецію, когда этотъ братскій народъ повернулся спиной къ республикѣ и къ побѣжденному другу; но теперь все было забыто. Французскій посланникъ въ Стокгольмѣ, остроум-

ный и горячій республиканецъ и, какъ говорили, бывшій коммунаръ, свелъ дружбу съ либеральными салонами Стокгольма, завязалъ отношенія съ горожанами и дѣлалъ въ клубахъ доклады, не бывшіе вполнѣ *comme il faut*. «Въ сферахъ» должны были смотрѣть на это благосклонно, такъ какъ онъ былъ посломъ великой державы и особа его была неприкосновенна. Его квартира и домъ норвежскаго посольства были центрами всѣхъ передовыхъ партій, интересующихся политикой, наукой, искусствомъ и литературой. Туда изъ любопытства или по обязанности были вхожи и многіе приближенные къ «сферамъ», связанные съ ними рожденіемъ или занимаемымъ положеніемъ. Эти старались подставить краснымъ ножку, обезславить ихъ; но они скоро замѣчали, что натыкались на сопротивление. Такъ, на примѣръ, съ однимъ шведскимъ *attaché* при норвежскомъ посольствѣ приключилось слѣдующее *quiproquo*.

Attaché (къ французскому послу). Что это за оборванецъ, котораго нашъ добрый Блэръ впустилъ въ свой салонъ?

Французскій посолъ. Вы про кого? Про этого? Это мой ближайшій другъ, живописецъ X.

Attaché. Ахъ! у него крестъ! Но на видъ онъ ужасенъ!

Франц. посолъ. Что же дѣлать! Онъ зато офицеръ ордена Почетнаго Легіона, а мы (мы оба) пока просто кавалеры!

Attaché. Но признайтесь, что дамы здѣсь нѣсколько странны. Взгляните вонъ на ту: она похожа на пѣвицу.

Франц. посолъ. Это не моя жена; но моя жена тоже была пѣвицей.

Attaché сконфузился окончательно.

Въ этомъ кружкѣ Густавъ Боргъ чувствовалъ себя какъ дома, и теперь, на празднествѣ въ Тиволи, послѣ того,

какъ онъ произнесъ блестящую рѣчь въ честь Франціи, изъ которой всегда исходилъ всякій прогрессъ, всѣ забыли, что онъ отставленный отъ дѣла; онъ снова явился въ глазахъ всѣхъ старымъ республиканцемъ, отъ котораго отпало всякое подозрѣніе въ консервативности.

Смѣшеніе классовъ и взглядовъ въ 90-хъ годахъ было настолько сильно, что всѣ старыя понятія уже никуда не годились. Обѣ простыя клички, консерваторъ и либераль, служили лишь ругательными словами. Жизнь стала богаче, взгляды окрасились въ различные оттѣнки, узкая партійность была изгнана въ болѣе низменные слои горожанъ, которые въ своемъ несложномъ кругозорѣ могли различать только два цвѣта. Такъ, Катонъ, цензоръ риксадага, охранитель основныхъ законовъ, подъ конецъ получилъ прозвище консерватора, потому что онъ не могъ сочувствовать женскому вопросу; но это, впрочемъ, его не смутило. А съ другой стороны, надменный, слѣпой къ требованіямъ времени епископъ У. былъ признанъ краснымъ за то, что однажды, по недоразумѣнію, голосовалъ за всеобщее избирательное право.

Власть, управляющая страной, была распределѣна по столькимъ рукамъ, что нельзя было сказать, кто именно управляетъ. Совѣтъ этого не дѣлалъ, риксадагъ, казалось, издавалъ законы, но общественное мнѣніе приготовлялось въ газетахъ, въ литературѣ, въ нѣдрахъ семей, въ клубахъ, въ кофейняхъ, въ гостиныхъ, въ мастерскихъ. Въдъ сильна только власть живой рѣчи, но власть печатнаго слова еще сильнѣй. Власть газеты, которая въ то время была значительна, была парализована возникновеніемъ многихъ газетъ; одна какая-нибудь знаменитость или одинъ авторитетъ имѣлъ значеніе въ одномъ какомъ-нибудь кружкѣ, а въ другомъ ничего не значилъ. Общество состояло изъ

многихъ кружковъ, имѣющихъ каждый свою центральную точку, при чемъ не было двухъ кружковъ съ одной общей центральной точкой. Поэтому не могъ ни одинъ источникъ силы настолько развиться, чтобы придавить остальныхъ, тогда какъ всѣ они испытывали слабое давленіе со стороны, и это содѣйствовало тому, что все зданіе держалось.

Праздникъ Тиволи состоялся въ прекрасный, свѣтлый лѣтній вечеръ. Начальникъ генеральнаго штаба первый произнесъ, рѣчь въ которой онъ упомянулъ о братской дружбѣ съ французской арміей во время войны 1870 года, когда онъ лично участвовалъ въ сраженіяхъ при Віонвилѣ и Гравелотѣ.

Послѣ него всталъ Норденскьельдъ, представитель либераловъ въ рискдагѣ, высланный изъ Финляндіи, первое лицо въ Швеціи, человекъ простой, безъ чванства, но имѣвшій въ ящикѣ своего письменнаго стола всѣ звѣзды Европы. Либералы не понимали, какъ могъ онъ принимать звѣзды, но въ этомъ была его жертва. Норденскьельдъ принималъ звѣзды какъ безвредныя игрушки, не жервуя за нихъ своими убѣжденіями и взглядами. Старые либералы поворчали, но убѣдившись, что отъ этого человекъ не испортился нисколько, они скоро простили ему, и онъ этого заслуживалъ.

Официальный обѣдъ, въ сущности, кончился, и всѣ раздѣлились на группы. «Общество» заняло павильоны для танцевъ, другіе разсѣлись въ бесѣдкахъ, наверху на террасѣ, въ палаткахъ, въ кегельбанѣ.

Густавъ Боргъ находился среди «общества». Рядомъ въ бесѣдкѣ сидѣли его жена Брита, сыновья, Холгеръ и Куртъ, архитекторъ и докторъ Боргъ; послѣдній безъ же-

ны. Она не говорила по-французски и не хотѣла быть въ неловкомъ положеніи.

— Положеніе неясно, — сказалъ докторъ, — неясно, какъ все въ наше время. Либералы пошли на эскадру, а Густавъ сіяетъ тамъ въ павильонѣ.

— Съ кѣмъ говоритъ онъ? — спросила Брита.

— Это финка! Можешь ты это себѣ представить?

— Которая празднуетъ приходъ эскадры изъ Кронштадта и франко-русскій союзъ?

— Да. Положеніе неясное. Но одно вѣрно: теперь финны платятъ за безграничную гордость и за глупое презрѣніе къ Швеціи. Финноманія семидесятыхъ годовъ, которую культивировали шведскіе финны, была лишь продолженіемъ Аньялы. Я тоже былъ когда-то въ Гельсингфорсѣ, и тамъ было нестерпимо. Форсманъ чувствовалъ такое пренебреженіе къ шведскому языку, что переименовалъ себя въ какого-то Коскинена или во что-то въ этомъ родѣ. Топпеліусъ выдавалъ себя за русскаго статскаго совѣтника или еще за что-то русское. Когда я по-шведски обратился зачѣмъ-то къ шведскому финну, онъ мнѣ ничего не отвѣчалъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ они захотѣли упразднить шведскій языкъ и ввести вмѣстѣ съ финскимъ языкомъ свою самоѣдскую культуру. Старики играли въ русскаго статскаго совѣтника, молодые въ русскаго нигилиста. Теперь же, когда они попали въ затруднительное положеніе, и когда Россія захотѣла слить съ собой Финляндію, они приходятъ къ намъ, и очень хотѣли бы, чтобы мы объявили Россіи войну. Вообразите себѣ, въ салонѣ этой финской дамы бываетъ финскій сенаторъ, который считаетъ, что онъ въ ссылкѣ, потому что съ нимъ были немилостивы, но онъ даже не можетъ объяснить, въ чемъ проявилась эта немилость. Понимаете вы что-нибудь? А эта

финка считаетъ себя великой патриоткой; да, она настолько старофинка, что принимала участіе въ образованіи школы при шведскомъ театрѣ въ Гельсингфорсѣ, въ которой вновь прибывшіе шведы должны были обучаться финскому произношенію, т.-е. должны были учиться говорить по-шведски съ финскимъ акцентомъ. Что вы на это скажете? Бѣдные финны, они не знаютъ, что дѣлаютъ, но они этого хотѣли! Впрочемъ, общее развитіе требуетъ изытія, и маленькія націи неминуемо будутъ поглощены. Это сначала болѣзненно, но гражданство вселенной не покупается за маленькія деньги! Глядите, теперь она привязалась къ русскому attaché! Ахъ, если бы это могъ видѣть сенаторъ!..

— Маленькія націи должны исчезнуть, — повторила Брита, радостная и довольная, какъ будто она слѣлала открытіе.

— Да, и мы почти на пути къ этому! Знаете ли вы, что мнѣ этотъ праздникъ не нравится! Онъ показываетъ намъ, шведамъ, что мы, шведы, больше не нужны. Франція нѣсколько столѣтій подъ рядъ смотрѣла на насъ, какъ на передовой постъ противъ Россіи, и существуетъ старинная медаль, выбитая во Франціи, на которой шведъ изображенъ какъ наемный солдатъ Франціи. Они, дѣйствительно, смотрѣли на насъ какъ на своего рода швейцарцевъ, существовавшихъ тѣмъ, что ихъ нанимали въ войска. Теперь же, когда они заключили союзъ съ Россіей, то Швеція свою роль въ исторіи потеряла. Мы больше не нужны! Я вчера встрѣтился съ врачомъ съ эскадры и показывалъ ему Стокгольмъ. Онъ разсуждалъ о союзахъ и о предстоящемъ дѣлежѣ земного шара между европейскими народами. Я думалъ о своей родинѣ, которая въ этомъ участвовать не можетъ, у которой совѣта не спрашиваютъ и которая въ расчетъ не берется. И у

меня было чувство, будто я исключень изъ школы, наказанъ, будто я преступникъ, лишенный человѣческихъ правъ въ исторіи вселенной. Однако я, такъ же, какъ и вы, воспитанъ на томъ, что надо гордиться тѣмъ, что мы шведы. Чѣмъ же гордиться? Тѣмъ ли, что мы говоримъ на языкѣ глухо-нѣмыхъ, котораго никто въ Европѣ не понимаетъ? Въ романскихъ странахъ насъ смѣшиваютъ съ презрѣнными швейцарцами, надъ которыми подтруниваютъ; а въ Германіи нашъ языкъ принимаютъ за Platt deutscher. Сербъ, болгаринъ или румынъ можетъ гордиться больше насъ, потому что у нихъ есть задача въ исторіи вселенной: быть порохомъ противъ Турціи! У насъ же нѣтъ задачи! Я хотѣлъ, чтобы Франція измѣнила свое мнѣніе, и гордясь, такъ же, какъ и вы, нашей «крѣпостью», я повелъ его туда, думая его поразить. Вѣдь снизу открывается великолѣпный видъ на колокольную. Когда мы дошли до воротъ я, желая его воодушевить, сказалъ, показывая на красную башню: это нашъ Акрополь! Тутъ хранится Свеа, ея палладіумъ и ея предки. Мнѣ показалось, что это хорошо было сказано, и французъ мой, по-моему, былъ побѣжденъ. Мы поднялись на верхъ, осмотрѣли одну башню, нѣсколько мортирныхъ орудій, пожарный столбъ и старую пушку, но на каждомъ шагѣ натыкались мы на оленей и другихъ животныхъ. Къ несчастью, мой другъ оказался зоологомъ и такъ заинтересовался животными, что я не могъ оторвать отъ нихъ его вниманія. Когда онъ увидалъ бѣлыхъ медвѣдей, то спросилъ, попадаютъ ли они въ Швецію, и я солгалъ, сказавъ, что да.

— Хорошій звѣринецъ, — сказалъ онъ, — очень хорошо...

Я повелъ его къ хижинамъ, но эти его не интересовали.

— Хижины, крестьянскіе домики, очень хорошо.

— Мы прошли мимо пивной и концертной эстрады.

— Ага, варьетэ! Очень хорошо!

Потомъ я указалъ ему на красивый видъ, онъ имъ долго любовался и больше ничего не хотѣлъ видѣть. И знаете ли, друзья мои, что больше и нечего было смотрѣть!

Но тутъ онъ началъ меня допрашивать:

— А Акрополь? Покажите мнѣ Акрополь.

Я молчалъ.

— Свеа? Что это такое? А гдѣ же вашъ Палладіумъ?

Тогда онъ пришелъ въ свойственное французамъ шутовское настроеніе и, показывая на бѣлаго медвѣдя, онъ спросилъ:

— Это предки? Ваши праотцы?

Я готовъ былъ заплакать отъ бѣшенства, но любезный французъ хотѣлъ пощадить меня.

— Я дарвинистъ, — добавилъ онъ. — А вы?

Вотъ что я получилъ за своихъ предковъ!

Когда же мы выходили, то встрѣтили нѣсколькихъ финновъ, съ которыми познакомились наканунѣ. Безстыжіе люди притворялись русскими, говорили съ моимъ французомъ какъ съ союзникомъ и смѣялись надо мной и моимъ Акрополемъ.

Да, быть шведомъ не большая честь, это вѣрно, и нѣкоторая доля скромности послужила бы намъ къ украшенію, въ особенности, когда мы говоримъ о «крѣпости». Но я понять не могу, какъ мало тамъ вообще достойнаго вниманія: двѣ башни, девять хижинъ и звѣринецъ. Я до ушей краснѣю, когда вспоминаю мои громкія слова при входѣ. Если вы запомните мой разговоръ, то никогда не будете хвастаться.

Холгеръ счелъ своимъ долгомъ въ качествѣ новаго редактора вставить какое-нибудь разсудительное слово.

— Почему плакать о томъ, что погибнуть маленькія государства? Швеція несомнѣнно здѣсь обречена на смерть, но она выполнить свою міровую задачу въ Америкѣ, гдѣ шведы и другіе скандинавы образуютъ въ настоящее время сильное крестьянское общество, которое когда-нибудь изъ своихъ членовъ пошлетъ президента въ Бѣлый Домъ. А вы говорите, что Швеція не приметъ участія въ раздѣлѣ земли!

— Ты удивительно правъ, — вмѣшался Куртъ, — и слѣдовало бы облегчать переселеніе, сдѣлавъ обязательнымъ преподаваніе англійскаго языка въ народныхъ школахъ.

— Это самое сказалъ одинъ человекъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и его чуть не убили, какъ того крестьянина въ риксдагѣ, который, находя положеніе вполне безнадежнымъ, заявилъ, что охотно заплатитъ дань Россіи вмѣсто того, чтобы платить жалованье офицерамъ шведской арміи.

— Кстати о Россіи, — прервалъ докторъ, — посмотрите-ка, какъ финка тамъ дружитъ съ русской профессоршей, или съ женщиной-профессоромъ, какъ тамъ ихъ называютъ. Я думаю, эта русская тоже просто финка, потому что, выйдя отсюда, она свободно говорила по-шведски съ финскимъ акцентомъ.

— Сплетня! — вмѣшалась Брита.

— Иные утверждаютъ, что она полька. Да, для васъ, женщинъ, теперь настали красные дни! Подумайте о нашихъ писательницахъ! Онѣ развиваютъ варіаціи на чужія темы, а этотъ вампиръ Сахрисъ превозноситъ ихъ какъ великіе гении. Смотрите! Вотъ и онъ! Онъ родился на свѣтъ съ брюшкомъ, пенснэ, лысиной и пенсией. Покровитель

литературы! Другъ дамъ! Онъ выводитъ шелковичныхъ червей, скупивъ предварительно коконы. Это обманщикъ, котораго никакъ нельзя уловить, но котораго инстинктивно избѣгаешь; онъ непонятенъ и потому непріятенъ; онъ ласкается, чтобы легче оцарапать; онъ всѣмъ пользуется для своихъ личныхъ цѣлей, даже покойниками; онъ добръ, когда это выгодно, и мстителенъ, если ничѣмъ не рискуеть. Онъ говоритъ за женщинъ, какъ будто онъ самъ баба; онъ клевететь на свой собственный полъ и пресмыкается передъ дамами! Но посмотрите его здѣсь!

— Намъ пора ѣхать, — перебила его Брита, — иначе мы пропустимъ парходъ!

Общество поднялось, чтобы итти къ стоянкѣ извозчиковъ. Проходя мимо одной изъ палатокъ, они увидали на столѣ челоуѣка въ красной фескѣ, который держалъ рѣчь французскимъ морякамъ.

То былъ художникъ Сирахъ, къ которому отчасти вернулся разумъ и которому представилось, что онъ въ Брестѣ, гдѣ онъ провелъ предшествующее лѣто.

— Положеніе неясно, — продолжалъ докторъ. — Вода стала мутной и въ ней будутъ ловить рыбу.

VII.

Наканунѣ Новаго года сидѣлъ Андерсъ Боргъ, третій сынъ редактора, на арендуемомъ имъ хуторѣ Лонгвикѣ, приводилъ въ порядокъ книгу расходовъ и дѣлалъ расчеты. Лонгвикъ, находящійся ниже усадьбы пастора, былъ небольшимъ помѣстьемъ, расположеннымъ на берегу одной изъ бухтъ Балтійскаго моря, среди цѣлага архипелага острововъ и шхеръ.

Андерсъ Боргъ, получившій образованіе въ сельскохозяйственномъ училищѣ и женившійся очень молодымъ, такъ что у него было теперь четверо дѣтей, взявъ три года тому назадъ этотъ хуторъ въ аренду. Два года платилъ за аренду отецъ, но на третій годъ онъ отказался. Въ началѣ Андерсъ, будучи легкомысленнымъ малымъ, жилъ баринномъ и надѣялся, что съ установленіемъ пошлинъ настанутъ лучшія времена. Пошлины были введены, но лучше не стало, потому что ему приходилось все покупать и плохо и очень дорого. Онъ пробовалъ сократить расходы, но убѣдившись, что ничто не помогаетъ, сталъ жить изо дня въ день, не думая о будущемъ.

Когда же приблизился конецъ года, и дни, при всей ихъ краткости, казались ему безконечно длинными, онъ короталъ время тѣмъ, что дѣлалъ расчеты и вычислялъ, какія могутъ быть причины упадка сельскаго хозяйства. При этомъ онъ достигалъ удивительныхъ результатовъ.

Такъ, на примѣръ, лежалъ передъ нимъ журналъ молочнаго хозяйства; изъ него онъ узналъ, что масло обходится ему до семи кронъ за кило, тогда какъ продавать приходилось его за двѣ кроны. Сначала онъ подумалъ, что обсчитался, но когда онъ въ журналѣ прочелъ, что каждая корова съѣдаетъ пятнадцать фунтовъ сѣна, обходящагося по пятидесяти еръ за фунтъ, и даетъ ежедневно всего-навсего, только дать одинъ килограммъ масла, то ему стало страшно. Несмотря на то, что сыворотка могла быть употреблена для рабочихъ, телятъ и свиней, ему приходилось отвозить ее въ городъ, чтобы было чѣмъ заплатить за уходъ и за солому для подстилки.

Итакъ, онъ пришелъ къ заключенію, что скотина пожирала весь получаемый отъ нея доходъ, а его трудъ приходился ни во что.

Но всего курьезнѣе были его химическіе выводы о расходѣ и приходѣ по скотному двору. Вотъ корова, поглощающая только сухое сѣно и нѣсколько ушатовъ воды. Сѣно состоитъ, главнымъ образомъ, изъ целлюлезы, не заключающей въ себѣ азота; вода тоже лишена азота. Но откуда брало тѣло животного этотъ азотъ для обновленія тканей? тщетно спрашивалъ онъ себя. Вѣдь, если бы ткани не возобновлялись, то не прошло бы и трехъ мѣсяцевъ, и животное должно бы было погибнуть. Сѣно даетъ очень немного азота, въ водѣ его вовсе нѣтъ. Что же, слѣдовательно, азотъ получался изъ воздуха? Нѣтъ, отвѣчалъ на это Петтенкоферъ! Это прямо чудо! Или ужъ очень сплеховала химія!

Когда же онъ кормилъ скотину картофелемъ, содержащимъ девяносто процентовъ воды и два процента азота, результатъ былъ тотъ же. Надобно думать, что тѣла, лишенные азота, могутъ преобразовываться въ преисполненную азотомъ бѣлковину, и что вода переходитъ въ амміакъ, который во множествѣ находится въ навозѣ. Но это не совмѣщалось съ имѣющими силу научными теоріями, и поэтому Андерсъ стоялъ передъ загадкой, которую онъ и не пытался разрѣшить.

Болѣе ясными и очевидными были данныя главной книги, говорившія о томъ, что въ истекшемъ году ему пришлось купить на три тысячи кронъ искусственнаго удобренія, и что плата за аренду составляла кругленькую сумму въ двѣ тысячи пятьсотъ кронъ. Это былъ голый и поразительный фактъ, который навелъ его на новую мысль, освѣтившую все его положеніе. Земля можетъ прокормить владѣльца, но она не можетъ прокормить и владѣльца и арендатора; затѣмъ земля можетъ быть унавожена рационально поставленнымъ скотоводствомъ, но земля

не можетъ окупать искусственнаго удобренія. Это онъ долженъ былъ знать раньше, но этого не преподавалось въ агрономическомъ училищѣ и не значилось въ сочиненійхъ по политической экономіи.

Услыхавъ приближающіеся шаги, онъ закрылъ книги и закурилъ сигару, чтобы скрыть свое волненіе.

Вошла жена, молодая, сильная, но видимо озабоченная.

— Андерсъ! Дай мнѣ ключи отъ кладовой; мнѣ нужно достать муки для хлѣбовъ.

— Муки? Ея больше нѣтъ!

— Больше нѣтъ?

— Нѣтъ!

— О, Боже! Ты ее продалъ?

— Надо было продать.

— А рабочіе?

— Надо будетъ понемногу имъ муку покупать.

— Нельзя ли хоть сколько-нибудь намолотъ?

— Нечего молотъ.

— Ты и рожь продалъ?

— Надо было.

— Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! Что же осталось въ кладовой?

— Ничего. Однѣ крысы!

— Не дай Богъ, если это узнаетъ старшій работникъ!

— Онъ это знаетъ.

— Вотъ почему онъ такъ храбръ. Да, Андерсъ, такъ дѣло итти не можетъ.

— Да, кончится тѣмъ, что я вылечу въ трубу. А что же дѣлаетъ старшій работникъ?

— Когда рабочіе приходятъ на поденную работу, они приносятъ старшему работнику яицъ и масла, а онъ облегчаетъ имъ трудъ.

— Вотъ до чего онъ дошелъ!

— Больше того, онъ дружить съ мельниками! Почему ты не прогонишь его?

— Я не могу. Онъ слишкомъ многое знаетъ о дѣлахъ и положеніи хутора. Съ запасами въ кладовой всего хуже, потому что я поступилъ незаконно. Запасъ служилъ обезпеченіемъ какъ аренды, такъ и платы рабочимъ.

— Подумать, что мнѣ приходится видѣть этого старшаго работника за моимъ столомъ въ тѣ дни, когда онъ самъ себя приглашаетъ... Ты знаешь, что онъ шатается по городу и пропиваетъ всѣ деньги, такъ что намъ приходится кормить его дѣтей.

— Это я себѣ могу представить! Но это кончится тѣмъ, что я возьму мѣсто инспектора; тогда, пожалуй, мы еще справимся.

— Христель, — сказала жена, желавшая вернуться къ дѣйствительности, — на кухнѣ требуетъ свое жалованье. Получилъ ты деньги за корову, которую мы продали мяснику?

— Нѣтъ, но я каждую минуту жду его съ деньгами. Сколько мы должны Христели?

— Жалованье за годъ, какъ ты знаешь, а кромѣ того, я занимала у нея деньги... да, что же мнѣ было дѣлать?

— Послушай, вѣдь мы на завтра приглашены; есть ли пальто у дѣтей?

— Нѣтъ, тебѣ вѣдь это извѣстно: у нихъ только лѣтнее платье.

— Ну, мы можемъ укутать ихъ въ пледы и одѣяла; не оставлять же ихъ дома!

— Да, Андерсъ, мы на ложномъ пути. Я родилась въ деревнѣ и знаю, что можетъ приносить хуторъ, но ты объ этомъ понятія не имѣешь! Такое маленькое имѣніе не можетъ выдержать кузнеца, лѣсника и кучера. А такъ какъ

ты не можешь платить имъ жалованья, то они крадутъ. Кузнецъ крадетъ желѣзо и работаетъ отъ себя; онъ на поль-о-округи куетъ подковы изъ твоего желѣза. Лѣсникъ сбываетъ лѣсъ, а кучерь продаетъ овесъ. Ты знаешь, я охотно бросила бы все и ушла, потому что въ домѣ нѣтъ корки хлѣба! Если бы я не жалѣла тебя, то я расплакалась бы; но ты слишкомъ добръ и не умѣешь хозяйничать.

Андерсъ не могъ подавить охватившаго его волненія. Онъ былъ добрый малый, и добрыя слова вызывали у него слезы. Но онъ успѣлъ только пожать руку жены, въ это время со двора раздались бубенчики.

— Это мясникъ съ деньгами! Мы спасены! — крикнулъ онъ и вскочилъ съ мѣста.

— О, Боже! какое счастье! — прошептала жена и подошла къ окну. — Ну, не выходи къ нему; пусть его приметъ Линдквистъ!

— Да, это будетъ лучше, потому что мясникъ и я — мы другъ друга не долюбиваемъ.

Бубенчики замолкли, но зато обѣ дворовыя собаки разразились громкимъ лаемъ и рвались съ цѣпей. Этому лаю вторили охотничьи собаки, и всѣ собаки хутора собрались вокругъ погреба, который теперь скрывалъ отъ глазъ супруговъ мясника и старшаго работника.

Арендаторы не могли ничего разглядѣть, но слышали, что мясникъ и работники разговариваютъ настолько громко, что раза два ясно слышали слово «шарлатанъ», несмотря на затворенныя двойныя окна.

Черезъ нѣкоторое время по звону бубенчиковъ они поняли, что сани съѣхали со двора. Лай собакъ превратился въ дикое рычаніе, указывающее, что завязалась драка.

Въ эту минуту въ комнату вбѣжалъ старшій работникъ.

— Что тамъ такое? — спросилъ хозяинъ.

— Мясникъ привезъ корову назадъ. Онъ говоритъ, что она слохла отъ какой-то странной болѣзни, и что онъ хочетъ пожаловаться на хозяина.

— Что же вы сдѣлали съ коровой?

— Онъ бросилъ корову на дворѣ, а собаки ее схватили; я не могу ихъ оторвать.

— Оставьте ихъ! Ничего ужъ не подѣлаешь. Линдквистъ, пойдите на конюшню и велите запречь сани. А лѣснику скажите, чтобы онъ бралъ желѣзный багоръ и ѣхалъ со мной.

Работникъ хотѣлъ-было продлить аудіенцію, потому что при каждомъ новомъ ударѣ, нанесенномъ хозяину, въ немъ росла наглость, но итти пришлось, потому что хозяинъ съ женой вышли изъ комнаты.

Супруги отправились въ спальню, куда они обыкновенно удалялись, чтобы посовѣтоваться, и гдѣ они скрывались, когда рабочіе осаждали ихъ различными требованіями.

— Правда ли, — начала жена, — что ты продалъ больную корову?

— Да, это вѣрно. Я дѣйствительно сдѣлаюсь мошенникомъ, если такъ пойдетъ дальше.

И они оба расплакались.

Что можно было еще продать? Что дѣлать? Они посовѣтовались и рѣшили оба, что ему слѣдуетъ поѣхать и занять денегъ. Потомъ необходимо измѣнить веденіе хозяйства. До конца аренды оставался годъ, и надо было засѣять землю овсомъ. Для этого не потребуется удобренія, а овесъ можно будетъ легко продать обществу конныхъ желѣзныхъ дорогъ. Овесъ истощитъ землю, но какое имъ до этого дѣло, разъ они уѣдутъ.

Вся страна перешла къ культурѣ овса, потому что ни-

чего другого съять не стоило, и потому-то почти опустѣла шведская земля. Рожь, хлѣбъ бѣдняка, совсѣмъ перестала родиться, и ее ввозили. Отъ пшеницы, минуя рожь, переходили къ овсу; вотъ въ чемъ былъ упадокъ хозяйства. И когда крестьяне продавали послѣдній урожай овса, чтобы на эти деньги купить себѣ билеты въ Америку, трудно было найти желающаго заняться обезцѣненной землей. Вспаханная и удобренная земля обильно производила только сорную траву; безъ специальной обработки земля не могла превратиться въ натуральный лугъ. На землѣ тяготѣло проклятіе; она была изнѣжена обработкой и безъ обработки не производила ничего; ее, несомнѣнно, можно было засѣять клеверомъ, но если посѣвъ клевера не возобновляли, клеверъ погибалъ.

По окончаніи аренды приходилось продавать съ аукціона весь инвентарь. Такъ какъ у крестьянъ замѣчалась странная склонность покупать все на аукціонахъ, въ расчетѣ пріобрѣсти все дешевле и лучше, то у бросающихъ свое дѣло арендаторовъ образовалось обыкновеніе продавать все болѣе цѣнное раньше, чтобы потомъ обзавестись болѣе плохимъ новымъ инвентаремъ. Лучшая скотина, хорошія лошади продавались тайкомъ, а вмѣсто нихъ пріобрѣтались плохія. Быстро изготовлялись сбруя, телѣжки, сани, и все выставлялось на аукціонъ. Это не было безчестно, но и не было красиво.

Едва успѣли супруги переговорить, какъ въѣхали сани во дворъ. Лѣсникъ, человѣкъ цыганскаго типа, любимецъ хозяина, потому что онъ былъ оживленнѣе другихъ рабочихъ, стоялъ наготовѣ съ багромъ. Его обязанностью при сопровожденіи хозяина было выходить изъ саней въ мѣстахъ, гдѣ можно было ожидать быстрого теченія воды, и испытывать крѣпость льда.

Садясь въ сани, хозяинъ увидѣлъ картину, развеселившую его, несмотря на весь ея ужась.

Четыре самыхъ большихъ собаки потащили павшую корову на снѣжную пирамиду, образованную крышей погребѣ. Когда же онѣ довели до конца эту общую работу, самый большой догъ прогналъ внизъ своихъ трехъ собщинокъ и улегся, какъ сфинксъ, одинъ наверху и лакомился. Сбѣжались собаки изъ сосѣднихъ дворовъ, и лающая стая образовала у подножья снѣговой горы узелъ мѣховъ, хвостовъ и лапъ. Нѣкоторыя изъ работницъ сдѣлали слабыя попытки подѣлиться добычей съ догомъ, но удалились съ пустыми руками. Все на дворѣ проголодалось, люди и животныя. Собаки вытравили всѣхъ зайцевъ и птицъ въ окрестности, и въ концѣ концовъ, научились красть рыбу внизу на льду, при чемъ плотву онѣ снимали съ крючковъ, поставленныхъ на щуку. Теперь же имъ досталось рѣдкостное угощеніе.

Кнутъ хлестнулъ въ воздухѣ, и сани быстро спустились на ледъ бѣлѣющаго фіорда.

Прежде всего сани переѣхали на противоположную сторону, гдѣ на узкой косѣ двосъ стариковъ поселились въ красноватомъ домѣ, чтобы тамъ въ уединеніи ожидать конца жизни. Одинъ изъ нихъ былъ городскимъ казначеемъ въ отставкѣ, вдовецъ, семидесяти лѣтъ, живущій теперь на пенсію. Другой, восьмидесяти лѣтъ, бѣлый, какъ лунь, никогда ничего не дѣлалъ съ тѣхъ поръ, какъ былъ студентомъ въ Упсалѣ. Достигнувъ двадцатилѣтняго возраста, онъ сталъ владѣтелемъ пожизненной ренты, и съ тѣхъ поръ онъ ничего не дѣлалъ. Какъ ни странно, старикъ только однимъ жилъ, одинъ у него былъ въ жизни интересъ: онъ былъ юнъ и сохранилъ юность души. Теперь онъ смотрѣлъ на себя, какъ на предметъ, достойный

музея. Красный домикъ былъ извѣстенъ благодаря своему обитателю. Туда ѣздили, чтобы взглянуть на «бурша», какъ прозвали прежняго юношу. Онъ пѣвалъ съ Веннерберггомъ, знавалъ Карла XV, бесѣдовалъ съ Женни Линдъ и видалъ Гейера. Однако, все это никакой роли не играло сегодня, когда пріѣхалъ къ старикамъ Андерсъ Боргъ съ цѣлью занять денегъ.

Радость стариковъ, когда подъѣхали сани, была велика, потому что они цѣлыхъ двѣ недѣли были занесены снѣгомъ, уже недѣлю какъ къ нимъ никто не пріѣзжалъ, и они не имѣли ни газетъ, ни писемъ.

Съ Андерса сняли шубу, ввели въ теплую комнату, дали глинтвейна и заставили рассказывать о томъ, что написано было въ газетахъ. Затѣмъ принесены были карты, и сыграли пультку въ виру.

Говорить о деньгахъ непріятно, потому что послѣднее, съ чѣмъ человекъ готовъ разстаться, — это золото, по той простой причинѣ, что этотъ металлъ удовлетворяетъ потребности жизни — жилища, пищи, одежды и тепла.

Выложивъ въ продолженіе двухъ часовъ все, что могло интересовать стариковъ, онъ, наконецъ, высказалъ свою просьбу. Тутъ спустилась тучка въ свѣтлую комнату съ бѣлыми шторами; спокойствіе было нарушено, и старцевъ огорчало, что они должны были оставить нуждающагося безъ помощи. У нихъ лишнихъ денегъ не было, но имъ было непріятно въ этомъ признаться, разоблачить свое матеріальное положеніе. Андерсъ же, съ своей стороны, страдалъ отъ того, что причинилъ это неудовольствіе. Деньги занимать очень тяжело, и теперь онъ понималъ, почему многіе предпочитаютъ обманывать или даже красть.

Садясь снова въ сани, онъ собирался ѣхать домой, но, вспомнивъ о женѣ и дѣтяхъ, онъ встряхнулся и, ударивъ

лошадь кнутомъ, поѣхалъ къ большому фіорду. Сидѣвшій сзади лѣсникъ выразилъ нѣкоторое опасеніе, но хозяинъ и слушать не хотѣлъ. Ледъ былъ тонокъ, хрупокъ и прозраченъ какъ стекло, такъ что на болѣе мелкихъ мѣстахъ видны были подвижныя водоросли.

На фіордѣ ледъ колыхался, но отъ этого лошадь бѣжала еще скорѣй, какъ бы желая инстинктивно избѣгнуть полыньи, но хозяинъ зналъ по опыту, что ледъ надъ соленой водой не столь хрупокъ, какъ кажется, и что не такъ уже опасно. Онъ держался на востокъ по направленію къ виднѣющемуся вдали продолговатому острову, на которомъ жилъ адъюнктъ пастора. Этотъ, имѣвшій въ рукахъ небольшую церковную кассу, вѣроятно не откажется ссудить десять кронъ, — до этой незначительной суммы Андерсъ свелъ теперь свои претензіи.

Кругомъ видны были лишь небо и вода, да темнѣла полоска вдали. Вдругъ лошадь остановилась.

Лѣсникъ моментально вскочилъ, проткнулъ ледъ багромъ, и вода брызнула изъ отверстія.

— Бѣхать дальше не годится, — заявилъ Викторъ. — Стоитъ подуть восточному вѣтру, ледъ взломается, и мы погибли.

— Я назадъ не поверну, — заявилъ хозяинъ. — Слѣзай, ты увидишь, какъ я поѣду!

Кнутъ ударилъ по бокамъ лошади, и она побѣжала рысью, рискуя каждую минуту провалиться. Осколки льда и капли воды летѣли въ лицо сѣдоковъ.

Онъ рисковалъ не только ради десяти кронъ, но и ради достиженія цѣли, и прежде всего ради исполненія обязанности: ему представлялось, будто онъ жертвуетъ жизнью ради своихъ, и будто все позорное и дурное остается позади.

Темная полоса на горизонтѣ все росла и приближалась. Стало возможно различить конусы крышъ, а затѣмъ показались на берегу люди, которые кричали и махали руками.

Лѣсникъ понялъ, въ чемъ дѣло, выпрыгнувъ изъ саней и закричалъ:

— Остановитесь, хозяинъ, тутъ полынья!

Андерсъ Боргъ осадилъ лошадь, такъ какъ онъ дѣйствительно увидѣлъ полыню. Онъ слѣзъ съ саней и оглядѣлъ полыню, какъ бы собираясь переплыть ее.

Но, подумавъ минутку, онъ взявъ торчащій изъ воды шестъ, ступилъ на край пльвущей льдины, отпихнулся шестомъ и понесся. Люди на берегу кричали, но онъ, не обращая ни на что вниманія, двигался впередъ на льдинѣ. Не доходя до противоположной стороны полыньи, льдина стала погружаться въ воду. Однимъ прыжкомъ онъ очутился на другой льдинѣ; та тоже стала опускаться, тогда онъ прыгнувъ на слѣдующую и галопомъ пустился бѣжать къ берегу, но когда онъ прыгнувъ на послѣднюю льдину, прибрежный ледъ подался и какъ стекло разлетѣлся во всѣ стороны.

— Дома ли пасторъ? — спросилъ онъ, не кланяясь.

— Да.

Андерсъ побѣждалъ къ красному домику, довольно похожему на тотъ, въ которомъ онъ только что побывалъ. Онъ бѣжалъ такъ же скоро, какъ при переправѣ по льдинамъ, быстро отворилъ дверь и очутился въ комнатѣ, гдѣ въ двѣнадцать часовъ дня еще спалъ въ креслѣ адъюнктъ.

— Нѣтъ! Какимъ образомъ ты здѣсь? Я, сидя здѣсь, задремалъ и слышалъ крикъ на берегу, — началъ адъюнктъ, протирая глаза.

— Да, я въ затрудненіи, и ты долженъ дать мнѣ десять кронъ взаймы.

— Десять кронъ? Откуда я ихъ возьму? Я какъ разъ собирался учеть вексель, да не удалось...

— Ты можешь занять изъ кассы...

Наступило неловкое молчаніе, и Андерсъ Боргъ понялъ, что снова невольно проникъ въ чужую тайну и выманилъ у несчастнаго обидное признаніе своихъ плохихъ обстоятельствъ. Но онъ скоро пришелъ въ себя.

— Не можешь ли ты занять у какого-нибудь крестьянина? — продолжалъ онъ.

— Мнѣ, занять у крестьянина? Нѣтъ, другъ мой, не такое мое положеніе. Видишь ли, первый годъ я съ ними имѣлъ общеніе, пилъ и ѣлъ съ ними; но тогда они потеряли уваженіе ко мнѣ, въ особенности, когда я сталъ занимать у нихъ деньги на уплату долговъ въ Упсалѣ. Когда я затѣмъ отъ нихъ отошелъ, они начали ненавидѣть меня. Я сталъ одинокъ. И вотъ у меня никого нѣтъ, съ кѣмъ бы я могъ поговорить, и мнѣ дѣлать нечего. Я не могу заниматься рыбной ловлей, охотой, земледѣіемъ. Читать я не могу, я засыпаю. Я принужденъ бездѣйствовать всю недѣлю, кромѣ воскресенья! Я засыхаю, каменѣю и все сплю. Я сплю всю ночь, двѣнадцать часовъ, отъ восьми до восьми, сплю послѣ завтрака, послѣ обѣда, сплю да сплю. Кабы ты зналъ, какую я жизнь веду. Это на смерть похоже! Заботиться о душѣ они не желаютъ, а кого пристукнетъ горе или нужда, тотъ идетъ къ піетистамъ. Я иногда жалѣю, что самъ не піетистъ! Андерсъ Боргъ, ради Бога помоги мнѣ выбраться отсюда, или я умру! Я цѣлыхъ восемь дней слова никому не вымолвилъ, а теперь въ довершеніе горя у меня еще процессъ на шеѣ. Крестьянинъ укралъ лѣсъ у пастора въ рошѣ; я видѣлъ это и заявилъ пастору.

Теперь меня обвиняют въ клеветѣ, потому что я не могу доказать, что видѣлъ. Воръ спокойно гуляетъ, а мнѣ можетъ грозить тюрьма, хотя я, очевидно, лѣса не кралъ. Крестьяне говорятъ, что я сплетничаю; это они говорятъ и про ленсманъ, когда онъ жалуется на нихъ, а не такъ давно одинъ парень вздумалъ обвинить судью въ оскорбленіи, потому что онъ по неопровержимому свидѣтельскому показанію полицейскаго чина осудилъ его. Что мнѣ дѣлать? Если меня уволятъ, то я уже не получу мѣста пастора.

Онъ никогда не пересталъ бы говорить, если бы не началъ плакать. И Андерсъ Боргъ передъ этимъ горемъ позабылъ свои собственныя заботы. Но такъ какъ онъ не находилъ, что сказать, то адъюнктъ продолжалъ, довольный тѣмъ, что слышитъ свой голосъ и что можетъ выплакаться.

— Зачѣмъ у насъ существуетъ духовенство? Неужели нельзя дѣлать, какъ у евреевъ: выбирать въ каждое воскресенье одного изъ стариковъ прихода и заставлять его прочесть изъ сборника проповѣдей! Я всегда изъ сборника переписываю проповѣдь, и такъ дѣлаютъ у насъ всѣ. Не могутъ развѣ эти же разумные, достойные уваженія люди предавать землѣ и крестить? Вѣдь баптисты крестятъ, а пѣтисты совершаютъ таинства, и они поступаютъ какъ апостолы! Знаешь ли, религія, какъ должность и источникъ заработка — вещь явно нелѣпая. Сидѣніе на университетской скамьѣ, кутежи, изученіе тонкостей теологін убиваютъ въ насъ всякую религіозность!

Тутъ разговоръ прекратился, потому что Андерсъ выказывалъ слишкомъ мало интереса къ вопросамъ церкви, чтобы соболѣзновать ея паденію; кромѣ того, пробудилось и сознаніе собственнаго труднаго положенія, и въ концѣ

разговора онъ все думалъ о томъ, гдѣ ему найти нужныя десять кронъ. Онъ всталъ и простился.

— Развеселись, старый другъ,—сказалъ онъ, прощаясь,—пріѣзжай къ намъ; мы тебя растрясемъ.

Адъюнктъ взглянулъ на друга, какъ на чужого, потому что онъ обманулъ въ надеждѣ найти въ немъ участіе. Онъ все же взялъ свою мѣховую шапку, чтобы проводить его до берега. Онъ сталъ говорить безъ умолка о пустякахъ, о погодѣ и рыбной ловлѣ, о ледоходѣ и опасности на морѣ, только чтобы слышать собственный голосъ.

Когда Андерсъ Боргъ снова перебрался по польнѣ и сѣлъ въ сани, онъ поѣхалъ на сѣверъ. Вспомнивъ адъюнкта, стоявшаго на берегу, онъ оглянулся и увидѣлъ его одиноко стоящаго и махавшаго шапкой. Ему стало жаль его, но въ то же время онъ почувствовалъ нѣкоторое утѣшеніе, оттого что увидѣлъ человѣка еще болѣе упавшаго духомъ, чѣмъ онъ самъ.

«Безъ семьи, безъ друзей, имѣя передъ собой перспективу разоренія и тюрьмы!—думалъ онъ.—Жаль его. Но гдѣ же мнѣ найти десять кронъ?»

Этотъ вопросъ онъ, однако, уже разрѣшилъ тѣмъ, что повернулъ на сѣверъ, гдѣ жилъ старый оперный пѣвецъ, который, утомившись, удалился съ пенсіей и женой на хуторъ, арендуемый имъ безъ земли, но съ правомъ охоты и рыбной ловли.

Милю проѣхать довольно долго, но и это прошло, а Андерсъ Боргъ, не зная еще, какъ уладится дѣло съ десятью кронами, могъ, по крайней мѣрѣ, съ увѣренностью рассчитывать на хорошій стаканъ вина и на дружескій пріемъ.

Въ передней стоялъ старый пѣвецъ съ ружьемъ и охотничьей собакой. Онъ возвращался съ охоты по зайцамъ, конечно ничего не убивъ, и очень радъ былъ увидѣть че-

ловѣческое лицо, такъ какъ жилъ онъ въ глухомъ мѣстѣ и на цѣлыя полмили кругомъ не было сосѣдей.

Пока Андерсъ Боргъ складывалъ полость саней, пѣвецъ ласкалъ морду взмыленной лошади.

— У тебя славный рысакъ, Андерсъ,—сказалъ онъ.

— Не купишь ли его?—спросилъ Боргъ, только чтобы что-нибудь сказать.

— Если ты продашь! У меня только что была лошадь, у которой сдѣлался шпатель.

— Серьезно, ты купишь лошадь?

— Да, конечно!

— Въ такомъ случаѣ можешь взять мою, и получишь сани въ придачу.

— Что же она будетъ стоить?

— Отдамъ ее съ санями за полтораста.

— Давай!

— Наличными?

— Наличными! Войди, я выложу тебѣ денежки на столъ.

— Но ты долженъ мнѣ въ придачу дать стулъ на полозьяхъ и пару коньковъ, чтобы я могъ добраться домой. Викторъ повезетъ меня по льду.

— Охотно. Итакъ, по рукамъ!

Андерсъ былъ спасенъ, снятъ съ петли, вытащенъ изъ воды. Выпивъ стаканъ, онъ, когда день клонился уже къ вечеру, сидѣлъ въ шубѣ на стулѣ, и лѣсникъ на конькахъ везъ его домой.

Приближаясь къ дому, когда уже стемнѣло, онъ увидѣлъ свѣтъ во всѣхъ окнахъ и подумалъ о бѣдной женѣ, къ которой, видимо, нагрянули гости и которая не имѣла возможности ихъ чѣмъ-нибудь угостить.

Не желая войти невзначай, онъ пошелъ пѣшкомъ мимо

погреба, гдѣ дворовая собака лежала вся окровавленная, и растерзанная, пока два дога съ чужого двора пожирали остатки коровы.

Андерсъ вошелъ черезъ кухню и направился въ спальню, чтобы переодѣться. Тамъ сидѣла его жена и плакала.

— Что случилось? Кто здѣсь? Почему оставила ты гостей однихъ?—забросалъ онъ жену вопросами.

— Твой отецъ здѣсь, и онъ намѣренъ у насъ остаться...

— Я не силахъ прокормить его!

— Онъ говоритъ, что ты много ему долженъ...

— Что онъ тутъ дѣлаетъ?

— Онъ жить дома больше не можетъ, потому что въ судѣ должно начаться дѣло о его разводѣ.

— О, Боже!...

— Это ужасно! ужасно!

Андерсъ привелъ себя въ порядокъ послѣ полной приключеній поѣздки, чтобы итти къ отцу. Но сначала онъ успокоилъ жену, при чемъ положилъ ей на туалетный столъ сто кронъ; третью бумажку онъ оставилъ у себя въ карманѣ, потому что постоянное безденежье сдѣлало его недовѣрчивымъ даже по отношенію къ лучшему другу.

VIII.

Сильный натурализмъ восьмидесятыхъ годовъ долженъ былъ неминуемо, такъ сказать, вылиться въ море, какъ всѣ остальные движенія.

Методъ естественно-научный отцвѣлъ и уже больше плодовъ не давалъ. Многіе принимали методъ за самую истину и упрямо держались за гнилую доску, хотя она уже опускалась ко дну. Другіе, желавшіе итти впередъ,

искали новыхъ путей. Они, однако, съ сожалѣніемъ раз-
ставались съ этимъ періодомъ, потому что это опрощеніе,
эта жизнь по-индѣйски дѣйствовала освѣжающе, точно
такъ же, какъ буйная жизнь школьниковъ во время лѣтнихъ
каникулъ. Этотъ односторонній свѣтъ, падающій на міръ и
на людей, придавая всему выпуклый рельефъ, ставилъ пред-
меты и событія подъ чисто рембрантовское освѣщеніе. Эта
новая оцѣнка стараго принесла съ собой новое міросозер-
цаніе, которое не интересовалось отдаленными предметами, но
разсматривало болѣе отчетливо ближайшіе. Это былъ методъ
микроскопическій. Кто работалъ съ микроскопомъ, знаетъ
отлично, что, вооружившись имъ, видишь клѣточки и сосуды
тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ только воздушные пузырьки
воздуха, и что пылинка можетъ стать цѣлымъ сложнымъ
организмомъ.

То время, приблизительно въ 1889 году, обогатило свѣтъ
двумя новыми мыслителями и пророками: Лангбень, авторъ
книги «Рембрантъ, какъ воспитатель», и Ницше, авторъ
«По ту сторону добра и зла». Несмотря на значительныя
различія, существующія между обоими, у нихъ есть одна
точка соприкосновенія, а именно ихъ враждебное отноше-
ніе къ микроскопическому методу. Лангбень прежде всего
макроскопистъ. Что за дѣло его книгъ до Рембранта, этого
никто никогда понять не могъ; и хотя пытались опровергнуть
каждый отдѣльный пунктъ его сочиненія, все же за го-
лыми фактами открывались вполнѣ новыя перспективы, и
естественныя науки, почти вымершія въ рукахъ детали-
стовъ, получили новую жизненную силу. Лангбень, замы-
кающій девятнадцатое столѣтіе, въ сущности, не кто иной,
какъ своего рода воскресшій Кантъ, положившій начало
этому же вѣку; ищутъ спасенія въ постулатѣ и въ импе-
ративѣ, такъ какъ разсудокъ и чистый разумъ не оказа-

лись способными разрѣшить міровую загадку, или придать индивидууму положеніе, необходимое, чтобы благополучно поплыть въ открытое море жизни. Дарвинъ, какъ и Геккель, напередъ отказывались, хотя напрасно, отъ скороспѣлыхъ выводовъ, которые поспѣшили сдѣлать изъ ихъ теоріи о происхожденіи видовъ для освобожденія отъ этики; Лангбенъ реагируетъ противъ натуралистической психологіи, которую унижаютъ, опуская ее до ветеринаріи. Когда натуралисты говорили: «Будемте людьми!» они подразумѣвали: «Будемте животными!» Даже теологія, эта наука о Богѣ, получила начало въ зоологіи. Боязнь животнаго передъ неизвѣстнымъ и смѣшеніе въ воображеніи дикаря сновидѣнія съ дѣйствительностью—въ этомъ видѣли основаніе религіи. Что можно было ждать отъ вѣка, въ которомъ люди, какъ мученики, умирали за неправду! Что можно было ожидать отъ будущаго, когда прошедшее выставлялось какъ ложь? Восемнадцать столѣтій христіанства въ одинъ прекрасный день оказались заблужденіемъ! Это было чрезчуръ безумно, и въ такомъ случаѣ выстрѣлъ въ високъ былъ единственнымъ возможнымъ выходомъ.

Итакъ, человѣчество стояло передъ револьверомъ и не видѣло спасенія. Тогда явился другой пророкъ, Ницше, и прежде всего объяснилъ, что зло — есть добро, а добро — зло, а затѣмъ, что добро и зло не существуютъ. То была апологія преступленія, преступная мораль, нашедшая въ развращенности Оскара Уайльда свое наисильнѣйшее выраженіе. Если Лангбенъ, самъ того не ожидая, раскрылъ своими отрицательными образами свѣтлыя стороны натурализма, то Ницше представилъ его въ карикатурномъ видѣ и подчеркнул его недостатки.

Въ это время въ Парижѣ проснулось сознаніе недоста-

точности позитивизма, и посыпался дождь газетныхъ статей съ заголовками слѣдующаго рода: «Въ поискахъ за религіей». «Пророкъ». «Всеобщая, подходящая ко времени, церковь».

Проснулся даже Золя. Онъ, сидѣвшій спокойнымъ зрителемъ, встаетъ, чтобы искать религію. Въ Лурдѣ онъ ея не находитъ, такъ какъ его врачъ «объясняетъ» чудо не обманомъ,—это было бы слишкомъ старо,—а гипнозомъ. Тогда онъ ѣдетъ въ Римъ не безъ тайной мечты модернизировать христіанство и достигнуть свойственнаго времени компромисса между наукой и религіей. Но это ему не удалось. Позднѣй онъ, какъ фанатично вѣрующій, ищетъ свою религію въ движеніи человѣчества путемъ науки и труда къ справедливости и правдѣ и въ заключеніе рисуетъ, какъ Кабе, райскую Икарію, въ которой овцы играютъ со львами, лѣсныя птицы находятъ себѣ пропитаніе у изобилующаго яствами стола фаланстеры, бѣдныхъ нѣтъ вовсе.

Золя поднялся отъ бесплоднаго зоологическаго скептицизма до вѣры въ прогрессъ, въ возможность счастья и добродѣтели. Но многіе изъ его учениковъ остановились въ ростѣ и продолжали играть по обветшалой программѣ, ставшей годной лишь для шарманокъ.

Золя кончилъ, слѣдовательно, какъ идеалистъ въ точномъ значеніи этого слова и, несмотря на то, что онъ ненавидѣлъ религіозныя формы, въ особенности римскую, и боролся противъ нихъ, онъ по-своему вѣровалъ. Но французская молодежь девяностыхъ годовъ не знала Золя, не хотѣла его знать, не желала имѣть съ нимъ ничего общаго. У нея былъ совсѣмъ другой учитель и пророкъ, а именно Жозефъ Пеладанъ.

Невѣроятно то, что наши шведскіе историки литературы, которыхъ поддерживаетъ и содержитъ государство для

того, чтобы они слѣдили за современной литературой, ни разу безъ насмѣшки не упоминаютъ о чудесномъ появленіи Пеладана, тогда какъ они же читаютъ лекціи о его нѣмецкихъ послѣдователяхъ. Невольно спрашиваешь себя, знаютъ ли они о его существованіи. Или такова судьба Пеладана—никогда не достигнуть пошлой популярности, обыкновенно кончающейся тѣмъ, что человѣкъ дѣлается всеобщимъ достояніемъ, что толпа пресыщается своимъ идоломъ, что слава его меркаетъ, и его бросаютъ въ помойный ящикъ?

Приблизительно въ 1884 г., т.-е. тогда, когда Золя дошелъ лишь до «*Bonheur des Dames*», начинается дѣятельность Пеладана первымъ томомъ его цикла «*La Décadence latine*», — озаглавленнымъ «*Le Vice Suprême*». За двадцать лѣтъ, протекавшихъ съ тѣхъ поръ, онъ издалъ четырнадцать романовъ, кромѣ драмъ и философскихъ сочиненій, всего же тридцать восемь томовъ. Четырнадцать романовъ идутъ параллельно съ романами Золя, но тогда какъ послѣдній описываетъ въ циклѣ Ругоновъ вторую имперію, Пеладанъ рисуетъ свое собственное время, третью Республику. «*Finis Latinorum*» — вотъ его девизъ, и онъ думаетъ, что исчезнуть латины. Онъ предсказываетъ ихъ паденіе, онъ описываетъ всѣ бѣдствія Парижа съ такой же неустрашимостью, какъ Золя, и съ тѣмъ же наивнымъ безстыдствомъ. У него неслыханный матеріалъ пережитого и перевидѣннаго; слогъ его полонъ огня. Онъ погружается въ тину, но снова постоянно возносится ввысь, бьетъ крыльями и подымается въ облака.

Его самое блестящее сочиненіе, несомнѣнно, «*l'Initiation sentimentale*», — книга любви всякаго рода, во всѣхъ тонахъ и разновидностяхъ; онъ поднимаетъ крышу со всевозможныхъ домовъ Парижа и раскрываетъ внутренности сто-

лицы. Это — страшная книга, богатая, великая и прекрасная, несмотря на все то безобразное, которое она раскрываетъ.

Тотъ же человекъ совершилъ великое дѣло, вполне удавшееся ему! Онъ къ «Прометею» Эсхила присочинилъ тѣ двѣ части трилогіи, которыя были потеряны. И если эти послѣднія не вполне согласуются съ произведеніемъ Эсхила, то это зависитъ отъ ихъ болѣе богатаго и глубокаго содержанія; по крайней мѣрѣ, это кажется такъ тому, кто не вѣритъ въ недостижимость античности. Вѣдь было бы ужъ очень грустно, если бы свѣтъ не ушелъ впередъ и не увлекъ бы впередъ живую мысль.

Пеладанъ не націоналистъ и человекъ реванша. Онъ гражданинъ вселенной и ввелъ во Францію Вагнера, не взирая на сопротивленіе патриотовъ, и едва ли найдется нѣмецъ, сдѣлавшій Вагнера такимъ гигантомъ, какъ его сдѣлалъ Пеладанъ.

Современному искусству онъ содѣйствовалъ своими выставками, и онъ стремился къ тому, что называется символизмомъ.

Что это за человекъ, который не могъ пробиться за предѣлы своего круга? Да, онъ былъ слишкомъ глубоко образованъ, чтобы его могли всѣ понять; онъ былъ христіанинъ, подобно крестоносцу, и это отдѣляло его отъ язычниковъ; къ тому же онъ строго обличалъ панамистовъ третьей республики.

Вліяніе Пеладана низмѣримо велико, но оно дѣйствуетъ не непосредственно, а черезъ его учениковъ. Его не цитируютъ, но у него заимствуютъ. Его покинули, и личность его погибла изъ-за его высокыхъ крахмальныхъ воротниковъ, подобно тому, какъ Киркегора погубилъ его зеленый зонтикъ. Но голосъ его живетъ, какъ голосъ человека,

введшаго германскую культуру въ свою родину и отворившаго ея замкнутыя ворота Европѣ.

* * *

Человѣческій духъ пробудился изъ своего изолированнаго положенія и почувствовалъ въ себѣ силу прислушиваться, потому что контактъ съ тѣмъ берегомъ былъ нарушенъ. Это исканіе связи съ безплотнымъ было въ девяностыхъ годахъ знаменіемъ времени. Послѣ того какъ въ восьмидесятыхъ годахъ Гегель представилъ свою «Systema Naturae», или генеалогію бытія, все было кончено съ естественной наукой, не было сдѣлано въ то время ни одного болѣе или менѣе значительнаго открытія въ этой области; много шума подняла серотерапія, но она оказалась ложной.

Тогда настала работа деталей, направленная въ разныя стороны, незначительное развитіе старыхъ тезисовъ. Фактически естественныя науки оказались банкротами. Современный источникъ силы, электричество, проникъ въ промышленность черезъ малообразованнаго Эдиссона, похитившаго свѣтъ и давшаго фонографъ. Телефонъ былъ въ шестидесятыхъ годахъ изобрѣтенъ Беллемъ. Господствующій дарвинизмъ не имѣлъ для культурной жизни послѣдствій, создающихъ эпоху, даже въ химіи, въ области которой періодическая система элементовъ Менделѣева является какъ бы надгробнымъ памятникомъ систематики.

Въ то время пришли къ убѣжденію, что люди пошли по ложнымъ слѣдамъ и повернули назадъ, чтобы итти по другому пути. Были собраны факты, но объясненій не находилось. Вѣдь объяснить — значитъ найти то, что лежитъ за фактами, а когда пришли къ убѣжденію, что

лежащее за фактами находится по «ту сторону», то вполне логично стали доискиваться той стороны. Это и былъ мистицизмъ, о которомъ тогда говорили. И послѣ вѣкового могильнаго сна возсталъ снова Сведенборгъ. Онъ вернулся различными путями. Черезъ Балъзака, котораго въ дешевомъ изданіи принялись снова читать. Въ сведенборгской «Племянницѣ Серафитѣ» обнаруживалось что-то отъ ницшевскаго сверхчеловѣка и пеладановскаго Андрогина. Парижскіе оккультисты открыли Сведенборга и Бѣма, изслѣдуя Елифа Леви и Сенъ-Мартена. Теософы чувствовали его въ таинственномъ ученіи Блаватской.

Но самую сильную поддержку нашель мистицизмъ въ появленіи «Исторіи алхиміи» Бертело. Этотъ позитивизмъ, работавшій надъ синтезомъ углеводорода, оказалъ мистицизму услугу, которой послѣдній и не ожидалъ. Если постараться выразить кратко различіе между алхиміей и химіей, то можно было бы сказать, что алхимія утверждаетъ способность элементовъ переходить одинъ въ другой (transmutation), а химія этого не допускаетъ. Бертело высказалъ въ своемъ трудѣ все возрастающую симпатію къ алхимикамъ, и это настолько ободрило маловѣрныхъ, что они пошли въ своихъ изысканіяхъ дальше. Въ то же время высказалъ Круксъ въ своемъ трудѣ «Происхожденіе химическихъ элементовъ» тотъ взглядъ, что элементы образовались и развились одни отъ другихъ. Локіеръ сдѣлалъ предъ членами французскаго института свой докладъ о томъ, что фосфоръ есть сложное вещество, такъ какъ онъ состоитъ изъ двухъ спектровъ. Все это совпадало съ господствующимъ монизмомъ, или единствомъ началъ, и съ полнымъ основаніемъ могло бы быть взглядомъ того времени, но, однако, весьма непослѣдовательно придерживались того мнѣнія, что элементы имѣютъ спеціальныя не-

измѣнныя свойства, мнѣніе, которое явилось невольной поддержкой отвергнутому учению о сотвореніи міра.

Уже въ 1835 году Берцеліусъ возбудилъ вопросъ перво-степенной важности: «Можно ли считать металлы простыми тѣлами?» и въ отвѣтъ на этотъ вопросъ провозгласилъ рѣшительно: «Одно изъ тѣлъ, которое я поставилъ въ классъ металловъ, есть алюминій, состоящій изъ азота и водорода, металлизациа котораго посредствомъ электричества какъ бы указываетъ на то, что металлы могутъ быть сложными. Все это дѣлаетъ сомнительнымъ, чтобы другіе металлы были простыми тѣлами, потому что, по своимъ органическимъ свойствамъ, они состоятъ изъ элементовъ, не заключающихъ въ себѣ ни слѣда этихъ металловъ».

Ну, а если только допустить, что металлы — тѣла не простыя, то становится вѣроятнымъ, что одинъ можетъ входить въ составъ другого; а вытекающее изъ этого послѣдствіе таково: можно дѣлать золото!

А затѣмъ пришли къ слѣдующему положенію: всегда изъ сѣрнаго колчедана «дѣлали» золото, тогда какъ думали, что его оттуда лишь извлекаютъ. По наблюденіямъ Ганса, почти всякій сѣрный колчеданъ содержитъ въ себѣ золото.

Однако такъ велика лѣнь человѣческаго разума, что, когда онъ сдѣлалъ первый выводъ, то уже не хватило упорства добиться второго...

Вотъ почему удивленіе превратилось въ пошлый смѣхъ, ставшій со временемъ злымъ и хохотомъ, закончившимся тѣмъ, что люди оскалили зубы. Когда же, наконецъ, уже въ нашемъ новомъ вѣкѣ Рамсей и Кельвинъ доказали, что радій можетъ превращаться въ гелій, то старые рутинеры пришли въ отчаяніе, увидя, что они ступили на ложный путь и что повернуть назадъ уже поздно.

Вотъ въ чемъ заключалась въ девятнадцатомъ столѣтїи исторїя дѣланїя золота, исторїя, въ сущности, простая, куда проще Колумбова яйца.

А что касается Сведенборга, то онъ стоглавымъ возсталъ изъ гроба! Пулковскїе астрономы привѣтствовали его, какъ астронома, какъ предшественника Канта и Лапласа. Зоологи объявили, что Бюффонъ во введенїи къ «Царству животныхъ» укралъ свою космогонїю у Сведенборга. Въ особенности же благоговѣли передъ его памятью химики и минералоги. И наконецъ явились толпы физиологовъ и анатомовъ, чтобы возжечь вновь рожденному ейміамы и миру! Вѣнецъ же получилъ Сведенборгъ отъ изслѣдователя исторїи литературы Макса Морриса, который въ пространномъ трактатѣ выставилъ либеральнаго идола того времени, самого Гёте, какъ ученика Сведенборга. «Сведенборгъ въ Фаустѣ», таково заглавіе статьи, въ которой указано, что соприкосновенїе Фауста съ міромъ духовъ напоминаетъ Сведенборга, раньше Канта и госпожи Клеттенбергъ. Что скажутъ на это поклонники Гёте? Ничего, потому что, когда у людей отнимается отъ удивленїя языкъ, они обыкновенно молчатъ!

* * *

Вотъ значительнѣйшія духовныя движенїя прошлаго столѣтїя, которыя въ послѣдніе его годы вспыхиваютъ въ одну большую искру, озаряющую начало новаго вѣка, которому, быть можетъ, суждено стать самымъ великимъ, несмотря на то, что послѣ пятнадцатаго столѣтїя девятнадцатое было самымъ великимъ.

* * *

IX.

Эсфирь Боргъ, дочь редактора Густава Борга и жены его Бриты, была дѣвушкой некрасивой. Это она сама знавала, и поэтому она очень скоро пришла къ тому заключенію, что лучше стать на собственныя ноги, чѣмъ сидѣть и ждать себѣ мужа. Достигнувъ семнадцатилѣтняго возраста, она поѣхала въ Упсалу, стала студенткой-медичкой, чтобы со временемъ сдѣлаться врачомъ, не вслѣдствіе особаго призванія, а лишь чтобы что-нибудь дѣлать.

Благодаря своему имени, она сразу вошла въ кружки, въ которыхъ обсуждались вопросы времени, и пришла къ новому взгляду на жизнь: своего рода антисипація будущаго—отсутствіе сомнѣній и заботъ, однѣ аксіомы.

Ея товарищи-мужчины обращались съ ней какъ съ товарищемъ, какъ съ женщиной, предъ которымъ не стѣснялись! Это имѣло для нея вначалѣ нѣкоторую прелесть, и она чувствовала себѣ приподнятой выше своего положенія и своего пола. Но положеніе вещей измѣнилось, какъ только вошелъ въ ихъ кружокъ товарищъ-женщина, но красивая. Съ красавицей обращались съ галантностью, смотрѣли на нее, какъ на неизмѣримую величину, словомъ—какъ на женщину. Грубыя шутки замолкли, студенты стали скромны; распространилось какое-то тепло, и какое-то чисто лирическое настроеніе легло на все общество, въ которомъ Эсфирь потеряла свое прежнее мѣсто, такъ какъ она никакъ не могла быть особенно тронутой женскою красотой и не могла раздѣлить восторга товарищей по отношенію къ женщинѣ.

Тутъ замѣтила она свое ложное положеніе, и прѣжнее ея равенство съ мужчинами стало для нея оскорбленіемъ, обидой, въ особенности послѣ того, какъ ею стали нѣсколько пренебрегать. Поэтому она бросила всякую заботу о своей внѣшности, сбросила съ себя всякую женственность, ходила въ кабачки, играла въ кегли и однажды вечеромъ принимала даже участіе въ дракѣ между студентами и мастеровыми; катаясь на велосипедѣ, она надѣвала спортменскій костюмъ, съ брюками до колѣнъ. Товарищи стали понемногу забывать, что она женщина, перестали звать ее Эсфирью, ее звали сначала по фамиліи, Боргъ, а потомъ прозвали ее Пелле, одѣли ее какъ-то въ плащъ со студенческой фуражкой на головѣ, чтобы всякій принималъ ее за мужчину.

Въ одинъ прекрасный вечеръ послѣ сильной попойки одинъ медикъ предложилъ отправиться всѣмъ къ публичнымъ женщинамъ, и отправилась со всѣми и Пелле, — это всѣмъ казалось вполне естественнымъ. Какъ картинка жизни — это было что-то новое, несмотря на то, что для студентки - медички Эсфири Боргъ уже ничего тайнаго не было.

Дѣвушки изъ публичнаго дома глядѣли на нее съ удивленіемъ, но имъ некогда было надъ этимъ задумываться, тѣмъ болѣе, что собрались главнымъ образомъ для того, чтобы пить и болтать.

Среди присутствующихъ гостей находился молодой графъ, знавшій, кто такая Эсфирь, однако, на него произвело странное впечатлѣніе присутствіе въ такомъ мѣстѣ дѣвушки изъ порядочной семьи.

Вдругъ случилось такъ, что всѣ вышли изъ зала; графъ и Эсфирь остались вдвоемъ.

Комната носила особый отпечатокъ. Она была низка;

простѣнки были обрамлены рейками; по стѣнамъ висѣли наивныя картины, изображающія ландшафты съ пастухами и пастушками, которые пасли овецъ и ѣли вишни. На окнахъ висѣли гардины изъ матеріи съ крупными цвѣтами; изъ оконъ видѣлся замокъ, освѣщенный луннымъ свѣтомъ. Графъ сѣлъ за старый рояль и однимъ пальцемъ что-то наигрывалъ, какъ бы дожидаясь, чтобы Эсфирь заговорила съ нимъ. Но такъ какъ она упорно хранила молчаніе, то онъ принялся играть второй *Nocturno G-dur* Шопена.

Эсфирь не знала этой вещи и чувствовала себя совершенно подавленной чудной музыкой, казавшейся ей какъ нельзя болѣе умѣстной при ея настроеніи. Эти мажорные переливы, звучашіе такъ минорно! Глубочайшее горе, несущее въ себѣ же утѣшеніе! Безсонная ночь, имѣющая утѣшеніе въ томъ лишь отношеніи, что предстоитъ тяжелое пробужденіе, но ночь встревожена не будетъ тяжелыми сновидѣніями. Мѣсто, гдѣ она находилась, измѣнило свой внѣшній видъ; все вокругъ озолотилось, и молодую дѣвушку охватила грусть, чуждая ея безпечной натурѣ. Она сюда пришла, какъ въ анатомическій театръ, гдѣ все гадко, но гдѣ любознательность облагораживала для нея гадкое. И вдругъ открывается передъ ней другой міръ чистоты и красоты! Свѣтлая тучка изолировала ихъ обоихъ отъ окружающей грязи, окутала ихъ и заставила ихъ позабыть, гдѣ они.

Когда графъ пересталъ играть, ему пришлось заговорить первому, потому что она все молчала.

— Знаете ли вы, что я игралъ?

— Нѣтъ, я этого не знаю.

— Шопена! И чудится мнѣ, что онъ создалъ этотъ *Nocturno* въ такую ночь, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ чувству-

ешь себя особенно грустно настроеннымъ, оттого что ищешь такой радости, которой нѣтъ; гдѣ въ присутствіи самаго ужаснаго изъ ужасовъ чувствуешь особенно всю тяжесть жизни.

— Неужели вы дѣйствительно предполагаете, что Шопенъ бывалъ въ такихъ мѣстахъ?—спросила дѣвушка, еще не вполне пришедшая въ себя.

Графъ грустно улыбнулся.

— Да! Вѣроятно, онъ въ такихъ мѣстахъ бывалъ. Развѣ это такъ необычно? Вѣдь мы съ вами сидимъ же здѣсь.

— Это «мы» звучало такъ, какъ-будто ихъ что-то соединяло, ее и его.

Да, это правда, — отвѣтила Эсфирь, и голосъ ея при этомъ звучалъ наивнѣй, чѣмъ она сама того хотѣла, потому что она этимъ какъ бы принимала сдѣланный комплиментъ.

Графъ улыбнулся надъ этой характерной женской чертой принимать комплименты, и Эсфирь въ эту минуту почувствовала, что съ ней говоритъ кто-то новый, съ другого берега, и ей захотѣлось подойти ближе къ этому новому и лучшему.

— Что вы тутъ, въ сущности, дѣлаете? Почему вы здѣсь? — спросила она невольно съ нѣкоторымъ упрекомъ.

— Да, фрекенъ, на это отвѣтить нелегко. Идешь вслѣдъ за другими. Кромѣ того, эти мѣста и ихъ обитательницы имѣютъ особую силу притяженія. Они напоминаютъ состояніе, близкое къ природѣ, отъ котораго мы далеки, и вотъ почему ваше поведеніе кажется мнѣ наивнымъ, какъ поведеніе деревенскихъ дѣвушекъ. Я никогда не вижу здѣсь стыда, не вижу раскаянія, которые

указывали бы на сознание неправоты. Я этого не понимаю, но не могу обвинять, хотя и не защищаю. Въ прошлое Рождество, какъ разъ въ сочельникъ, вечеромъ проходилъ я мимо отдѣленія больницы для проститутокъ. Само зданіе производитъ впечатлѣніе, какъ - будто у него всѣ болѣзни, и штукатурка мѣстами ободрана, какъ короста. Я проходилъ мимо, вспоминая о праздникѣ Рождества, а изъ оконъ съ желѣзными рѣшетками доносилось на улицу пѣніе. Одно мгновеніе сердце мое сжалось отъ боли, когда я вообразилъ себя въ положеніи этихъ несчастныхъ—подумайте: проводить Рождество тамъ! Но что же было дальше? Пѣніе несло все громче и отчетливѣе, и я разслышалъ слова веселой студенческой пѣсни.

— Я какъ разъ въ этотъ вечеръ,—прервала его Эсфирь,—была дежурной и дѣлала обходъ палатъ. Я видѣла, какъ онѣ плясали вокругъ елки, на верхушкѣ которой висѣло распятіе, которое имъ дали сестры Елизаветинской общины. Онѣ такъ же неподдѣльно радовались Распятому, какъ фигурамъ изъ пряниковъ. Онѣ называли Распятаго Спасителемъ, не Христомъ, слова Іисусъ онѣ никогда не произносятъ. Онѣ вѣрятъ въ Спасителя и говорятъ о немъ какъ маленькія дѣти. Если при нихъ свободомыслящій попробуетъ богохульствовать, онѣ возмущаются и выражаютъ храбро свое негодованіе. Можете ли вы понять психологію этихъ людей?

— Нѣтъ, этого я не могу!—отвѣтилъ графъ,—и поэтому я и отношусь къ нимъ всегда какъ къ такимъ же людямъ, какъ мы всѣ. Не замѣчали ли вы, между прочимъ, что на стѣнахъ у нихъ никогда вы не увидите неприличной картины, почти никогда изъ ихъ устъ не услышите грубаго слова...

— Да, но мнѣ, какъ врачу и... (тутъ Эсфирь запнулась,

но все же продолжала) какъ женщинѣ, не приходится этого слышать...

— И мнѣ тоже,—отвѣтилъ графъ...

Теперь улыбнулась Эсфирь.

— Это, можетъ быть, зависитъ отъ того, съ кѣмъ онѣ говорятъ.

Графъ покраснѣлъ, какъ мужчина, выслушавшій любезность отъ женщины.

— Что особенно характеризуетъ этихъ женщинъ,—быстро продолжалъ онъ, чтобы скрыть свое смущеніе,—такъ это ихъ склонность къ смѣху: имъ необходимо веселіе! Всѣ должны при нихъ веселиться, и не потому, какъ мы думали раньше, что онѣ забыли совѣсть, или желаютъ ее заглушить; ихъ вѣдь называютъ «веселыми дѣвицами» — и это самое подходящее названіе. Что же это за классъ людей? Что объ этомъ говоритъ вамъ наука?

— Она ничего сказать не можетъ, такъ какъ этого она не знаетъ. Возможно, что это ближайшія преемницы дикарей, такъ какъ у нихъ другая совѣсть, чѣмъ у насъ; пробудить ихъ стыдливость вѣдь почти невозможно. Онѣ и слышать объ этомъ ничего не хотятъ, не понимаютъ этого и боятся больше всего серьезныхъ мужчинъ.

— Да, это я знаю,—возразилъ графъ.—Меня онѣ терпѣть не могутъ, потому что я скученъ, хотя я никогда и не пробовалъ говорить съ ними серьезно, но я не умѣю смѣяться...

— Не умѣете? А это такъ здорово!

— Если есть надъ чѣмъ можно улыбаться, я улыбнусь: это человѣчно. Но въ смѣхѣ есть всегда что-то злобное, и его вызываетъ все смѣшное, неуклюжее, злое. Поэтому-то онъ часто кончается слезами и часто, въ концѣ концовъ, переходитъ въ чувство какой-то пустоты и за-

канчивается настоящимъ плачемъ, плачемъ безъ опредѣ-
леннаго повода.

Тутъ только замѣтила Эсфирь, что молодой графъ во
фракѣ.

— Вы смотрите на мой фракъ,—сказалъ онъ.—Я былъ
на ужинѣ у профессора X.

— И что же?

— Это что-то ужасное, но, можетъ быть, иначе нельзя.
Болѣе молодые изощряются въ молчаніи, а старшіе въ
умолчаніи. Всѣ ходятъ какъ бы въ намордникахъ, чтобы
не кусаться. А сегодня общество было въ такомъ настро-
еніи, что никто не рѣшался вымолвить разумнаго слова; всѣ
молчали. Это называется обмѣномъ взглядовъ. Знаете ли,
послѣ такого маскарада чувствуешь потребность прійти
сюда. Вообще всѣ гости имѣютъ обыкновеніе послѣ такихъ
вечеровъ бѣжать въ кофейню, чтобы тамъ высказать то,
что не было сказано въ обществѣ.

— И вы не находите, что весело жить?—внезапно спро-
сила Эсфирь.

— Жить? Да развѣ это жизнь? Вѣдь все заключается
лишь въ томъ, чтобы убить всѣ здоровыя, сильныя стре-
мленія, которыя должны были бы составлять жизнь. И
если ихъ не убиваютъ отреченіемъ, а даютъ имъ волю, то
тогда умираютъ въ больницахъ, или позднѣй гибнутъ
медленной смертью освященнаго церковью супружества.
Эта радость жизни восьмидесятыхъ годовъ оказалась
страшнымъ враньемъ; пророки грустно кончили, и все
вернулось назадъ, въ старую колею. Знаете, у меня есть
другъ, который лежитъ въ больницѣ и тихо, но вѣрно
умираетъ.

— Я знаю его. Вы говорите о поэтѣ?

— Да, хотите, мы сейчасъ туда пойдѣмъ. На дворѣ свѣтло, — луна. А онъ приметъ это очень просто.

— Охотно, — отвѣтила Эсфирь, и они вышли.

Осенняя ночь была тепла; свѣтилъ ярко мѣсяцъ; они шли по тихимъ улицамъ, по широкимъ зеленымъ бульварамъ и дошли до больничнаго парка. Подъ высокими деревьями были для больныхъ разбиты палатки, и они тамъ спали, или просто лежали. У подножья клена сидѣлъ фельдшеръ въ обществѣ студента и пилъ виски. Эсфирь и графъ, знавшіе обоихъ, подошли и освѣдомились о поэтѣ.

— Да, — отвѣтилъ фельдшеръ, — онъ лежитъ вотъ тутъ, рядомъ и не спитъ, но врядъ ли онъ долго проживетъ, такъ какъ послалъ за профессоромъ Х.

— Какъ? За богословомъ? — спросила удивленно Эсфирь.

— Да, вѣдь старикъ и Аксель поддерживали дружескія отношенія, чтобы дружески спорить и бороться, и поэтъ просилъ насъ быть свидѣтелями при ихъ послѣдней битвѣ, чтобы потомъ не было ложныхъ слуховъ.

— Пока нѣтъ профессора, нельзя ли намъ къ нему войти?

— Пожалуйста. Онъ лежитъ и читаетъ сказки Андерсена.

Эсфирь и графъ вошли въ ближайшую палатку и тамъ застали Акселя Е., читающаго лежа при свѣтѣ фонаря.

Это была небольшая, исхудалая фигура, съ большой черной бородой, экзотическаго типа, не то француза, не то итальянца. Глаза у него были большіе, блестящіе, и онъ прищуривался нѣкоторое время, пока не узналъ вошедшихъ, такъ какъ зрѣніе его, какъ и слухъ, начали слабѣть. Онъ улыбнулся, протянулъ каждому руку и слабымъ голосомъ попросилъ сѣсть. Онъ зналъ, что умираетъ, но онъ молчалъ объ этомъ и желалъ, чтобы и другіе ему объ этомъ не говорили. Иногда же въ немъ вдругъ за-

говаривало тщеславіе, и являлось желаніе хвастнуть своей неустрашимостью.

— Да, друзья мои,— заговорилъ онъ,— я угасаю. Глаза теряютъ свѣтъ, слухъ лишается звука, а голосъ своего звона.

Онъ сильно закашлялся. У него была горловая чахотка.

— Но, видите ли, пока еще опасности нѣтъ, потому что пульсъ по ночамъ ослабѣваетъ на 38 біеній, а ночью вѣдь всегда хуже. Во всякомъ случаѣ жаль, если бы я умеръ теперь, когда я отучилъ себя отъ табаку, спиртного и всего прочаго. Я чувствую себя внутренно обѣленнымъ. Да, жить отвратительно. Послушайте-ка, этотъ Эфраимъ странный субъектъ. Онъ пишетъ мнѣ изъ Норрботтена письмо и начинаетъ его такъ: «Если письмо это застанетъ тебя еще въ живыхъ»... Такъ не пишутъ больному человѣку. Да, жизни! Знаете ли вы, что самое ужасное изъ всего, что я пережилъ? Садитесь и послушайте! — Эсфирь, помнишь ты ту дѣвушку съ огненными волосами, на которой я собирался жениться. Да, мы вмѣстѣ поѣхали въ Петербургъ, и послѣ первыхъ дней счастья наступила скука. Знаете ли вы, что значитъ нестерпимая скука вдвоемъ? Въ одиночествѣ это, быть можетъ, и тяжело, но все же поправимо, но вдвоемъ это отвратительно, это смерть, чувствуешь себя связаннымъ другъ съ другомъ, ненавидишь одинъ другого, потому именно, что одинъ другого связываетъ. Она же тайкомъ охлопотала себѣ всѣ нужные документы, которые должны были окончательнo связать меня бракомъ съ ней. Когда же я, наконецъ, понялъ, кто она, я сталъ отговариваться отъ брака своей бѣдностью; тутъ она заявила, что у нея есть деньги. Мы жили въ простой, не первоклассной гостиницѣ и занимали вдвоемъ одинъ номеръ. Однажды, вечеромъ, послѣ того какъ она на

цѣлыхъ полдня куда-то уходила, она повела меня въ лучший петербургскій ресторанъ. Тамъ познакомила она меня съ пріятелемъ, который угостилъ насъ стофранковымъ обѣдомъ. Мнѣ вѣдь достаточно взглянуть, чтобы многое понять, и, когда, въ то время какъ пили шампанское, они обмѣнялись взглядами, мое рѣшеніе созрѣло. Ночью, вернувшись домой, я притворился спящимъ. Когда я убѣдился, что она заснула, я всталъ, взялъ ея кошелекъ, такъ какъ больше денегъ не было, схватилъ платье и обувь и, быстро одѣвшись, вышелъ. Я бѣгомъ пустился до близлежащаго вокзала. Но раньше, какъ черезъ шесть часовъ, не отходилъ ни одинъ поѣздъ. Друзья! Я въ продолженіе шести часовъ ходилъ взадъ и впередъ по вокзалу! И все боялся, что меня задержать какъ вора! Но мнѣ удалось бѣжать... Воръ? Что вы на это скажете? И какъ на моемъ мѣстѣ поступили бы вы?

— Точно такъ же, — отвѣтилъ графъ, или для того только, чтобы утѣшить умирающаго, или потому, что дѣйствительно думалъ, что способенъ на подобный поступокъ.

— Воръ! — повторилъ Аксель Э.

— Неужели ты потомъ дѣлалъ себѣ упреки? — спросила Эсфирь.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ поэтъ. — Можете вы себѣ представить! Упрековъ я себѣ не дѣлалъ, но я былъ внѣ себя оттого, что попалъ въ такую грязную исторію. Я относился съ полнымъ довѣріемъ, я любилъ, и вдругъ... Но на кого мнѣ было сердиться, я не знаю. Случай, судьба, обстоятельства представляются мнѣ существами, которыхъ я опредѣлить не могу, но которые я считаю за живыхъ.

— Почему позвалъ ты профессора? — прервала его

Эсфирь, которая больше не любила отвлеченныя темы разговоровъ.

— Профессора? А, да, я про него забылъ. Да, я былъ одинъ, и мнѣ хотѣлось съ нимъ поспорить.

— Не желаешь ли ты вмѣсто того морфія, чтобы заснуть?

— Морфій больше на меня не дѣйствуетъ. Нѣтъ, я не хочу спать и хочу разговаривать. Пока голосъ мой еще слышенъ, я хочу его слышать.

Въ эту минуту въ дверяхъ палатки показалась бѣлая старческаго голова. Она не была ни головою Петра, ни головою Павла, но она имѣла что-то общее съ обѣими. Если глядѣть прямо, то изъ нея свѣтилось доброжелательство, покорность судьбѣ; профиль наводилъ на мысль о друидѣ, о жрецѣ бога Одина, держащаго въ рукахъ ножъ, чтобы вырѣзать у жертвы сердце. Невольно вспоминались лѣсистые холмы Упсалы, вѣтви деревьевъ, роши Одина, на которыхъ вѣшались убитые въ жертву непримиримому.

Аксель Э., увидавшій громадный силуэтъ старца, который при свѣтѣ фонаря ложился на бѣлой стѣнѣ палатки, нашелъ его похожимъ на громадную тучу, какія бываютъ на небѣ, когда удаляется гроза, и почему-то вспомнилъ Моисея, и это смутило его, какъ вообще это бывало со всѣми, кто видѣлъ близко этого духовника молодежи.

— Ну-съ, дорогой Аксель,—началь старикъ,—какъ ты сегодня себя чувствуешь?

— Плохо, дядюшка,—отвѣтилъ Аксель Э.,—сожалѣвшій, что при своей слабости вызвалъ этого силача на единоборство.

— Какъ обстоятъ дѣла твоей души?

— Да, видишь ли, дядюшка, я о ней-то и думалъ эти

последніе девяносто дней, но не могъ прийти къ разрѣшенію нѣкоторыхъ вопросовъ.

— Не можешь? не можешь? Не пришелъ ли ты къ сознанию своей вины?

— Нѣтъ, къ этому сознанию я не пришелъ. Что я грѣшникъ, это я знаю, такъ какъ мы во грѣхѣхъ родились. А такъ какъ мы всѣ грѣшники, то я не составляю исключенія, и нѣтъ надобности мнѣ открывать свои грѣхи другому грѣшнику, который точно такъ же могъ бы исповѣдываться у меня, разъ мы братья...

— Ты еще далекъ отъ истины, мой другъ...

— Подожди, я все тебѣ изложу связно, и пусть друзья мои будутъ свидѣтелями...

Онъ опять закашлялся и могъ продолжать говорить, только принявъ на кровати сидячее положеніе.

— Мнѣ было двѣнадцать лѣтъ, когда во мнѣ проявилась возмужалость. Исключительно по неразумію, почти щутя, меня совратилъ старшій товарищъ, котораго я позднѣй возненавидѣлъ, какъ соблазнителя моей юности, но, впрочемъ, гораздо позднѣй, когда мы снова встрѣтились. Я былъ напуганъ прочитанной мною книгой, которая чуть не свела меня въ сумасшедшій домъ изъ страха вѣчной кары. Я слѣлался пѣтистомъ и думалъ, что найду спокойствіе и миръ душевный. Но состояніе духа, навѣянное на меня религіей, я бы охотно назвалъ несчастьемъ. Все стало темно вокругъ меня, свѣтъ и люди, а хуже всего по дѣйствовали на меня аскетизмъ и самоистязаніе. Я лежалъ на голомъ полу, въ веригахъ, впивающихся въ тѣло, и я дрожалъ отъ холода подъ одной простыней; я читалъ вечернія молитвы, стоя на колѣняхъ на каменныхъ илптахъ; я голодалъ; я унижалъ себя передъ людьми, усту-

пая каждому дорогу, и признавалъ себя настолько хуже всѣхъ другихъ, что не считалъ себя достойнымъ ходить, подобно всѣмъ, по тротуарамъ. Когда же я вполнѣ побѣдилъ себя, меня стали одолѣвать страшные сны. Непостижимое такъ пугало меня, что я лишился сна. Однако душа моя была чиста, такъ какъ все, что я писалъ, было проникнуто чистотой; вы это знаете всѣ, читавшіе мои юношескіе стихи. Когда же я увидѣлъ, что вся добрая воля, всѣ старанія были напрасны, и когда мнѣ показалось, что я зачакну, и я убѣдился, что я отвѣтовъ на мои молитвы не получаю, я рѣшилъ, что я спустился въ преисподнюю и что Богъ отвратился отъ меня. Тогда я прочелъ Стогнетіуса и у него нашелъ нѣкоторые отвѣты. Я прочелъ, что душа наша заключена въ темницѣ тѣла и что она можетъ сохранить свободу только тѣмъ, что она отъ времени до времени броситъ животному тѣлу кусокъ мяса, въ родѣ жертвы. Я сталъ это дѣлать, и каждый разъ, когда я такъ дѣлалъ, душа какъ бы снималась съ якоря и получала способность витать надъ болотомъ. Стоило же мнѣ опять отдаться аскетизму, какъ мысли мои приковывались лишь къ чувственнымъ предметамъ, подобно тому, какъ голодный человѣкъ думаетъ только объ ѣдѣ. Тогда я получилъ эту болѣзнь! Теперь я спрашиваю васъ, почему же не всѣ заболѣваютъ этою болѣзнью и почему не заболѣваютъ прежде всего тѣ, которые смотрятъ на распутство, какъ на своего рода спортъ. Отвѣтъ мнѣ на это! Врачи говорятъ, что нѣкоторые застрахованы отъ этой болѣзни, потому что родители ихъ были ею заражены...

Старецъ въ гнѣвѣ приподнялся и покачалъ могучей головой друида.

— Призвалъ ли ты меня для того, чтобы я выслушивалъ подобныя низости?

— Да, старикъ, ты долженъ меня выслушать! — закричалъ, лежа на кровати, маленькій человѣчекъ. — Ты долженъ меня выслушать, такъ какъ раньше, чѣмъ судить, ты долженъ все знать. Ты долженъ знать, что я близокъ былъ къ заблужденію, когда думалъ, что найду спасеніе въ воздержаніи отъ всякаго распутства; ты долженъ знать, что домашній врачъ моего отца посовѣтовалъ мнѣ итти къ женщинамъ и что я дѣлалъ это съ согласія и съ вѣдома отца.

— Ты лжешь! — прервалъ старикъ.

— Ахъ, стыдись! Старикъ, ты спалъ на супружеской кровати съ женщиной, которую ты любилъ: счастье, которое не выпадаетъ обыкновенно на долю юноши, потому что у него нѣтъ хлѣба насущнаго. Ты долженъ былъ бы пожалѣть, утѣшить, а у тебя камни и змѣи тамъ, гдѣ ты долженъ былъ бы дать хлѣба и рыбы.

Старикъ взялъ съ ночного столика книжку и увидалъ, что это были сказки Андерсена; онъ съ нескрываемымъ разочарованіемъ положилъ ее назадъ.

— Да, фыркай на сказки, но прочти ту, въ которой говорится о страшныхъ снахъ священника, послѣ того какъ онъ говорилъ проповѣдь о вѣчныхъ мученіяхъ; знаешь ты ее?

— Тутъ роль моя кончается, — сказалъ друидъ.

— Ты сказалъ вѣрно: твоя роль! — продолжалъ умирающій. — Вспомни осужденіе плотскихъ желаній, которое ты проповѣдывалъ молодежи, вспомни объ «освобожденіи внутренняго духа отъ искушеній свѣта», когда въ слѣдующій разъ свѣтъ тебѣ представить искушеніе. «Горе тому, кто падетъ въ этой борьбѣ и сложитъ оружіе!» *Principes obsta!* Тебѣ извѣстны искушенія молодости, старикъ, но ты не знаешь искушеній старости, когда мірская

слава и отличія влекутъ къ паденію. Настанетъ и для тебя день, когда ты трижды отречешься отъ своего Искупителя, когда ты, какъ Петръ, поддашься соблазну и воздашь хвалу антихристу, который своими извортливими ученіями извинялъ грѣхи; когда Богъ накажетъ тебя такой слѣпотой, что ты будешь изо всѣхъ силъ защищать тронъ того, кто пронзилъ нашего Спасителя! Берегись! Когда тотъ день настанетъ, вспомни меня, котораго уже не будетъ на свѣтѣ.

Тутъ оборвался и умолкъ голосъ больного, и онъ погрузился въ дремоту.

Пасторъ выпрямился при мысли о своемъ достоинствѣ, которое должно быть нерушимо въ глазахъ молодежи, при которой сегодня ему пришлось выслушать такую рѣзкую отповѣдь. Какъ бы предоставляя теперь мѣсто врачу тѣлесному, онъ сдѣлалъ рукой знакъ привѣтствія.

— Вы видите, что онъ заснулъ, господинъ докторъ, — сказалъ пасторъ.

Затѣмъ на стѣнѣ палатки показался опять его громадный силуэтъ, страшно большой, съ головой великана, силуэтъ человѣка древнихъ временъ, бросавшаго въ церковь камнями, непереносившаго колокольнаго звона и содрогавшагося отъ запаха крови. Затѣмъ великанъ съежился и прошмыгнулъ черезъ дверь палатки.

Ночной вѣтерокъ качалъ большіе клены, которые шелестѣли и журчали какъ ручей, протекающій по камнямъ. Стѣны палатки качались волнообразно, и шести, на которыхъ держался фонарь, бросали тѣнь, напоминающую рѣшетку клѣтки, а въ ней больной лежалъ блѣдный, съ лицомъ, на которомъ отпечатано было безграничное страданіе человѣка, который считаетъ, что страдаетъ незаслуженно.

— Онъ заснулъ безъ морфія, — замѣтилъ докторъ, ощупывая пульсъ больного.

Трое молодыхъ людей вышли и сѣли подъ кленомъ у стола съ виски. Луна клонилась къ горизонту, но еще освѣщала палатки и этотъ лагерь для раненныхъ и умирающихъ.

— Да, друзья мои, понимаете ли вы профессора? Какъ теософъ и мартинистъ, я склоненъ допустить, что въ молодые его годы чуждая ему душа привилась этому дичку и какъ паразитъ продолжаетъ жить въ немъ. Въ сущности, этотъ инквизиторъ совсѣмъ не таковъ, какимъ кажется; если бы я могъ его разрѣзать, вы, вѣроятно, увидѣли бы типъ изъ альбома Ломброзо. Мое мнѣніе, что онъ злой человѣкъ, который, пришедши къ сознанию своей злобы, сталъ пѣтистомъ; или онъ самъ вложилъ себѣ въ ротъ колъ, чтобы не кусаться. Не замѣтили ли вы, что добрые люди никогда не бываютъ пѣтистами, и что пѣтисты всегда дурно вліяютъ на насъ, простыхъ грѣшниковъ? Я былъ пѣтистомъ, когда былъ молодъ, и для меня религія была тѣмъ, чѣмъ могъ бы быть ошейникъ съ гвоздями для злой собаки. Не будь строгой религіозности моей юности, я бы сталъ жестокимъ человѣкомъ. Пѣтизмъ—это такое состояніе духа, которое приходитъ, или не приходитъ. Поэтому ненавидѣть человѣка за его расположение духа или дѣлать ему за него упрекъ—это сущее идиотство. Пѣтизмъ—это покаяніе, стремленіе къ приближенію къ сверхчеловѣку. Это стремленіе часто не увѣнчивается никакимъ успѣхомъ, почему пѣтисты кажутся лицемѣрами. Но это ошибка. Человѣкъ религіозный всегда немного хуже другихъ, потому что онъ нуждается въ бичеваніи, и немного лучше другихъ, потому что онъ отъ бичеванія получаетъ пользу. Представьте вы себѣ Офте-

дала безъ религіи? Это былъ бы, вѣроятно, какой-нибудь Калигула; но, смягченный религіей — это маленькій Людовикъ; все же и это выигрышъ. Что же касается признанія Акселя, то я знаю, что это сущая правда, и тяжело было слушать, какъ старикъ обвинялъ его во лжи, но иначе судить онъ врядъ ли могъ, такъ какъ онъ, вѣроятно, самъ жизни не испыталъ. И видите ли, вопросъ въ томъ, надо ли пройти черезъ грязь, или лучше обойти ее? Я этого не знаю. Одни разъ окупутся, а потомъ выплывутъ, другіе остаются на днѣ. Это какъ бы предопредѣлено для каждаго въ отдѣльности, и гностицизмъ Акселя, внушенный ему Стагнелиусомъ, какъ бы далъ ему поводъ къ тому, чтобы произвести опустошеніе тѣлесное съ цѣлью освобожденія духа. Если на религію, въ широкомъ смыслѣ слова, можно смотрѣть, какъ на связь съ высью, то Аксель былъ религіозенъ, потому что онъ всегда парилъ въ выси, смотрѣлъ на жизнь, какъ на что-то временное, переходящее, страдалъ и стремился изъ жизни. Онъ не былъ злымъ, скорѣй напротивъ...

Тутъ его прервала Эсфирь.

— Почему ты говоришь «онъ не былъ»?

Врачъ хотѣлъ оговориться, но было поздно, слово было сказано.

— Я говорю «былъ», — добавилъ онъ, — потому что его уже нѣтъ. Я знаю это.

— Онъ умеръ?

— Да!

Настала тишина, и всѣ три лица покрылись блѣдностью. Никто не хотѣлъ говорить, чтобы не сказать банальности передъ разрѣшеніемъ великой загадки. Но они встали и вошли въ палатку, чтобы проститься съ умершимъ.

Брежжило утро, и фонарь погасъ. Стѣны палатки были

съ наружной стороны слабо окрашены въ розовый цвѣтъ; у покойнаго голова была слегка запрокинута назадъ, ротъ открытъ, какъ бы въ экстазѣ, а глаза обращены были кверху. Все лицо сіяло восторгомъ, будто онъ увидѣлъ что-то неопредѣленно прекрасное. Можетъ быть, онъ видѣлъ ту страну, о которой мечталъ.

Послѣ длинной зимы опять настала весна, и Эсфирь изъ Упсалы поѣхала домой къ родителямъ. Шторѣ сталъ морскимъ курортомъ, и тамъ возникъ курзалъ. Тамъ собирались всякаго рода люди, владѣльцы яхтъ, дачники. И Эсфири пришлось слѣдить за своими туалетами, что было ей очень непривычно. Когда же по необходимости она надѣвала бѣлое платье, ей казалось, что она ходитъ въ простынь. Все сидѣло на ней плохо и не шло ей; зная это, она держалась въ сторонѣ. Но фру Брита настаивала на томъ, чтобы она посѣщала курзалъ, такъ какъ она не должна была забывать, что она женщина и притомъ дѣвушка.

Всего скучнѣй ей казались часы, когда танцовали. Тогда ей приходилось сидѣть у стѣнки часами и ждать приглашенія, но кавалеры не являлись. Если же кто и приходилъ, то она ясно видѣла въ немъ сожалѣніе къ некрасивой дѣвушкѣ, и это ее ужасно оскорбляло. Въ остальное время она охотно выходила, отправлялась въ лѣсъ, каталась по морю, но на слѣдующій вечеръ ее опять посылали на танцы. Эта выставка ея женственности, это соревнованіе въ неравной недостойной борьбѣ, удручали ее, и она ненавидѣла это удовольствіе, чувствуя себя обойденной природой.

Насталъ какъ разъ одинъ изъ такихъ вечеровъ, когда

лѣто было въ полномъ разгарѣ. Изъ уваженія къ желанію родителей Эсфирь опять отправилась въ кургаузъ. Но въ залъ она не вошла, а сѣла на веранду, и мимо нея проходили парочки. Самое мучительное для нея было то, что она не умѣла скрыть на лицѣ своемъ разочарованія и скуки; усиліе, которое она надъ собой дѣлала, придавало ей лишь выраженіе дикаго упрямства.

Когда она такъ сидѣла, къ ней вдругъ приблизился студентъ-медикъ изъ Упсалы, вышедшій навеселѣ изъ остановившагося у берега катера.

— Какъ? И ты здѣсь, Пелле! — вырвалось у него. — Оказывается, что и Саулъ пошелъ къ пророкамъ? Неужели ты пойдешь на эту мерзкую выставку животныхъ-производителей?

Эсфирь не нашла, что отвѣтить, и товарищи прошли въ залъ. То, что онъ не пригласилъ ее танцевать, особенно огорчило ее, хотя ей пріятно было, что онъ считалъ ее выше тѣхъ, которыя участвовали на этой выставкѣ, какъ онъ называлъ танцевальный залъ.

Черезъ нѣкоторое время показался молодой графъ, тоже изъ Упсалы, ведя подъ руку королеву вечера, мѣстную красавицу, которая повисла на его рукѣ и впивалась въ него глазами. Эсфирь видѣла, какъ они вошли въ залъ, танцевали, бесѣдовали. Всѣ дачники слѣдили за парочкой многозначительными взглядами.

— Эта будетъ-таки графиней! — сказала пожилая дама, выходя изъ зала. — Что за счастье! Графъ, отецъ котораго кассиръ и который самъ социалистъ. Хороша партія!

— Но у него пріятная наружность, — отвѣчала другая дама.

Эсфирь все слышала. Когда же она прочла на лицѣ графа совершенно новое выраженіе, отблескъ сіянія, го-

рѣвшаго въ глазахъ молодой красавицы, у нея потемнѣло въ глазахъ, и она поняла, почему его лицо никогда не сіяло такъ, когда она бывала съ нимъ.

Она прямо пошла домой и сѣла въ свою комнату. Наступила ночь, но было свѣтло; музыка отрывками проникала изъ кургауза къ ней. Она вспомнила *Nocturno* Шопена, который онъ ей сыгралъ, когда они были вдвоемъ тамъ, въ Упсалѣ. При ея холодномъ, спокойномъ темпераментѣ, она думала, что будетъ стоять выше этихъ чувствъ, теперь же она поняла, что попалась; въ этомъ сомнѣніи не было. И она долго сидѣла и плакала отъ огорченія, оттого, что ея пренебрегали.

Не будучи въ состояніи заснуть, она вышла, спустилась на берегъ и взяла лодку. Она сѣла у веселъ и направила лодку черезъ фіордъ къ маленькой шхерѣ, куда она обыкновенно ѣздила.

Но ей пришлось проѣзжать мимо кургауза, откуда все еще доносилась музыка. Потускнѣвшій свѣтъ просвѣчивалъ сквозь шторы. Она хотѣла пронестись мимо, но какъ бы теченіемъ ее туда притягивало. Однако она направила лодку на дальній мысъ и гребла, повернувшись спиной къ берегу.

Но музыка, несомая слабымъ береговымъ вѣтеркомъ, догоняла ее. Невольно стала она ударять веслами подъ тактъ вальса: разъ, два, три; и казалось ей, что они управляютъ ею оттуда, гдѣ оба ихъ тѣла кружатся, прижавшись другъ къ другу. Она опять повернула лодку въ другомъ направленіи, но ей никакъ не удавалось выйти изъ этого заколдованнаго круга. Вдругъ прекратился вальсъ, и стало тихо; тишину нарушали только чайки и плескъ волнъ. Но тутъ тишина и безмолвіе что-то стали нашоptyвать ей; она вспомнила *Nocturno* и поняла, какъ

можно слышать музыку въ душѣ. Вѣдь это были живые звуки,—G-dur, звучащій минорно! Это было его туше, его манера играть! Что за предательство! Онъ вѣдь ей игралъ Шопена, онъ былъ съ нею!

Теперь она рѣшительно поплыла отъ берега къ морю, стараясь шумомъ веселья заглушить звуки музыки. Этому способствовалъ и плескъ воды о носъ лодки, и, наконецъ, она оказалась на такомъ разстояніи, что береговые звуки не могли доходить до нея; она причалила къ шхерѣ и, пока медленно укладывала весла въ лодку, она услышала неподалеку шумъ другихъ весель. Черезъ мгновеніе о скалу ударился бѣлый носъ другой лодки, показалась голова человѣка. У весель сидѣлъ графъ.

— Ты ли это, Эсфирь?—спросилъ онъ спокойно.

— Да. А ты тоже здѣсь?—сказала дѣвушка, не выказывая удивленія.

— Тамъ было ужасно!—продолжалъ графъ.

Теперь только вернулась Эсфирь къ пережитому тяжелому настроенію.

— Я думала ты еще тамъ и танцуешь съ красавицей.

— Благодарю покорно! Она изъ такихъ, которыя должны имѣть за собою толпу поклонниковъ. Это кокетливая кокетка! Она приналегла на меня, чтобы привлечь къ себѣ морского офицера, потомъ занялась имъ, чтобы помучить почтмейстера, а что она кончитъ вечеръ съ аптекаремъ—это ясно.

— Вотъ какъ?—замѣтила Эсфирь.—А ее уже называли графиней.

— Не сойдемъ ли мы на берегъ и не подождемъ ли восхода солнца?

Они сошли на берегъ, и, такъ какъ причина огорченія

для Эсфири миновала, она вернулась къ обычному своему настроенію лѣниваго скептицизма, безъ тѣни влюбленности.

Послѣ утренней зари они вернулись домой.

* * *

Графъ Максъ провелъ недѣлю въ Сторѣ, живя въ гостиницѣ. Все это время онъ проводилъ съ Эсфирью. Они катались по морю и гуляли, но ни разу не были въ кургаузѣ. Поведеніе Эсфири было все то же, съ той лишь разницей, что она стала нѣсколько заниматься своей наружностью, присвоила себѣ женственныя манеры и приобрѣла нѣкоторую дикую здоровую красоту. Но въ одинъ прекрасный вечеръ молодые люди отправились въ лѣсъ, чтобы оттуда любоваться моремъ. Она сѣла на скалу, а онъ растянулся у ея ногъ. Онъ взялъ ея руку, спрашивая, что за кольцо она носить.

Тутъ вдругъ откуда-то появился отецъ, редакторъ Боргъ.

— Вы помолвлены? — спросилъ онъ взволнованно.

Положеніе было непріятное. Первымъ заговорилъ графъ

— Объ этомъ мы никогда не думали, — отвѣтилъ онъ, вставая. Онъ глядѣлъ на Эсфирь, лицо которой приняло необычайное выраженіе стыда, робости, дѣтскаго страха передъ отцомъ, и вдругъ ему ясно представилось все значеніе ихъ сближенія. Тогда онъ продолжалъ, но уже въ другомъ тонѣ:

— Это, впрочемъ, зависитъ отъ Эсфири.

Дѣвушка при этомъ заявленіи опять измѣнилась въ

лицѣ. Отецъ иъвольнѣ зажегъ искру, которая еще незадолго до этого и не тлѣла.

— Такъ какъ Максъ считаетъ это возможнымъ и..

Тутъ слезы хлынули изъ ея глазъ, и она бросилась въ объятія отца, какъ бы желая скрыть на его груди чувство, котораго стыдилась.

Да, много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Густавъ Боргъ перечувствовалъ приблизительно то же, и, прижимая къ себѣ дочь, ему казалось, что она еще дитя; родительское чувство его распространилось и на молодого человѣка, котораго онъ взялъ за руку.

— Такъ будьте же счастливы! — промолвилъ онъ. — Теперь я васъ оставляю, но буду васъ обоихъ ждать до-мой къ обѣду.

Онъ удалился.

Произошла неожиданная перемена. Молодые люди стояли тутъ уже не какъ товарищи и друзья, а какъ мужъ и жена. Они въ нѣкоторомъ родѣ замѣтили свою наготу, имъ стало страшно, они говорили измѣненными голосами новыя слова, они шли, держась за руку, какъ маленькія дѣти, а когда встрѣчались съ людьми, то имъ не было стыдно, напротивъ, они были горды, какъ юные боги, и имъ казалось, что всѣ склонялись передъ ними и привѣтствовали ихъ съ почтеніемъ.

* * *

Такъ прошло лѣто 1890 г. Слѣдующій за нимъ годъ прошелъ такимъ же образомъ въ приготовленіяхъ къ экзаменамъ и въ составленіи плановъ на будущее. Родители охотно ставили вопросъ о бракѣ, но молодые люди ничего

не отвѣчали. Это молчаніе порой вызывало безпокойство. Разстроенныя помолвки слишкомъ часты—увы!—но пріятнаго въ этомъ очень мало.

Фру Брита смотрѣла на вещи спокойнѣе Густава.

— Предоставь это имъ,—говорила она.—Мы въ это вмѣшиваться не должны.

Наступили святки 1892 г. Фру Брита, не слушаясь мужа, пригласила жениха на праздники къ нимъ въ Сторре. Густавъ пришелъ въ негодованіе, но поневолѣ долженъ былъ примириться съ совершившимся фактомъ.

Прошло Рождество, и настали послѣдніе дни года. День стоялъ сѣренькій, пасмурный, и Густавъ вздумалъ поиграть въ шахматы. Съ этой цѣлью онъ направился въ башенную комнату, чтобы позвать будущаго зятя. Убѣдившись, что дверь въ комнату заперта, онъ постучался. Никто не отперъ двери, но онъ слышалъ два голоса, тихо шептавшіе: «Тише».

Онъ все понялъ и спустился внизъ, желая найти жену. Зная по опыту, какъ легко она всему находила отвѣтъ, онъ заранѣе приготовилъ въ умѣ своемъ цѣлый подборъ вопросовъ, выраженныхъ скорѣй въ утвердительной формѣ, потому что онъ рѣшилъ, что труднѣй оправдаться передъ ясно выраженнымъ обвиненіемъ, чѣмъ отвѣтить на вопросъ: да или нѣтъ. Онъ, какъ молнія, ворвался въ кухню, гдѣ сидѣла и писала фру Брита.

— Съ какихъ поръ,—воскликнулъ онъ,—молодые люди запираются въ его комнатѣ?

— Съ какихъ поръ? Съ тѣхъ поръ, какъ они здѣсь живутъ!—отвѣтила Брита, какъ разъ занятая писаніемъ статьи о новой формѣ брака.

— Это, слѣдовательно, дѣлается съ твоего вѣдома и съ твоего молчаливаго согласія?

— Съ моего открыто выраженного согласія.

— Сводня!— крикнулъ дошедшій до неистовства отецъ и стукнулъ объ полъ стуломъ.

— Не стыдно ли тебѣ?— отвѣчала жена.

— Ты сдѣлала притонъ изъ нашего дома!

— Такимъ онъ, кажется, и раньше былъ.

Этимъ было все сказано, но въ данную минуту Густавъ говорилъ съ точки зрѣнія отца, а не какъ супругъ, и потому онъ продолжалъ въ томъ же духѣ

— Какъ бы то ни было, а я сейчасъ пойду, выломаю дверь и обоихъ выгоню палкой, а потомъ начну дѣло о разводѣ...

— На какомъ основаніи?

— А на томъ основаніи, что хозяйка дома вела себя какъ сводня по отношенію къ собственной дочери.

— А малолѣтнія дѣти?

— Ихъ возьму я, такъ какъ ты, какъ мать, будешь признана неспособной ихъ воспитывать.

— Ты собираешься прогнать меня?

— Да!

— Слушай, Густавъ, ради дѣтей не хочешь ли ты кончить это добромъ?

— Нѣтъ!

— Въ такомъ случаѣ я требую отсрочки. Я должна привести въ порядокъ домашнія дѣла, понимаешь, а потомъ спокойно покину домъ.

Это звучало искренно, и было искренно отчасти, какъ выраженіе грусти, которая всегда невольно сопровождается мыслью о разводѣ; мужъ, испытывая это же чувство, далъ себя обмануть и обѣщалъ ранѣе трехъ дней ничего не предпринимать, при условіи, что графъ немедленно покинетъ домъ.

Затѣмъ онъ поднялся въ свою комнату, предупредивъ, что не выйдетъ къ обѣду.

Въ вечеръ этого же дня до слуха Густава донеслись утѣшенныя телефонныя звонки, скрипъ прѣзжающихъ и отъѣзжающихъ саней, осторожное хожденіе по лѣстницамъ и коридорамъ. Но домъ былъ большой, особаго любопытства Густавъ не проявилъ, такъ что онъ остался въ невѣдѣніи относительно того, что именно произошло. Однако, это невѣдѣніе дѣйствовало нѣсколько раздражающе на него, тѣмъ болѣе, что исполненіе его рѣшенія зависѣло всецѣло отъ намѣреній и плановъ другихъ. Онъ создавалъ разныя предположенія, которыя, однако, рушились одно за другимъ, не имѣя подъ собою твердой почвы.

Въ такомъ состояніи одиночество стало для него невыносимо, но онъ все же не рѣшался покинуть свою комнату. Ему хотѣлось по обыкновенію спуститься въ дѣтскую и проститься съ младшими дѣтьми, мальчикомъ шести лѣтъ и дѣвочкой — четырехъ; но они спали не одни въ комнатѣ, съ ними помѣщалась бонна; къ ней же итти было бы въ настоящую минуту неудобно вслѣдствіе намековъ Бриты. Это было его слабой стороною, которую онъ до сихъ поръ тщательно скрывалъ, но теперь она угрожающе начинала обнаруживаться.

Вотъ какимъ образомъ онъ вступилъ въ связь, о которой до сихъ поръ всѣ молчали, но которая подозрѣвалась и терпѣлась; на фізіономію дома эта связь не вліяла, такъ какъ ее уважали чуть ли не всѣ, потому что противъ нея ничего не имѣла хозяйка дома. Послѣ двадцатипятилѣтней супружеской жизни, четыре года тому назадъ, когда родился послѣдній ребенокъ, фру Брита объявила, что не желаетъ имѣть больше дѣтей и что она желаетъ весь остатокъ дней своихъ посвятить служенію обществу и человѣчеству.

Это не было новостью, потому что уже при появлении перваго ребенка она объявляла, что больше имѣть дѣтей не желаетъ. А затѣмъ все же дѣти рождались вслѣдствіе несчастной случайности, какъ рождается большинство дѣтей. Но въ данномъ случаѣ она освободила мужа отъ соблюденія супружеской вѣрности, такъ какъ онъ рѣшительно заявилъ, что семейнымъ холостякомъ онъ жить не можетъ. Она просила лишь, чтобы ее «оставили въ покоѣ» и чтобы она объ этомъ «ничего не знала». Однако, человѣку нелегко бываетъ измѣнить свой образъ жизни; не было у него и привязанности подъ рукой, — надо было ждать, чтобы таковая встрѣтилась. Обстоятельства помогли ему въ лицѣ бонны дѣтей. Брита передала завѣдываніе домомъ двадцатисемилѣтней дѣвицѣ, и отъ этого ничто не пострадало. Дѣвица оказалась умной и преданной дѣлу; власти она не добивалась, а весь трудъ по дому взяла на себя. Она и Густавъ заботились о дѣтяхъ и хозяйствѣ, и, такъ какъ жены, если она не писала, обыкновенно не бывало дома, то между мужемъ и воспитательницей его дѣтей установились самыя дружескія отношенія. Эти отношенія скоро преобразились въ связь интимнаго характера, что, однако, не вызвало замѣтнаго измѣненія въ совмѣстной жизни супруговъ; отношенія ихъ, напротивъ, стали болѣе почтительны и мирны.

Такъ тихо и спокойно шло бы дѣло дальше, если бы жена не убѣдилась, что положенію ея грозитъ опасность, а главное, если бы она не побоялась, что ее разлучатъ съ дѣтьми, которымъ, пожалуй, будетъ дана мачиха послѣ того, какъ она сама будетъ выгнана на улицу. Чувствуя угрожающую опасность, она быстро призвала союзниковъ и вооружилась, рѣшившись первая нанести ударъ и скорѣй сразить, чѣмъ самой быть сраженной.

Проснулся Густавъ Боргъ послѣ безсонной и тревожной ночи и одѣлся. Онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, спустился къ кофе внизъ и тамъ засталъ жену и дѣтей. Все было обычно и вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно. Эсфирь казалась холодной и рѣшительной. Когда отецъ глазами сталъ искать графа Макса, разъясненіе у матери было готово.

— Максъ просилъ кланяться тебѣ,—сказала она.—Онъ не захотѣлъ тревожить тебя.

Эти слова означали тайну всего домашняго строя: дать пройти, обойтись, заключить компромиссъ, умолчать и пройти мимо. Густавъ подумалъ, что снова все забыто; онъ искренно былъ радъ опять быть среди своихъ, чувствовалъ себя сильнымъ, окруженный своими тѣлохранителями.

Онъ оставилъ всякое помышленіе о нападеніи и объ оборонѣ. Миръ былъ заключенъ; что произошло, то уже не повторится, и онъ отправился въ лѣсъ съ двумя младшими дѣтьми, въ обществѣ которыхъ онъ всегда чувствовалъ, что молодѣетъ. Они дошли до такого мѣста роши, гдѣ бѣгали въ снѣгу бѣлки, разминая лапки послѣ долгаго сна. Замѣтивъ гуляющихъ, быстрые звѣрки поторопились взобраться на дубъ, гдѣ скрылись въ дуплѣ. Мальчикъ, любимецъ отца, захотѣлъ во что бы то ни стало, чтобы тотъ влѣзъ на дерево и досталъ хотя бы одну бѣлку. Увѣщанія ни къ чему не повели, а когда мальчикъ умолялъ его съ глазами, полными слезъ, то устоять отцу бывало трудно. Онъ сбросилъ пальто и пошелъ на абордажъ дуба; результатъ этой попытки, конечно, былъ тотъ, что онъ съ ободранными, но пустыми руками спустился внизъ.

Это напомнило отцу сценку, имѣвшую мѣсто нынѣшнимъ лѣтомъ, когда онъ однажды особенно рано спустил-

ся къ морю, чтобы въ одиночествѣ выкупаться. Выкупавшись и наплававшись всласть, онъ одѣвался, съ удовольствіемъ вспоминая объ ожидавшемъ его кофе, когда вдругъ прибѣжалъ сынишка, тоже вставшій рано, чтобы увидѣть, какъ плаваетъ отецъ. Разочарованіе мальчика, когда онъ увидѣлъ, что опоздалъ, было велико, и онъ расплакался. Желая скорѣй осушить его слезы, отецъ вторично быстро раздѣлся, бросился снова въ воду и поплылъ, что, конечно, не было ему очень по вкусу, но онъ почувствовалъ себя вознагражденнымъ за свою жертву, видя безграничную радость ребенка.

Потерпѣвъ пораженіе съ поимкой бѣлки, они вмѣстѣ побывали на всѣхъ мѣстахъ въ лѣсу, гдѣ всего больше дѣти любили играть, въ гротахъ, у лисьихъ норъ, отыскивали обратившія раньше ихъ вниманіе причудливыя формы скалъ, любимыя деревья. И отецъ на все это любовался съ чувствомъ, будто все было для него потеряно и вновь имъ обрѣтено. Дѣти разыскивали заячьи слѣды, и онъ училъ ихъ различать эти слѣды отъ лисьихъ. Они присматривались къ слѣдамъ птичьихъ лапокъ и къ длиннымъ полоскамъ кротовъ. На верхушкахъ березъ они усматривали тетеревовъ, на еляхъ снигирей...

Вдругъ эта невинная радость омрачилась чувствомъ, напоминавшимъ настроеніе, которое обыкновенно бываетъ при расставаніи. Онъ повернулъ назадъ, тревожный, удрученный, полный ожиданія чего-то зловѣщаго.

Онъ прямо прошелъ въ свою комнату и сидѣлъ тамъ, прислушиваясь ко всему, что дѣлалось дома. Но кругомъ было тихо, и эта тишина мучила его.

Къ вечеру его безпокойство приняло такіе размѣры, что ему необходимо было съ кѣмъ-нибудь поговорить, а то, казалось ему, онъ не выдержитъ. Съ близкими гово-

рить онъ не могъ, боясь, что порвется хрупкая цѣпь, связывающая его семейныя отношенія.

Онъ зналъ отлично, гдѣ могъ бы найти облегченіе, но не рѣшался итти къ пріятельницѣ. Вдругъ кто-то постучался въ его дверь, и, когда онъ ее отворилъ, то увидѣлъ на порогѣ бонну дѣтей; она быстро шмыгнула въ комнату и заперла дверь.

— Я должна съ вами переговорить, Густавъ! — сразу начала она. — Тутъ въ домѣ происходитъ многое, что мнѣ непонятно...

— Садитесь, дорогой другъ, и рассказывайте, что вы знаете.

— Да я точно ничего не знаю; но наверху въ мезонинѣ кто-то живетъ, кто не показывается. Туда носятъ ѣду, и фру Боргъ ходитъ туда...

— Что вы говорите?

— Внизу во флигелѣ тоже гости. Дѣвушки не отвѣчаютъ на мои вопросы и вообще обращаются со мной какъ съ какимъ-то врагомъ...

— Что тамъ собираются предпринять? Какъ вы думаете?

Молодая дѣвушка расплакалась, а Густаву Боргу стало вдругъ все ясно. Онъ направился къ письменному столу, чтобы поговорить по телефону. Онъ самъ не зналъ, почему онъ это дѣлаетъ, но ему надо было что-нибудь предпринять.

Въ эту минуту кто-то два раза постучалъ въ дверь, и въ коридорѣ раздались шаги.

Въ то же мгновеніе Густавъ Боргъ отворилъ окно, думая смѣрить глазомъ разстояніе до земли. Но въ снѣгу подъ окномъ онъ увидѣлъ двухъ незнакомыхъ мужчинъ.

Стукъ въ дверь возобновился, и послышался голосъ:

— Прошу васъ, отворите. Я лэнсманъ!

Оба заключенных остолбенѣли на мѣстахъ. Вдругъ раздался звонокъ телефона. Инстинктивно Густавъ бросился къ аппарату и крикнулъ:

— Алло!

Тутъ они услышали, какъ какой-то инструментъ вставили въ замочную скважину двери; снаружи былъ повернуть торчащій внутри ключъ и брошенъ въ комнату, и дверь отворилась.

На порогѣ показались лэнсманъ, фру Брита, докторъ Генрихъ Боргъ, а за ними всѣ слуги.

Онъ какъ будто ждалъ этого исхода; пойманный на мѣстѣ, Густавъ сразу направился къ лѣстницѣ и быстро спустился внизъ. Въ передней онъ накинулъ на плечи пальто, почти бѣгомъ направился къ конюшнѣ и велѣлъ заложить себѣ сани.

— Въ Лонгвикъ! — командовалъ онъ и поѣхалъ искать пріюта у сына, который всегда былъ ему покорнымъ и которому онъ въ свое время принесъ много жертвъ.

X.

Когда Густавъ Боргъ, прибывъ въ Лонгвикъ, не засталъ сына дома, ему это было неприятно, потому что онъ не долбилывалъ невѣстки и понялъ по ея смущенію, что его пріѣздъ нежелателенъ, потому что онъ могъ предъявить нѣкоторыя требованія, а также и потому, что онъ свекоръ. Поэтому они обмѣнялись только нѣсколькими словами, и онъ удалился въ комнату для гостей.

Почему пріѣхалъ онъ сюда? Да, рассчитывать на сочувствіе сына онъ не могъ никакъ, такъ какъ тотъ, конечно, стоялъ на сторонѣ матери; къ тому же вслѣдствіе неосто-

рожнаго поведенія дома у него руки и языкъ былъ связаны. Но ему надо было оставаться гдѣ-нибудь въ округѣ, пока будетъ разбираться дѣло о разводѣ, а тутъ семейный домъ, въ которомъ онъ имѣетъ право временно занять мѣсто.

Вернувшись домой, когда улеглось первое недовольство, Андерсъ пошелъ къ отцу. Какъ человѣкъ простой и будучи въ ту минуту разстроены, онъ не сумѣлъ выразить удовольствія отъ свиданія съ отцомъ, тѣмъ болѣе, что ему было уже извѣстно о предстоящемъ разводѣ.

— Здравствуй, милый!—промолвилъ отецъ, сразу замѣтивъ настроеніе сына по его лицу.—Тебѣ нечего меня опасаться, потому что я не собираюсь ни оставаться у тебя надолго, ни требовать съ тебя аренды.

Андерсъ молча теребилъ усы и невольно сверкнулъ глазами, такъ какъ одно напоминаніе о долгѣ было ему неприятно. Это молчаніе сына дѣйствовало на нервы отцу.

— Ты, быть можетъ, знаешь, какія перемѣны предстоятъ въ моемъ домѣ... гм!.. Но это все скоро разрѣшится.

Андерсъ думалъ совсѣмъ о другомъ. Онъ рассчитывалъ пріятно провести вечеръ съ женой, которой теперь, когда онъ получилъ деньги, онъ спокойно разскажалъ бы всѣ приключенія, встрѣтившіяся ему въ пути, а тутъ, вмѣсто этого, сиди да дрожи въ ожиданіи неприятныхъ разспросовъ, которые могутъ быть вызваны пустыми магазинами или еще чѣмъ другимъ. Отецъ чувствовалъ, что сынъ его гдѣ-то отсутствуетъ, но вполнѣ уяснить себѣ положеніе онъ еще не могъ. Онъ понялъ, что пріѣхалъ не во-время, но надо было прекратить это смущеніе; когда же онъ увидѣлъ, что не получаетъ отъ сына отвѣта, онъ началъ искать другой темы для разговора. Какъ бы читая сокровенныя мысли сына, онъ очень неудачно выбралъ предметъ для

разговора; казалось, что боязнь сына, чтобы не была затронута щекотливая струнка, внушила отцу эту тему. Въ пустыхъ, отсутствующихъ глазахъ сына увидѣлъ отецъ пустые магазины и невольно онъ перешелъ къ разговору объ этомъ.

— Ну, другъ мой, ты привелъ въ порядокъ книги? Доволенъ ли ты истекшимъ годомъ? Полны ли амбары и магазины?

Андерсъ увидѣлъ себя прижатымъ къ стѣнѣ и вскипѣлъ негодованіемъ, но вслѣдствіе этого еще менѣе могъ овладѣть собой и отвѣтить; онъ хотѣлъ встать, чтобы этимъ прервать невидимую нить, искалъ предлога выйти, желалъ бы услышать, что тамъ въ домѣ жена упала въ обморокъ или что дѣвушки подрались; но холодный потъ выступилъ у него на лбу, и онъ остался сидѣть, прикованный къ стулу.

— Что ты, глухъ или пьянъ? — воскликнулъ отецъ, которому все не удавалось ни единого слова вытянуть у сына.

Андерсъ очнулся, готовъ былъ выпустить цѣлый потокъ словъ, но снова замеръ передъ непоборимой силой отцовской власти. Онъ казался пристыженнымъ, и отецъ рѣшилъ прекратить эту сцену.

— Вы въ которомъ часу ужинаете? — спросилъ отецъ. — Я не обѣдалъ и радъ былъ бы съѣсть чего-нибудь горячаго.

— Мы никогда не ужинаемъ! — отвѣтилъ Андерсъ. — Мы уже годъ, какъ отвыкли ужинать.

— Такъ вели подать мнѣ хлѣба съ масломъ, — продолжалъ отецъ. — Я довольствуюсь малымъ.

— Да, но я не знаю, есть ли у насъ дома хоть что-нибудь!

— Такъ пошли въ лавку,—сказаль отецъ, который начиналь подозрѣвать что-то неладное.

— У насъ въ конюшнѣ нѣтъ лошади.

— Гдѣ же она?

— Ее нѣтъ; она въ городѣ.

Отецъ прочель въ бѣгающихъ глазахъ сына, что тотъ лжетъ, и поняль все; но изъ своего личнаго горя погрузиться въ печальное положеніе другихъ ему вовсе не хотѣлось.

— Въ такомъ случаѣ, давай съ тобой пить грогъ и проболтаемъ вечерокъ.

— Если найдется что-нибудь дома,—послышался беззвучный голосъ, приглашающій, казалось, прекратить этотъ разговоръ.

Отецъ вышелъ изъ комнаты, скорѣе удивленный сдѣланнымъ открытіемъ, чѣмъ опечаленный. Онъ отнюдь не былъ чувствительной натурой, давно уже весьма сузилъ свои требованія къ людямъ и очень не любилъ расчетовъ и объясненій. Придя въ комнату для гостей, которую забыли истопить, онъ такъ озябъ, что не раздѣваясь легъ на кровать. Воды въ графинѣ не было; въ подсвѣчникѣ былъ огарокъ, котораго хватило бы не болѣе какъ на часъ горѣнія; на окнѣ не было занавѣсокъ; сѣрые обои наводили скуку и тоску; жалкая обстановка говорила о нищетѣ и разореніи. Но онъ такъ утомился всѣмъ пережитымъ за этотъ день, что заснулъ, какъ убитый.

Проснувшись, онъ рѣшилъ, что настало утро, но часы въ столовой въ эту минуту пробили одиннадцать. Одиннадцать! Онъ легъ въ десять, а теперь передъ нимъ стояла долгая бессонная ночь, такъ какъ спать ему не хотѣлось совсѣмъ. И вдругъ его положеніе съ поразительной ясностью развернулось передъ нимъ. Въ его положе-

ни, въ его годы—быть выгнаннымъ изъ своего дома, отрѣшеннымъ отъ своей дѣятельности, лишеннымъ обѣда, быть для своихъ близкихъ тяжелой обузой отъ которой всякій хотѣлъ бы отдѣлаться... Унизительная для него сцена дома, когда онъ былъ опороченъ на глазахъ дѣтей, непріятности, еще ожидающія его, процессъ, скандалъ...

Лежа, глядѣлъ онъ на огарокъ, сознавая, что, когда онъ догоритъ, настанетъ полная тьма. Принадлежа къ людямъ того рода, которые не любятъ утруждать другихъ, ему и въ голову не приходило разбудить кого-нибудь изъ слугъ и потребовать свѣта, огня и воды. Парализованный ударами судьбы, онъ не могъ двинуться и лежалъ какъ прикованный и такъ продрогъ, будто вся кровь въ его жилахъ застыла. Онъ глазъ не спускалъ съ огарка, и казалось, что вся жизнь его зависитъ отъ него: когда онъ догоритъ, то и она погаснетъ. Отъ голода ему хотѣлось пить, отъ голода онъ озябъ, но къ этому прибавлялись еще забота, тоска, стыдъ и недовольство, и все сливалось въ немъ въ унылый аккордъ. Всѣ невзгоды жизни сразу обрушились на него, и не было у него возможности найти утѣшеніе въ жалобахъ на судьбу, потому что онъ былъ слишкомъ разочарованъ и раньше, чтобы жаловаться теперь на неблагодарность дѣтей и на коварство жены. Онъ прикасался къ жизни обнаженными руками и не былъ приученъ къ нѣжностямъ, но послѣднее превосходило его силы. Когда свѣчка догорѣла, онъ вскочилъ, чтобы какъ-нибудь спастись отъ темноты. Онъ тихо вышелъ, прошелъ со спичками въ рукахъ въ столовую, и когда онъ чиркнулъ спичкой, то увидѣлъ, что часы показывали лишь пять минутъ двѣнадцатаго. Онъ опустилъ висячую лампу и зажегъ ее; подошелъ къ буфету и увидѣлъ на немъ немного застоившейся воды на днѣ пожелтѣвшаго гра-

фина. На буфетѣ лежали перчатки сына изъ сѣрой замши. Одна перчатка лежала съ пригнутыми пальцами, какъ сильный угрожающій кулакъ; другая лежала ладонью кверху, какъ вытянутая рука, просящая милостыню.

Онъ, откѣривъ двери у буфета. Когда онъ нагнулся, то большая тѣнь какъ бы вползла въ буфетъ. Кусокъ черстваго хлѣба—вотъ единственное, что онъ нашелъ. Онъ досталъ горчицы, намазалъ ее на хлѣбъ, посолилъ его, но, когда приблизилъ ко рту, то почувствовалъ запахъ керосина, потому что передъ этимъ трогалъ лампу. Онъ положилъ хлѣбъ на покрытую бумагой полку буфета. Но тутъ пришло ему въ голову, что, когда утромъ будетъ обнаруженъ хлѣбъ съ горчицей, то дѣти могутъ быть невольно наказаны, такъ какъ подумаютъ, что это ихъ шалость. Онъ въ одну руку взялъ хлѣбъ, въ другую лампу, постоялъ на одномъ мѣстѣ, недоумѣвая, куда ему дѣть доказательство одинокаго ночнаго странствованія. «Если я брошу хлѣбъ въ печь, то его утромъ найдетъ прислуга; она отнесетъ его къ хозяйкѣ и, конечно, обвинить дѣтей или того изъ нихъ, котораго она меньше другихъ любить, и тогда его побьютъ сначала за шалость, а потомъ за ложь. Это я самъ не разъ испыталъ». Однакоже куда-нибудь дѣвать его надо было; онъ рѣшилъ завернуть его въ бумагу, положить въ карманъ и подождать до слѣдующаго дня. Онъ направился къ полкѣ съ газетами, чтобы взять клочокъ бумаги, и громадная его тѣнь поднялась съ пола, скользнула по стѣнѣ и взяла себѣ на плечи круглые стѣнные часы, которые такъ на плечахъ и остались, какъ голова, при чемъ глазами служили два круглыхъ отверстія для заводнаго ключа, а ртомъ—изображеніе на циферблатѣ имени часовщика. Дойдя до полки съ газетами, онъ опять

началь колебаться, подумавъ, что, если будетъ недоставать одного номера газеты, то служанки могутъ совершенно напрасно подвергнуться выговору. Положеніе было не изъ легкихъ. «Возьму я листокъ объявленій»,—подумалъ онъ, но опять сталъ сомнѣваться, потому что въ деревнѣ объявленія нужны, ихъ читаютъ. «Не везетъ мнѣ... и не везетъ почему-то уже нѣкоторое время». Однако онъ все же взялъ одинъ листъ, но, когда раскрылъ его, то онъ такъ сильно зашелестѣлъ, что онъ невольно вздрогнулъ. На первой страницѣ бросилась ему въ глаза крупная надпись: «Свѣжія устрицы». Устрицы! Именно теперь, въ Метрополъ, въ половинѣ двѣнадцатаго, до закрытія ресторана, вотъ хорошо было бы! Онъ подошелъ къ окну, думалъ бросить кусокъ хлѣба за форточку, но ни одно животное не стало бы ѣсть хлѣбъ съ горчицей, и вышла бы та же исторія...

Онъ остановился у окна. Устремивъ глаза въ темноту, онъ замѣтилъ свѣтъ въ правомъ выступающемъ крылѣ дома. Спрятавъ лампу за роялю, онъ влѣзъ на стулъ и вотъ что онъ увидѣлъ: въ просторной, хорошо обставленной комнатѣ сидѣли у камина оба супруга; у мужа была въ рукахъ сигара, передъ нимъ стоялъ стаканъ грога, и оба, видимо, весело болтали. Позади нихъ стоялъ накрытый столикъ съ остатками ужина; красная спинка омара бросилась ему въ глаза, и онъ почувствовалъ боль...

Густавъ Боргъ никогда не сочувствовалъ королю Лиру, напротивъ, онъ былъ того мнѣнія, что тотъ получилъ то, что вполне заслужилъ, когда нагрязнулъ къ новобрачнымъ съ гарнизономъ въ сто человѣкъ. Также онъ находилъ, что отецъ Горіотъ не могъ жаловаться на то, что дѣти плохо отблагодарили его за ласку, потому что не всѣ вѣдь дѣти къ ласкѣ воспріимчивы. Однако, сердце

его сжалось, и онъ спустился со стула и съ лампой пошелъ въ сосѣднюю комнату, т.-е. въ контору. Тутъ на столѣ стоялъ бритвенный приборъ; какъ бы зная, чего онъ ищетъ, онъ отворилъ ящичекъ, вынулъ бритву и точильный ремень и началъ точить бритву.

— Всего лучше—кончить все сразу!

Но вдругъ другая мысль пришла ему въ голову: прежде всего надо развязаться съ хлѣбомъ! Непремѣнно! Онъ бросилъ его въ печку, и сразу почувствовалъ себя освобожденнымъ отъ чего-то.

Затѣмъ онъ взялъ изъ-подъ письменнаго стола мѣховой коверъ и укутался въ него, растянувшись на кожаномъ диванѣ.

«Тутъ, какъ бы то ни было, тепло и хорошо,— подумалъ онъ, засыпая.— Они, вѣроятно, послали за ужиномъ и коньякомъ, когда я уже легъ. Они, очень возможно, пришли звать меня, но увидѣли меня спящимъ. Вѣдь легко напрасно осудить людей!»

* * *

Когда Густавъ Боргъ проснулся на слѣдующее утро, то тѣло его снова обрѣло силы для борьбы, потому что только разслабленный способенъ предаваться равнодушію и отупѣнію. Онъ вскочилъ съ дивана и сразу обдумалъ положеніе. Тутъ оставаться онъ не можетъ—это первое; поселиться въ городѣ ему не хотѣлось; изъ дому онъ прогнанъ, но вслѣдствіе процесса ему въ этой мѣстности оставаться необходимо. Онъ вспомнилъ о знакомомъ крестьянинѣ, обыкновенно сдававшемъ одну комнату дачникамъ. Туда и рѣшилъ онъ теперь же ѣхать, а такъ какъ

ему пріятнѣе всего казалось уѣхать не простившись, то онъ отправился на конюшню распорядиться, чтобы ему дали лошадь и сани. Конюхъ, который не получилъ слѣдующаго жалованья и котораго наканунѣ вечеромъ выругалъ хозяинъ, оказался въ данную минуту особенно словоохотливымъ. Когда редакторъ поразился, увидѣвъ пустое стойло, конюхъ разсказалъ, что лошадь и сани проданы въ городѣ; онъ также сообщилъ, что магазины пусты, усадьба въ полномъ упадкѣ, земля истощена.

Это было для Густава Борга новымъ ударомъ, такъ какъ онъ поручился за выплату аренды. Онъ чуть было не вернулся опять домой, какъ вдругъ къ нему подошелъ небольшого роста человекъ и спросилъ, не онъ ли редакторъ Боргъ. На его утвердительный отвѣтъ ему были переданы двѣ штемпелеванные бумаги, которыя онъ, просмотрѣвъ, сунулъ въ карманъ. вмѣсто того, чтобы омрачиться, онъ теперь воспрялъ духомъ, потому что теперь у него было противъ чего реагировать и за что ухватиться.

— Думаете ли вы,—обратился онъ къ полицейскому разсылному,—что я найду сани у сосѣда? Мнѣ въ одиннадцать часовъ надо быть у пастора.

— У сосѣда свободныя сани всегда найдутся,—отвѣтилъ, уходя, полицейскій.

Густавъ Боргъ взглянулъ на часы и увидѣлъ, что если найдетъ лошадь и сани, то поспѣетъ на засѣданіе церковнаго совѣта, куда его приглашали для «увѣщанія». Онъ застегнулъ пальто и пошелъ, чувствуя себя похожимъ на солдата, отправляющагося въ бой.

Еще лежалъ глубокій снѣгъ, дорога не была почищена, и скоро шаги его стали замедляться. Онъ продолжалъ тѣмъ временемъ обдумывать свое положеніе.

Итакъ, изъ двухъ варварскихъ способовъ разрѣшенія многолѣтней совмѣстной жизни былъ избранъ самый позорный, тотъ, который приводитъ обоихъ супруговъ въ засѣданіе церковнаго суда. Тамъ должны они были встрѣтиться, другъ друга разоблачать, одинъ на другого жаловаться и выслушать увѣщаніе. Цѣлая долголѣтняя семейная жизнь должна быть развернутой, несмотря на то, что «мое» и «твое» пустили такіе глубокіе корни и такъ перепутали ихъ, что одно не могло быть выдернуто безъ того, чтобы другое не порвалось; въ жизни этой немислимо было бы правильно взвѣсить вину и невиновность, въ ней причина и слѣдствія перепутались; и все старое, прощенное и позабытое должно быть выкопано и освѣщено новымъ свѣтомъ; то, что извиняла любовь, должна теперь осудить ненависть.

Былъ избранъ этотъ способъ, чтобы не допустить позорнаго бѣгства, при которомъ стыдъ падалъ на остающуюся сторону, какъ на покинутую, тогда какъ стыдиться долженъ былъ бы тотъ, кто покидаетъ домашній очагъ.

Притомъ увѣщаніе церковнаго совѣта было лишь формальностью, предшествующей судоговоренію. Онъ былъ призванъ въ первый лэнстингъ, и его обвиняли по такому-то параграфу такой-то статьи закона, угрожающей ему осужденіемъ за прелюбодѣяніе и лишеніемъ общаго съ женой состоянія.

Когда онъ, пройдя нѣкоторое разстояніе, увидѣлъ домъ сосѣда, онъ почти рѣшился на судъ не являться, отчасти чтобы избѣжать непріятной встрѣчи съ женой, отчасти потому, что сознавалъ безцѣльность своихъ показаній.

Придя къ крестьянину, онъ узналъ, что на дворѣ ни одной лошади не было. Это было для него большимъ успокоеніемъ, и онъ сѣлъ отдохнуть. Но оказалось, что крестья-

нинь этотъ состоялъ выборнымъ судьей и интересовался всѣми дѣлами церковнаго совѣта.

— Вамъ надо въ церковный совѣтъ? — спросилъ онъ.

— Да, разь вамъ это извѣстно, — отвѣтилъ редакторъ.

— Вамъ бы не слѣдовало пропускать его, — продолжалъ крестьянинъ, — потому что судъ опирается на протоколь церковнаго совѣта, и, если вы можете заявить что-нибудь въ свое оправданіе, то надо это сдѣлать теперъ же.

Это простое сообщеніе возбудило энергію въ нерѣшительномъ Густавѣ; онъ вскочилъ со скамьи и взглянулъ на часы.

— Дойду ли я пѣшкомъ? — спросилъ онъ.

— Да, но въ такомъ случаѣ вы должны итти скорѣй.

— Не прошелъ еще ледъ въ церковной бухтѣ?

— Нѣтъ, вчера еще ледъ стоялъ крѣпко.

— Такъ прощайте же, судья. Да! я было забылъ: сдаете ли вы мнѣ на зиму комнату, которую лѣтомъ сдаете дачникамъ?

— Да, почему же нѣтъ?

— Я вернусь, тогда потолкуемъ.

Опять пошелъ онъ дальше. Теперъ онъ зналъ, что долженъ итти, чтобы защитить себя. Объясненіе мотива могло вызвать смягчающія вину обстоятельства.

Не прошелъ онъ и полчасу, какъ выглянуло солнце и стало припекать. Онъ разстегнулъ пальто и снялъ съ головы шапку. Снѣгъ сдѣлался мягкимъ и прилипалъ къ подошвѣ сапогъ. Стаивилось все труднѣй итти; онъ задыхался; ему было жарко, но онъ шелъ рѣшительно впередъ.

Отглянувшись еще черезъ полчасу, онъ увидилъ за собой глубокой слѣдъ собственныхъ ногъ.

Еще полчасу, и онъ достигъ проселочной дороги и

пошелъ легче, какъ будто съ ногъ его спали гири; поднявшись на небольшую возвышенность, онъ вдали увидѣлъ церковь. Но между нею и имъ лежала еще бухта, и онъ ее съ того мѣста, гдѣ стоялъ, видѣть не могъ. Оттуда дорога пошла книзу, и онъ чуть не бѣгомъ спустился къ рыбаку. У хижины рыбака онъ остановился и взглянулъ на бухту: она лежала—голубая, насмѣшливо улыбаясь, между нимъ и намѣченнымъ мѣстомъ, гдѣ должна была произойти битва. Онъ взглянулъ на часы: до одиннадцати оставалось десять минутъ. Онъ вбѣжалъ къ рыбаку и попросилъ лодку.

— Лодка погружена въ воду; мы еще будемъ ее конопатить.

— Такъ пойдѣте къ ней и вычерпайте воду.

— Да зачѣмъ вамъ?

— Помогите мнѣ, я въ одиннадцать часовъ долженъ быть въ церкви.

Рыбакъ отказался.

Тогда Густавъ спустился къ берегу и увидаль лодку въ водѣ. Это была старая плоскодонная лодка безъ весель и черпака. Онъ оглядѣлся кругомъ, думая найти весла, но напрасно; онъ искалъ, нѣтъ ли гдѣ ковшы, но и его не нашель. У забора валялась лишь старая лопата. Онъ схватилъ ее, вернулся къ лодкѣ, скинулъ пальто и куртку и, стоя въ одномъ жилетѣ, лопатой сталъ вычерпывать воду. Затѣмъ отпихнулъ лодку, бросился въ нее и, какъ опытный лодочникъ, отгребаясь той же лопатой, поплылъ черезъ бухту; тѣмъ временемъ лодка быстро наполнялась водой. Когда онъ достигъ противоположнаго берега, лодка снова погрузилась въ воду. Онъ оставилъ ее на произволь судьбы, бросилъ въ нее лопату и пустился бѣжать къ церковному дому.

У него не было времени представить себѣ заранѣе ожидающую его картину. Онъ сознавалъ лишь одно, что послѣ послѣдней ихъ встрѣчи пасторъ долженъ быть дурно къ нему настроенъ и что церковный совѣтъ, состоящій изъ пѣтистовъ, строго осудить его.

Войдя въ залъ, онъ увидалъ шурина, спокойно, съ достоинствомъ, почти дружелюбно держащаго рѣчь. На диванѣ спокойно сидѣла въ ожиданіи фру Боргъ.

Послѣ того какъ редакторъ поклонился собранію, его пригласили сѣсть; затѣмъ ударомъ молоточка пасторъ открылъ засѣданіе и спросилъ собраніе, не считаетъ ли оно нужнымъ его, какъ шурина супруга и брата супруги, отстранить.

Этого никто не потребовалъ, и предсѣдательствующій приступилъ къ дѣлу.

— По обязанности моей службы,—началъ онъ,—и на основаніи инструкціи церковнаго совѣта, спрашиваю я здѣсь у сестры своей, желаетъ ли она оставаться въ супружескихъ отношеніяхъ съ Густавомъ Боргомъ.

— Нѣтъ, — коротко и рѣшительно отвѣтила Брита.

— Теперь спрашиваю у Густава, намѣренъ ли онъ продолжать супружескія отношенія?

— Нѣтъ! — отвѣтилъ тотъ также рѣшительно.

— Спрашиваю теперь у сестры моей, какой предлогъ она выставляетъ для расторженія брака.

— Прелюбодѣяніе мужа, — отвѣтила Брита.

Это было уже извѣстно всѣмъ, однако произнесенное слово подѣйствовало на присутствующихъ какъ выстрѣлъ. Старцы, сидѣвшіе за столомъ, покачали головами. Предсѣдательствующій съ участіемъ обернулся къ недавнему противнику въ спорахъ.

Берешь ли ты, Густавъ Боргъ, цѣликомъ всю вину на себя? — обратился онъ къ нему.

— Въ совершеніи проступка починъ не мной совершенъ, такъ какъ не я прервалъ супружескую связь, а былъ отъ нея освобожденъ человѣкомъ, который одинъ имѣлъ на это право, а именно моей женой.

Снова впечатлѣніе ужаса пробѣжало по лицамъ возсѣдавшихъ вокругъ стола.

— Вѣрно ли это, сестра моя? — раздался снова голосъ предсѣдательствующаго.

— Это ложь! — отвѣчала Брита.

— Такъ! — возразилъ Густавъ. — Съ человѣкомъ, не говорящимъ правду, я дѣла имѣть не хочу и потому прошу, чтобы мнѣ было сдѣлано формальное увѣщеваніе, что, по требованію закона, должно предшествовать судебному рѣшенію дѣла.

— Господа! — началъ пасторъ, — обыкновенно причина супружескаго несогласія скрывается за такой отдаленностью времени (тутъ онъ невольно покосился на дверь, ведущую во внутреннее его помѣщеніе), что ее бываетъ трудно раскопать. Поэтому я придерживаюсь того мнѣнія, что невозможно опредѣлить, кто началъ или на комъ лежитъ вина въ томъ, что позднѣй разыгралось, и я предлагаю перейти къ формулировкѣ увѣщеванія. Не желаетъ ли кто-нибудь изъ членовъ совѣта сдѣлать возраженіе?

Землевладѣлецъ Лундстрёмъ попросилъ слова.

— Противъ формулировки увѣщеванія я ничего возразить не имѣю, но желалъ бы только возразить противъ высказаннаго господиномъ редакторомъ мнѣнія о томъ, что бракъ является лишь частнымъ договоромъ. Государство, такъ же какъ и церковь, являются властями, гарантирующими неприкосновенность брака; изъ этого слѣдуетъ то,

что расторженіе брака обсуждается гражданскимъ судомъ, а разводъ утверждается духовнымъ судомъ или консисторіей. Слѣдовательно, жена никоимъ образомъ сама не можетъ освободить мужа отъ данной ею клятвы супружеской вѣрности, и это не можетъ служить извиненіемъ проступку.

— Супружество, — возразилъ редакторъ, — зиждется на частномъ соглашеніи, высказанномъ при помолвкѣ. И законъ признаетъ частное обѣщаніе вѣрности уже и послѣ вступленія супруговъ въ бракъ. Вотъ примѣръ: супруга совершила прелюбодѣянiе и, оставаясь въ супружествѣ, родила ребенка отъ другого мужчины. Тутъ налицо прелюбодѣянiе; но если мужъ простилъ, законъ молчитъ и этимъ самымъ онъ признаетъ частный договоръ. Законъ замуриваетъ глаза, и у проступка, такъ сказать, нѣтъ объективнаго основанія. Если же тѣмъ временемъ мужъ, прощая жену, поступилъ недостаточно обдуманно, раскаивается въ этомъ позднѣй, послѣ появленія на свѣтъ незаконнорожденнаго ребенка, и на основаніи прелюбодѣянiя жены требуетъ развода, онъ добиться этого не можетъ, потому что въ то время простилъ. И что хуже всего—чужой ребенокъ значится въ метричѣ супруга, носить его имя, считается по закону его наслѣдникомъ только потому, что онъ простилъ. Итакъ, мы видимъ, что на частномъ соглашеніи основанъ людской законъ, такъ же какъ и законъ природы. Поэтому я настаиваю на своемъ требованіи, чтобы жалоба жены моей была признана незаслуживающей уваженія, такъ какъ она цѣлыхъ четыре года признавала положеніе вещей. Я желалъ бы еще добавить, что разница является громадной между прелюбодѣянiемъ мужа и жены, разница, установленная самой природой: вѣроломство мужа никогда не можетъ имѣть

послѣдствіемъ того, что незаконныя дѣти войдутъ въ семью. Поэтому законъ не полонъ, такъ какъ онъ въ этомъ вопросѣ не дѣлаетъ различія между мужемъ и женой, и это несправедливо по отношенію къ первому. Да, я знаю судью, который присудилъ мужа признать незаконнаго ребенка, несмотря на то, что мужъ совершенно своевременно началъ хлопотать о разводѣ. Этотъ ребенокъ, настоящій отецъ котораго всѣмъ извѣстенъ, записанъ въ метрику мужа, носить его имя, имъ содержится и будетъ ему наследовать. Вѣдь это чудовищно, но судья утверждаетъ, что мужъ не имѣетъ права отвергнуть дитя, рожденное женой его въ бракѣ.

Перо на шляпкѣ фру Бриты задрожало подъ вліяніемъ гнѣва своей обладательницы, такъ какъ для нея женскій вопросъ былъ всегда на первомъ планѣ. То, что она «находила», было истиной; законы теряли свою силу, когда она что-нибудь «рѣшала», и она никогда не признавала своей ошибки, потому что она не допускала никакихъ доказательствъ и основаній. Поэтому теперь она стала распространяться о равенствѣ мужчины и женщины, о томъ, что природа создала ихъ равными (природа, конечно, и не думала этого дѣлать), хотя мужчина смотритъ на женщину, какъ на рабыню, и вообще извергла весь тотъ хламъ, который за послѣднее время пережевывали и декаденты-мужчины.

Наконецъ предсѣдательствующій ударилъ по столу и объявилъ, что судъ есть арена для разбора бракоразводныхъ дѣлъ, а что для бабьихъ ссоръ и споровъ имѣется женскій клубъ. Затѣмъ онъ произнесъ супругамъ обычную форму увѣщеванія и объявилъ засѣданіе закрытымъ.

Это было въ концѣ прошлаго столѣтія обычнымъ результатомъ переговоровъ между мужемъ и женой: засѣданіе объявлялось закрытымъ.

Женскій вопросъ, самый важный и трудный вопросъ того времени, былъ, несомнѣнно, послѣдній абсурдный выводъ демократіи. Всѣ люди равны (хотя они такъ различны) — вотъ ложный тезисъ. Демократамъ необходимо было крѣпко стоять на этомъ или отречься отъ своихъ основныхъ идей. Съ ними пошли заодно и аристократы, частью, чтобы получить побольше голосовъ и обмануть потомъ демократовъ, частью потому, что, слѣдуя своимъ устарѣлымъ міровоззрѣніямъ, они въ женщинѣ видѣли высшее существо.

Тутъ было столько кажущагося и столько дѣйствительнаго. Женщина, которую мужчина любитъ, кажется превосходящей его, пока онъ ее любитъ, но она превосходитъ только его одного, и то это только ему кажется, потому что зависитъ всецѣло отъ любви мужчины. И вдругъ это обратилось въ систему. Никогда еще не видно было столько мужчинъ, пресмыкающихся и питающихся землею подъ ногами женщинъ, какъ въ то время. Мужчины, отъ которыхъ можно было бы ожидать лучшаго, находили истинное удовлетвореніе въ томъ, что возлежали на коврахъ гостинныхъ у немыхъ ногъ безобразныхъ женщинъ. Вмѣсто того, чтобы, какъ прежде, мужчина предлагалъ на улицѣ руку женщинѣ, что было хорошо, потому что было естественно, — теперь декаденты - мужчины висли на рукѣ у женщинъ. Женщины одѣвались по-мужски, а мужчины въ туалетѣ подражали женщинамъ: браслетъ перешелъ къ мужчинамъ. Это развратъ, и нерѣдко можно было усмотрѣть непріятное смѣшиваніе половъ. Въ то время, какъ развратные мужчины выказывали себя рѣшительными поклонниками женщинъ, для того ли, чтобы замаскировать свои пороки, или потому, что въ нихъ самихъ дѣйствительно развилось что-то женственное, развратныя женщины, напротивъ, становились рѣшитель-

ными ненавистницами мужчинъ, чего онѣ нисколько не скрывали, ставя себѣ цѣлью жизни расторженіе супружествъ — конечно для того, чтобы дать свободу женѣ.

Положеніе могло бы быть формулировано такимъ образомъ: женщина должна освободиться отъ рожденія дѣтей и отъ воспитанія ихъ. Можетъ ли здравомыслящій человѣкъ допустить такую ненормальность? Кто же долженъ рожать дѣтей, если не женщина? Вѣдь это бессмыслица! Вѣдь даже въ обществѣ будущаго, за которое ратовали женщины, должны же рождаться дѣти, такъ что полная эмансипація никогда произойти не можетъ. Почему же общество, повинуваясь кучкѣ истеричекъ, вертится вокругъ этого женскаго вопроса? Потому, что бракъ сталъ для неимѣющихъ заработка мужчинъ невозможенъ, и въ результатѣ число браковъ сократилось, а проституція возросла! И вотъ для чего трудились охранители государства и сторонники нравственности! Это чистое безуміе!

Пасторъ Алротъ изъ Сторѣ слѣдилъ за этимъ движеніемъ; сестра его, Брита, пыталась — было возмутить его собственную жену, пробовала заманивать ее изъ дома на разныя засѣданія. Поэтому его братскія чувства отнюдь не дѣлали его слѣпымъ, и онъ отлично сознавалъ тяжелое положеніе зятя въ его собственномъ домѣ.

Когда члены совѣта разошлись и фру Брита отправилась домой, зятя остались вдвоемъ.

Пасторъ принадлежалъ къ той породѣ людей, которые находятъ, что удобнѣе, поспоривъ, разойтись мирно. Онъ изъ жизненнаго опыта почерпнулъ, что ссора, которой не придается значенія, не существуетъ, а что мщеніе стѣбитъ времени и влечетъ за собой оплату. Поэтому онъ стеръ

изъ своей памяти послѣднія придирки зятя на пароходѣ, хотя впечатлѣніе отъ нихъ еще не сгладилось.

Кромѣ этого, еще другое смягчало его: извѣстная симпатія къ Густаву Боргу дѣлала то, что онъ не могъ серьезно на него сердиться. Это фактъ весьма обычный, который служить объясненіемъ того, что передъ нѣкоторыми людьми иногда такъ трудно бываетъ оправдаться, несмотря ни на что. Другу жалуешься на гнусный поступокъ третьяго лица. — Этому я повѣрить не могу! Это такъ на него непохоже! — отвѣчаетъ пріятель. И съ этой точки его не сдвинешь и остаешься въ дуракахъ, внушая лишь какое-то недовѣріе; тутъ ужъ не помогутъ ни очевидныя доказательства, ни достовѣрные свидѣтели.

— Это непріятная исторія, — началъ пасторъ, когда они остались съ зятемъ вдвоемъ. — И у тебя надежды на судъ мало. Судья не въ своемъ умѣ и всегда, несмотря на явныя доказательства, оправдываетъ женщину противъ мужчины. Это, видишь ли, духъ времени! Не читалъ ли ты на этихъ дняхъ въ газетахъ объ англичанкѣ, отравившей своего мужа? Пятьдесятъ два врача поглялись, что она невиновна. Но она, между тѣмъ, сидѣла въ тюрьмѣ и призналась во всемъ! Тутъ попались! Казалось, что спасенія ей нѣтъ! Однако посыпались массовыя петиціи, въ которыхъ заступались за отравительницу подъ предлогомъ, что мужъ былъ скотиной. Стоя на своей точкѣ зрѣнія, я бы такъ это объяснилъ. Провидѣніе караетъ мужчинъ за отсутствіе въ нихъ мужества, за слабыхарактерность тѣмъ, что даетъ волю женщинамъ. Кто не можетъ говорить правды и поэтому не долженъ былъ бы свидѣтельствовать, тотъ дѣлается адвокатомъ и судьей. Сохрани насъ Боже! На этихъ дняхъ барышня, служащая на почтѣ, рассказывала при цѣломъ обществѣ, что она распечатываетъ и

читаетъ на почтѣ письма. Что на это сказать? Я передалъ это одному образованному господину, который отвѣтилъ мнѣ, что это ложь! Я сначала хотѣлъ побить его, но онъ очень заинтересовалъ меня, и я о немъ задумался. Онъ такъ разсердился на меня за мой рассказъ, какъ будто онъ женщина и принимаетъ обвиненія на свой счетъ. Или онъ стоялъ за женскій вопросъ и разсердился самъ на себя, видя, что ошибся. Последнее всего вѣроятнѣе.—Братъ мой, твои шансы на судѣ не велики: когда въ наши дни женщина поступаетъ дурно по отношенію къ мужчинѣ, то на ея сторонѣ всеобщая симпатія. А Брита дурно поступила по отношенію къ тебѣ,— это знаю я и мы всѣ! Что противъ этого дѣлать? Ничего! Но послушайся моего совѣта! Возьми какого-нибудь хоть самаго плохенькаго адвоката, но самъ не ходи на судъ. Это все же лучше, чѣмъ самому присутствовать и перебраниваться. Но увѣреннымъ ты все же быть не можешь, потому что, когда мужчина видитъ женскую юбку, то онъ дѣлается трусомъ. Недавно у меня было въ судѣ дѣло съ одной нашей мѣстной жительницей. Я выбралъ адвоката нарочно такого, который несчастливо женатъ. «Теперь, думалъ я, достанется ей!» Но не тутъ-то было! Можешь ты себѣ представить, что это животное, получивъ отъ меня гонораръ, стоялъ на судѣ и защищалъ противную сторону!

Густавъ Боргъ съ благодарностью принялъ эти слова утѣшенія и участія, но онъ не могъ однако согласиться съ тѣмъ, что пасторъ правъ, иначе это значило бы признать свое заблужденіе. Онъ даже одну минуту хотѣлъ возразить, взять сторону женщинъ, какъ онъ это всегда дѣлалъ въ своей газетѣ.

Когда они разстались и Густавъ вышелъ на проселочную дорогу, онъ почувствовалъ въ душѣ своей неприятный

осадокъ отъ всего случившагося и нашель, что послѣднія утѣшительныя слова пастора имѣли въ себѣ что-то обидное. Это заставило его ускорить шаги и, идя такъ неизвѣстно куда, онъ предпринялъ рѣшеніе переѣхать въ городъ, такъ какъ присутствіе его на судѣ не было необходимо. Онъ направился прямо къ пароходной пристани. Взглянувъ на часы, онъ убѣдился, что до прихода парохода остается еще три часа. Это долго, но передъ нимъ предстала новая жизнь, а все старое оставалось назади.

Пароходныя пристани очень благопріятствуютъ мечтанію: ходишь взадъ и впередъ и думаешь; тутъ конецъ суши, и начинается громадное водное пространство; кругомъ спокойно и тихо, и ждешь чего-то, что приведетъ тебя въ движеніе, перекинетъ на другое мѣсто, измѣнитъ ваши впечатлѣнія и, пожалуй, измѣнитъ и вашу судьбу.

Густавъ Боргъ ходилъ взадъ и впередъ и думалъ. Онъ достигъ той точки въ жизни, которая называется «расплатой». «Ты когда-нибудь расплатишься», слышалъ онъ часто, не понимая значенія этихъ словъ, не вѣря имъ, а тѣмъ временемъ жизнь быстро шла впередъ. Теперь онъ это понялъ, но, какъ многіе другіе, онъ вывелъ ложное заключеніе, что ему слѣдуетъ покаяться въ своемъ ученіи, которое онъ раньше распространялъ и которое не привело къ желаемому результату. Онъ полагалъ, что посвятилъ свою работу заблужденію, которое онъ теперь долженъ побороть, но онъ не понималъ, что въ этомъ, такъ называемомъ, заблужденіи была доля правды, которая могла проявиться лишь при совокупномъ дѣйствіи своихъ противоположныхъ полюсовъ. Теперь онъ сокрушался о потерянномъ трудѣ, сожалѣлъ о томъ, что онъ, какъ глупецъ, работалъ въ аріергардѣ, думая, что находится на аванпо-

стахъ. И тѣхъ страданій, которыя онъ теперь испытывалъ, онъ считалъ наказаніемъ за то злое, что онъ сдѣлалъ, хотя бы невольно.

Эти расчеты, которые дѣлаетъ всякій въ извѣстномъ возрастѣ, являются лишь итогомъ личности, но при болѣе тщательномъ разсмотрѣніи нельзя не прийти къ заключенію, что сравнительное зло, которое приходилось причинять другимъ, желая провести въ жизнь что-нибудь хорошее, — есть неизбежное зло. Съ другой стороны, кажется, что непреложная вѣчная справедливость требуетъ, чтобы даже невинно причиненное зло было бы искуплено соответственными страданіями того, кто его причинилъ. Если бы существо болѣе просвѣщенное стояло возлѣ человѣка, подводящаго итогъ пережитаго, оно, несомнѣнно, воскликнуло бы: «Утѣшься! Гляди, вотъ тебѣ за хорошее, что ты дѣлалъ, а вотъ за дурное! И если мы взвѣсимъ одно и другое, ты все же останешься въ выигрышѣ, потому что одно то, что ты жизнь прожилъ какъ сумѣлъ, это одно уже есть геройскій подвигъ; каждый умершій человѣкъ заслужилъ себѣ памятникъ—такъ тяжело и трудно прожить жизнь. Самый бѣдный и жалкій человѣкъ заслуживаетъ не менѣе уваженія, потому что ноша его была тяжелѣй, чѣмъ у другихъ, его борьба болѣе жестока и страданія его глубже; а почему именно онъ былъ бѣднымъ и несчастнымъ — этого ни одинъ смертный не знаетъ, этого никто не можетъ объяснить, ни статистика, ни политическая экономія».

Густавъ Боргъ еще не могъ довести до конца итоги своей жизни, но испытывалъ полное отчаяніе, готовый вступить въ ту область, которую Сведенборгъ назвалъ «запустѣніемъ». И хуже всего было то, что онъ самъ противъ себя же поднималъ руку, такъ какъ его, сторонника

свободныхъ нравственныхъ законовъ, обвиняли теперь въ безнравственности. Это противорѣчіе не легко было разрѣшить.

Стоя на пристани, онъ видѣлъ крышу и трубу своего дома. Какъ разъ въ это мгновеніе поднимались къ небу два столба клубящагося голубого дыма. Горѣлъ огонь въ очагѣ; для него же сгорѣло все лучшее: жена и дѣти.

XI.

Холгеръ Боргъ былъ сыномъ своего времени. По специальности онъ былъ инженеромъ электро-техникомъ и жилъ просто, практично, глубоко не задумываясь. Онъ женился рано на молодой дѣвушкѣ изъ театральнаго міра, которую онъ, по обычаю времени, хотѣлъ сдѣлать своимъ товарищемъ. Трудно ей было сразу усвоить тонкости инженерной науки, но она все же схватила нѣкоторые термины, какъ «константа» и «одиночное замыканіе». Она очень удачно позировала въ этомъ отношеніи, играя роль просвѣщенной въ инженерномъ дѣлѣ, и развилась въ типъ тенденціозной дамы, желавшей показать свѣту, что жена во всемъ равна мужу. Это равенство должно было проявляться и наружно, мужъ не могъ одинъ бывать въ кофейной, она отправлялась съ нимъ. Однако днемъ она одна любила ходить въ кондитерскую; когда вначалѣ мужъ пытался доказать математически несправедливость этого, она спрашивала, свободный ли она человѣкъ или рабыня! И онъ замолкалъ. Ради мира и домашняго спокойствія онъ оставлялъ этотъ вопросъ безъ отвѣта, уступалъ и ставилъ себя ниже ея, сначала шутя, но всегда съ тѣмъ соображеніемъ, что такъ въ наше время хорошо. Вѣдь должна же у него жена быть

современная! И вообще онъ намѣренъ жить такъ, какъ проповѣдывалъ. Такимъ образомъ, очень скоро онъ получилъ надъ собою гувернантку, дѣлавшую ему при чужихъ замѣчанія и, наконецъ, желавшую его учить всему, что онъ зналъ лучше ея. Но онъ не жаловался и не замѣчалъ ея пренебрежительнаго отношенія къ себѣ. Онъ сталъ на это обращать вниманіе, лишь когда увидѣлъ, что друзья его смотрѣли на жену, какъ на существо высшее, на него же какъ на простофилю. Но, съ другой стороны, ему льстило, что онъ сумѣлъ найти себѣ самую стильную жену, и, благодаря тому, что она въ ихъ кругу была всегда центромъ, это его выдвигало.

Вначалѣ ихъ супружества молодоженамъ пришлось очень трудно. Они больше жили внѣ дома, потому что это было дешевле, а иногда у нихъ и домъ превращался въ цыганскій таборъ. Потомъ появился ребенокъ. Это было очень тяжело. Заработка мужа, прежде хватавшаго на двухъ, теперь должно было хватать на четырехъ. Это значило—отказываться отъ многого; но этого они не любили и потому дѣлали долги и продолжали жить попрежнему. Когда же ребенку минуло три года, няню разчитали, и супруги сами стали ухаживать за нимъ. Жена, не имѣвшая никакого другого дѣла, требовала однако, чтобы мужъ, занятый на фабрикѣ и въ редакціи газеты, все же принималъ участіе въ уходѣ за ребенкомъ. Понятно, равенство должно было оставаться въ силѣ! Онъ же, осель, не смѣлъ отказать ей и не замѣчалъ, какая получалась несправедливость и какъ онъ самъ работалъ надъ своимъ униженіемъ. Однако, по примѣру другихъ женатыхъ людей, онъ выдумалъ себѣ тайные веселые завтраки внѣ дома; затѣмъ выдумалъ и вечернія собранія и, наконецъ, вошелъ въ кружокъ степенныхъ женатыхъ мужчинъ, которые имѣли обыкновеніе

собираться пить пуншъ между шестью и семью часами вечера, чтобы къ ужину быть дома. Если онъ приходилъ домой и отъ него пахло пуншемъ, жена сердилась, и въ такихъ случаяхъ всегда страдательнымъ лицомъ бывалъ ребенокъ. Мужъ обыкновенно прибѣгалъ къ уловкѣ, говоря, что «былъ приглашенъ».

Къ ужину онъ всегда бывалъ дома, но былъ обыкновенно скученъ. За ужиномъ, вспоминая веселый завтракъ въ Оперномъ трактирѣ, по лицу его порой пробѣгало слабое сіяніе, послѣдній отблескъ внутренней радости при воспоминаніи о какомъ-нибудь недавнемъ тайномъ веселомъ происшествіи. Жена замѣчала это и становилась мрачной; она понимала, что онъ веселился безъ нея, и ей было непріятно, что онъ могъ получить удовольствіе, въ которомъ она участія не принимала. Въ концѣ концовъ, ему приходилось волей-неволей разсказывать о веселыхъ происшествіяхъ,—въ этомъ выражалось законное участіе супруги въ удовольствіяхъ мужа.

Однажды вечеромъ супруги сидѣли по обыкновенію дома. Жена чувствовала себя утомленной дѣтскимъ крикомъ, стряпней и прочимъ. На столѣ стоялъ кусокъ черстваго хлѣба, маргаринное масло и раскрытая жестянка съ тремя жалкими рыбками, еле покрывавшими дно; уже нѣсколько дней, какъ никто къ нимъ не прикасался, и онѣ высохли какъ щучья кожа. Тутъ же лежалъ кусокъ сыра и нѣсколько ломтиковъ сырого сала. Все выглядѣло какъ-то невкусно, не аппетитно и придавало ужину какой-то неуютный видъ. А оба супруга напоминали заключенныхъ и тайно слѣдили другъ за другомъ.

Мужъ мрачно взглянулъ на поданное къ столу и, взявъ въ ротъ анчоусъ, почувствовалъ рѣзкій вкусъ жести и прогорклаго масла... Вдругъ ему въ голову пришла мысль...

— А что если бы намъ пойти да поужинать? Давно мы нигдѣ не были.

— А какъ же Рагнаръ? Ребенокъ?

— Да, правда!

— Это ужасно, — замѣтила жена, — что ребенокъ властвуетъ надъ родителями! Вѣдь должно бы быть наоборотъ!

— Да, конечно такъ должно было бы быть! Мы во всемъ отказывали себѣ всю нашу молодость, а теперь, когда мы хотѣли бы пользоваться жизнью, мы оказываемся рабами.

— Но теперь, когда онъ спитъ, мы ему не нужны.

— Разъ онъ заснетъ, то спитъ нѣкоторое время спокойно.

— Мы избаловали его, вотъ и все! Подумай, вѣдь въ бѣдныхъ семьяхъ запираютъ дѣтей съ утра, и они одни остаются до обѣда... Знаешь ли что, Холгеръ? Мы скажемъ женѣ швейцара, чтобы она прислушивалась, не заплачетъ ли онъ...

— Да, это возможно, — замѣтилъ Холгеръ!

Сказано — сдѣлано! Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ супруги шли по дорогѣ къ городу. У новаго моста они разстались. Мужъ хотѣлъ зайти въ редакцію, а жена должна была ожидать его въ Grand Hôtel, — въ классическомъ Grand Hôtel, славу котораго создали люди 70-хъ годовъ, поддерживали люди 80-хъ годовъ и который люди 90-хъ годовъ чуть ли не преобразовали въ Hôtel Rydberg.

Войдя въ ресторанъ, фру Марта сѣла на обычное свое мѣсто у столика, взяла газету и стала ждать мужа.

Слѣдомъ за ней вошелъ близкій другъ обоихъ супруговъ, актеръ, и оглядѣлся кругомъ, ища компаніи.

— Да ты ли это, Марта? А куда ты дѣла Холгера?

— Онъ сейчасъ придетъ, — отвѣтила обрадованная Марта

— Позволишь присѣсть?

— Да, я думаю!—отвѣтила быстро Марта.

Они сразу разговорились, и черезъ нѣсколько мгновеній передъ ними стоялъ уже подносъ съ пуншемъ и папирасы.

Актеръ такъ быстро отдалъ приказаніе, что Марта и не замѣтила. Итакъ, они сидѣли, рѣшивъ ни къ чему не прикасаться до прихода мужа. Они весело обо многомъ болтали, и время проходило незамѣтно.

Затѣмъ, не задумываясь надъ тѣмъ, что онъ дѣлаетъ, и находя, что ждать приходится долго, пріятель наполнилъ два стакана, чокнулся съ ней за здоровье, и оба выпили.

Время все шло; они закурили.

— Это ужасно, какъ Холгеръ заставляетъ себя долго ждать! Намъ не слѣдовало бы начинать.

— Теперь объ этомъ говорить поздно,—замѣтилъ пріятель.

Тутъ вошла компанія, имъ незнакомая, не знавшая, кто они. Вошедшіе съ удивленіемъ взглянули на сидѣвшую парочку, и даже насмѣшка промелькнула въ ихъ взглядѣ.

Въ эту минуту вошелъ Холгеръ; онъ моментально, однимъ взглядомъ охватилъ все положеніе вещей, и, такъ какъ онъ былъ далекъ отъ предразсудковъ, въ немъ поведеніе жены не встрѣтило и тѣни осужденія; но насмѣшливые взгляды чужой компаніи, которые онъ тоже уловилъ, однако такъ кольнули его въ сердце, что онъ омрачился.

Подойдя къ столику, онъ поздоровался съ пріятелемъ по возможности просто и развязно.

— Хорошо, что вы начали, не дожидаясь меня. Я получилъ телеграмму, и мнѣ пришлось написать пару строкъ.

Онъ подсѣлъ; трудно было ему, свѣдѣму человѣку, войти въ ихъ уже нѣсколько приподнятое настроеніе. Къ

тому же онъ, придя сразу изъ редакціи, принесъ съ собою нотку серьезности, и это на нихъ подѣйствовало не-пріятно.

Фру Мартъ, желавшей веселиться, пришла неудачная мысль развеселить и мужа. Изъ этого ничего не вышло, и онъ замолчалъ совсѣмъ.

— Что съ тобой?—спросила она.

Это значило копаться въ его душѣ. Онъ совсѣмъ съежился; онъ разсердился на себя за то, что не умѣлъ владѣть собой, на незнакомое общество за насмѣшливые взгляды и на все и на всѣхъ. Онъ долженъ былъ производить впечатлѣніе ревнивца; но вѣдь онъ не ревнивъ, и ему только нестерпима мысль, что онъ попалъ въ дурацкое положеніе. Она своимъ вопросомъ сдѣлала его смѣшнымъ, такъ какъ онъ не могъ отвѣтить.

Наступило такого рода неловкое молчаніе, которое никто не рѣшается прервать, боясь сказать глупость и выдать тайну, о которой всѣ думаютъ.

Минута тянулась цѣлую вѣчность. Неожиданно под-вернулось счастье: вошли два знакомыхъ художника, сразу оживили разговоръ, и вечеръ затѣмъ прошелъ пріятно и оживленно.

Послѣ окончанія театровъ публики прибавилось. Всѣ сообравшіеся, дѣти одного духа, чувствовали между собой какую-то связь, какъ будто они всѣ были членами одной семьи. Имъ казалось, что они другъ въ другѣ встрѣчаютъ друзей; для этого не требовалось даже и объясненій; и, несмотря на то, что многіе пережили всякія невзгоды, всѣ собравшіеся здѣсь казались безпечными, полными надежды, увѣренными, что ступили на вѣрный путь.

Часы пробили половину двѣнадцатаго, оживленіе царило полное, какъ вдругъ къ столику, гдѣ сидѣла моло-

дая компанія, подошла женщина вся въ черномъ и попросила позволенія поговорить съ фру Мартой.

Незнакомка произвела впечатлѣніе чернаго флага, и сразу веселость омрачилась.

— Фру Боргъ, — начала она, — я живу въ томъ же домѣ, гдѣ и вы, и, къ счастью, проходила подъ окномъ вашей дѣтской, когда услышала неистовые крики одиноко запертаго ребенка. Не думайте, чтобы я дѣлала вамъ упреки! Но, такъ какъ крики были отчаянные, я отправилась къ швейцару за ключомъ отъ квартиры. Но у швейцара никого не было. Подвернулся участливый человекъ, котораго я попросила сбѣгать за слесаремъ; сама же я старалась черезъ окно успокоить запертаго ребенка. — Не волнуйтесь: вы имѣли несчастье положиться на ненадежную женщину. Когда я, наконецъ, вошла въ комнату, то успокоила бѣднаго ребенка, который чуть ли не три часа кричалъ въ полномъ одиночествѣ. Теперь онъ спитъ, и возлѣ него сидитъ вернувшаяся домой жена швейцара.

Супруги Боргъ вылетѣли на улицу...

Вотъ что значить имѣть дѣтей! Да! да! да! Они упрекали себя, давали слово никогда больше не выходить. Они думали о томъ, какую тенденціозную сплетню теперь будутъ о нихъ распространять. Не находя извозчика, они чуть ли не бѣжали домой.

Запыхавшись, поднимались они вверхъ по улицѣ Нибро, какъ вдругъ наткнулись лицомъ къ лицу на человека громаднаго роста, который схватилъ ихъ въ свои объятія.

— Ну, наконецъ-то я васъ поймалъ! — воскликнулъ онъ.

Это былъ докторъ Генрикъ Боргъ.

— Ты, Холгеръ, назначенъ редакторомъ газеты съ со-

держаніемъ въ шесть тысячъ и ты завтра же вступаешь въ должности! Понялъ?

Марта расплакалась на груди у колосса. Но тутъ же они пустились отъ дядюшки бѣжать; бѣжали, смѣялись и плакали.

— Знаешь, — воскликнула Марта, — у насъ будутъ двѣ служанки!

— И квартира на набережной!

На базарной площади они отъ радости проплясали вокругъ фонарнаго столба и потомъ опять пустились бѣжать вдоль лавокъ.

Вотъ какъ Холгеръ Боргъ сталъ редакторомъ и какъ въ радости окончился печальный день.

XII.

Докторъ Боргъ былъ два раза женатъ. Первымъ бракомъ онъ былъ женатъ на шведкѣ, полусумасшедшей, которую онъ полюбилъ за красоту и молодость. Эта женщина такъ была влюблена въ свою красоту, что изъ нея сдѣлала какой-то культъ. Она способна была сидѣть часами полуодѣтая передъ зеркаломъ и любоваться собой, цѣловать свои круглыя руки, ласкать упругую грудь, выставлять въ зеркалѣ зубы. Когда однажды докторъ невзначай засталъ ее при этомъ времяпровожденіи, ему стало жутко, потому что на лицѣ ея онъ прочелъ какое-то животное выраженіе: она напоминала ему птицу, которая въ водѣ глядитъ на свое отраженіе и расправляетъ крылья. На него это произвело впечатлѣніе чего-то непріятнаго, несмотря на все его свободомысліе: ему казалось, что онъ связалъ судьбу свою съ нечеловѣческимъ существомъ.

Когда онъ однажды заговорилъ съ ней о слишкомъ большомъ значеніи, которое она придавала туалетамъ, она приняла это какъ величайшее оскорбленіе. Она, обиженная, отошла, упрекая его въ томъ, что онъ не умѣетъ ее цѣнить. По простотѣ душевной ссылалась она на всѣхъ своихъ поклонниковъ и подчеркивала ихъ участливое отношеніе. Докторъ и послѣ свадьбы продолжалъ преподносить ей цвѣты и угощать ее шампанскимъ, но рѣдко могъ этимъ ей угодить.

— Я получила отъ лейтенанта Х. орхидеи въ семь кронъ за штуку,— хвасталась она.— А за шампанское, которое пріятно выпить, надо заплатить одиннадцать кронъ.

Она любила себя и свою красоту такъ объективно, что даже то, что она стала женой доктора, возбуждало въ ней къ нему ревность.

— Я отдалась тебѣ! Ты не цѣнишь своего счастья! Подумай только, сколько людей тебѣ завидуютъ.

Но затѣмъ это самообожаніе зашло такъ далеко, что она прекратила близкія отношенія съ мужемъ. Она не любила его, и когда онъ ласкалъ ее, отталкивала его ревниво. А потомъ сама жаловалась на его холодность.

Сначала онъ мало на это обращалъ вниманія. Но потомъ она стала ходить къ матери и жаловалась ей, будто она лишена супружеской жизни. Мать недоумѣвала и знать ничего не хотѣла. Докторъ, еще молодой практикантъ, тоже не понималъ, чего именно хочетъ жена, но сталъ беспокоиться и спросилъ совѣта у старшаго коллеги.

— Да, другъ мой, — сказалъ, выслушавъ его, старый докторъ,— передъ тобой стоитъ задача, въ которой я еще не разберусь. Но надняхъ я прочелъ по этому поводу рѣшительно выраженный взглядъ нашего великаго гинеколога. Онъ говоритъ, что дѣвица легкаго поведенія

ишетъ наслажденія, а супруга жаждетъ зачатія ребенка. Онъ положительно утверждаетъ, что ребенокъ долженъ быть цѣломудренно зачатъ въ моментъ полныхъ любви объятій, но не въ моментъ сладострастія. Скромная мать-жена пребываетъ невольно цѣломудренной среди брака, и то, чего она ишетъ, она часто не находитъ,— поэтому она бываетъ недовольна. Но, другъ мой, я дошелъ до того, что нахожу, что и плотская страсть мужчины въ бракѣ облагораживается, какъ бы нейтрализуется или одухотворяется. Я много жалобъ слышалъ и со стороны мужей. Вообще, видишь ли, съ обѣихъ сторонъ у новобрачныхъ много встрѣчается разочарованій... Однако, ты говоришь, что твоя жена беременна?

— Да, она забеременѣла на третьемъ мѣсяцѣ супружества.

— Ну, такъ ты можешь быть спокоенъ!

Докторъ Боргъ дѣйствительно успокоился, даже слишкомъ, и это раздражало его жену. Она еще больше стала ревновать мужа, потому что онъ долженъ былъ удостоиться имѣть отъ нея ребенка; она при этомъ возненавидѣла свою беременность, такъ какъ это умаляло ея красоту. То, чего она не желала, она прямо отрицала, и она все продолжала притворяться дѣвственной.

Тутъ разсердилась и мать ея.

— Въ умѣ ли ты, дитя мое? — набрасывалась она на нее.— Вѣдь ты въ интересномъ положеніи.

— Не замѣчала я этого...

— Ты не замѣчала? Вѣдь твой мужъ, въ концѣ концовъ, убьетъ тебя, если ты будешь продолжать болтать такой вздоръ. Неужели ты не понимаешь, что тебя всякій спроситъ, откуда у тебя ребенокъ, если ты будешь продолжать болтать о своей мнимой дѣвственности.

Когда же она увидѣла, что въ мужѣ пробудились отцовская радость и гордость, то сердце ея переполнилось къ нему ненавистью. Въ ней загорѣлась какая-то животная злоба, и она, какъ будто ни за что не хотѣла признать въ немъ отца своего будущаго ребенка.

Изъ желанія ли дразнить мужа, или изъ злобы, но однажды, болтая всякую всячину, она проронила слѣдующія слова:

— Я не знаю, но мнѣ кажется, что въ вопросѣ о томъ, что у меня долженъ родиться ребенокъ, ты сторона...

Тутъ докторъ не выдержалъ, и проявилась его африканская натура, которую онъ такъ долго сдерживалъ.

— Что ты говоришь, чортъ тебя побери! Если это не мой ребенокъ, то въ такомъ случаѣ ты... и я думаю, что ты не хочешь этого сказать.

Жена молча встала и одѣлась.

— Я ухожу и навсегда! — сказала она, уходя.

— Да уходи пожалуйста! — возразилъ докторъ. — Ты вѣдь своей животной глупостью и сатанинской злобой убить человѣка можешь. Уходи скорѣй, пока я тебя не вышвырнулъ!

Этимъ окончилось ихъ супружество. На доктора упала нѣкоторая тѣнь, такъ какъ онъ защищаться не могъ, хотя и приводилъ физиологическія доказательства, которыхъ никто не требовалъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ прожилъ онъ, негодуя и злясь на происшедшее, а тѣмъ временемъ затѣялъ снова жениться, на сей разъ на норвежкѣ, которую онъ еще до вступленія въ бракъ сдѣлалъ беременной. Она была на седьмомъ мѣсяцѣ, когда должна была состояться ихъ свадьба. Невѣста хотѣла, чтобы все было сдѣлано тихо, но докторъ заказалъ пышную свадьбу среди бѣла дня.

— Такъ пріятно, — говорилъ онъ, — видѣть женщину Богомъ благословенную.

Пасторъ, совершавшій бракосочетаніе, не былъ того же мнѣнія, но ему пришлось исполнить свое дѣло. Когда же докторъ повелъ торжественно свою располнѣвшую невесту черезъ всю церковь, то тѣнь съ него свалилась, и онъ предсталъ въ глазахъ всѣхъ бодрымъ и здоровымъ, какимъ и былъ всегда...

За обѣдомъ онъ въ присутствіи сотни приглашенныхъ провозгласилъ тостъ за жену и за ожидающагося ребенка.

— Это стильно! — заявили одни. Другіе же нашли, что это цинично.

Это супружество № 2 нѣкоторое время было тихимъ и спокойнымъ. Но тутъ появился женскій вопросъ и все, что онъ за собой потянулъ. Женскіе союзы съ ихъ уставами, женскія лиги! Жизнь для супруга стала адомъ. Древнее идолопоклонство возродилось вновь и стало гинотатріей, или поклоненіемъ женщинѣ. Поэтъ-атеистъ дошелъ до того, что объявилъ, что женщина — это его религія. Всякое литературное произведеніе, въ которомъ не прославлялась и не возносилась женщина, почиталось нестоящимъ вниманія, такъ что дѣйствительно можно было думать, какъ Спенсеръ, что источникомъ всякой поэзіи и всякаго искусства служить раболѣпство мужчины передъ женщиной. Куда ни шло еще съ поэзіей, воодушевленной преклоненіемъ передъ женщиной, но все это повлекло за собой самоуниженіе мужчинъ. Они находили особое удовлетвореніе въ униженіи себя, въ томъ, что они доказывали, что мужчина — низкое животное. Когда же старые сумасброды Ибсенъ и Бьернсонъ прямо-таки объявили, что общество можетъ быть спасено только

вознесеніемъ женщины и отступленіемъ на задній планъ мужины, безуміе достигло кульминаціонной точки.

А когда къ этому примѣшался еще норвежскій вопросъ, то доктору у себя дома стало совѣмъ невыносимо. Тѣмъ временемъ успѣли подрасти двое дѣтей, тринадцати и пятнадцати лѣтъ, но они стали лишь новымъ яблокомъ раздора. Вообще, все становилось яблокомъ раздора, и съ непокорной женой ничего нельзя было сдѣлать.

Почему же они не расходились? Дѣти связывали ихъ; воспоминанія и еще нѣчто необъяснимое, что связываетъ супруговъ, даже когда они другъ друга ненавидятъ. Оккультисты утверждаютъ, что они порождаютъ одинъ въ другомъ сверхчувственную силу, устанавливающую между ними таинственную связь. Другіе полагаютъ, что души мужа и жены своими корнями тѣсно сплетаются и что супруги невольно связаны; что они чувствуютъ вмѣстѣ и одинъ посредствомъ другого, какъ близнецы. Поэтому страдаетъ и тотъ изъ супруговъ, который другому причиняетъ зло; онъ страдаетъ отъ того страданія, которое самъ причинилъ. Поэтому человѣкъ беззащитенъ противъ того, кого онъ любитъ, а любить — значитъ страдать. Поэтому-то и разрывъ такъ труденъ — тяжелѣй всего; это разорвать таинственную связь; при этомъ воспоминація — дѣти души: ихъ не всегда бросишь, когда вздумается. Бывали случаи, когда супруги тридцать лѣтъ все собирались развѣхаться, и все же это имъ не удавалось. Они собирались разстаться, будучи женихами, будучи новобрачными, затѣмъ и позднѣй, за недѣлю до серебряной свадьбы они думали разстаться, но затѣмъ, переживъ серебряную свадьбу, они рѣшали, что, видимо, вмѣстѣ окончатъ дни. Однако, недѣли черезъ три мужъ рѣшительно покинулъ домъ, провелъ ночь внѣ дома, первую за два-

дцать пять лѣтъ. На слѣдующій день онъ снова былъ дома, и, чтобы ознаменовать примиреніе, они съ женой перестроили квартиру на новый ладъ и затѣмъ продолжали жить вмѣстѣ.

Докторъ такъ много страдалъ во время перваго развода, что твердо рѣшилъ на этотъ разъ все выдержать, все вынести, кромѣ униженія. Но въ жизни много незамѣтныхъ униженій. Выслушивать замѣчанія жены въ присутствіи слугъ оскорбительно для мужа; еще болѣе оскорбительно, если жена на глазахъ у дѣтей выставляетъ мужа идіотомъ. Это ежедневное, ежечасное униженіе можетъ вывести изъ себя самаго сильнаго, и, когда докторъ замѣтилъ, что онъ можетъ потерять самообладаніе, онъ рѣшилъ удалиться; и въ этомъ онъ видѣлъ единственный способъ борьбы со злой женщиной, такъ какъ человѣкъ, связывающійся со злою, самъ озлобляется. Ея злоба дѣйствовала на него, какъ ядъ, — онъ это чувствовалъ.

Ближайшимъ поводомъ къ разрыву послужило, какъ обычно бываетъ, появленіе въ домѣ нѣкоторыхъ пріятельницъ. Одна изъ нихъ любила фру Дагмару. Трудно рѣшить, насколько эта любовь была невинна. Но дамы находятъ невиннымъ все, что бы онѣ ни дѣлали, даже если перейдена граница. Эта пріятельница начала вмѣшиваться въ воспитаніе дѣтей. Дѣвочку коротко остригли, а мальчику отпустили волосы: все это дѣлалось для того, чтобы уничтожить различіе половъ. Когда же надъ мальчикомъ въ школѣ начали смѣяться за его женственную внѣшность и когда въ это же время отецъ сталъ замѣчать, что вкусы и инстинкты сына тоже начали становиться женственными, ему стало страшно: онъ прежде всего взялъ ножницы и остригъ сыну волосы. Увидавъ это, мать пришла въ негодованіе.

— Не въ правѣ ли мать воспитывать своихъ дѣтей!— кричала она.

— Нѣтъ не въ правѣ! Она не должна изъ нихъ дѣлать содомитовъ! Двое должны участвовать въ воспитаніи дѣтей, и я— одинъ изъ двухъ.

Мать грозила, что отправится къ адвокату. Это она говорила постоянно.

Былъ и другой факторъ, вводившій разстройство въ ихъ супружество: а именно— изобрѣтенный знаменитымъ докторомъ коньякъ. Его Дагмара считала универсальнымъ средствомъ: она днемъ прибѣгала къ нему отъ нервности, а вечеромъ— отъ бессонницы. Эти, казалось бы, невинные маленькіе стаканчики портили настроеніе, аппетитъ, дѣлали то, что Дагмара спала не въ урочное время, а ночью спокойнаго сна не было. Несмотря на то, что самъ изобрѣтатель этого средства, профессоръ и авторитетъ науки, плохо кончилъ, сдѣлавшись жертвой своей теоріи о пользѣ коньяка, дамы начали пить его. Когда докторъ предупреждалъ жену объ опасности, она всегда ссылалась на профессора.

— Профессоръ,— говорила она,— больше твоего понимаетъ, такъ какъ ты даже и не приватъ-доцентъ.

Словомъ, къ тому времени, когда разгорѣлась борьба между братьями, отношенія между супругами настолько обострились, что достаточно было порыва вѣтра, чтобы зданіе рухнуло.

Госпожа Дагмара писала въ женской газетѣ статьи противъ теоріи мужа, какъ она называла его взгляды, не подписываясь подъ статьями. Она клеймила его, какъ редактора, и предостерегала либеральныхъ избирателей отъ такого кандидата. Такимъ образомъ, война была объявлена, и оба супруга переселились на противоположныя стороны дома.

Ничтожное обстоятельство, какъ бы нарочно вызван-
ное, ускорило катастрофу. Однажды утромъ, въ приемные
часы, къ доктору вошла очень изяшно одѣтая дама. Онъ
удивился, потому что она уже разъ оставила его, находя
его «неделикатнымъ»: онъ никакъ не могъ постичь ея
намековъ, но прямо безъ обиняковъ выкладывалъ вслухъ
ея заднія мысли; противъ ея желанія, онъ открывалъ ей
всѣ ея тайны.

Онъ попросилъ даму сѣсть и, внимательно взглянувъ
на нее, сразу понялъ, къ какой категоріи женщинъ она
принадлежитъ. Выраженіе глазъ не согласовалось съ выра-
женіемъ рта. У нея были подбородокъ, щеки и губы
ребенка, но глаза говорили нѣчто совсѣмъ другое, потому
что она не подумала научиться владѣть ими. Когда онъ
освѣдомился о томъ, что съ ней, она начала жаловаться
на малокровіе и нервность.

Это натолкнуло его на хорошо знакомый слѣдъ, и онъ
осторожно продолжалъ разпросы.

— Вы замужемъ?

— Да!

— У васъ есть дѣти? Сколько?

— Одинъ ребенокъ.

— Сколько ему лѣтъ?

(Теперь допросъ пошелъ какъ по программѣ, потому
что онъ эти исторіи зналъ наизусть).

— Три года!

— Ну, а съ тѣхъ поръ?

Наступило нѣкоторое молчаніе, потому что въ отвѣтъ
на этотъ вопросъ заключалось все признаніе. А она при-
шла не каяться, — напротивъ. Черезъ нѣсколько секундъ
онъ продолжалъ.

— Вашъ мужъ не желаетъ больше имѣть дѣтей?

— Нѣтъ.

— Желаете вы еще дѣтей?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ вотъ причина вашего малокровія и нервности. Что, мужъ вашъ тоже нервень?

— Онъ? Онъ меня дѣлаетъ нервной, и я именно объ этомъ хотѣла съ вами переговорить.

— Послушайте! Вы этимъ обманомъ другъ другу разстраиваете нервы...

— Не можете ли вы мнѣ сказать, господинъ докторъ, что мнѣ дѣлать? Быть замужемъ и жить какъ незамужняя я не могу...

— Вѣдь мужъ вашъ въ томъ же положеніи, разъ вы не желаете имѣть дѣтей?

(Она не желала говорить о мужѣ, не хотѣла и думать о немъ.)

— Не можете ли вы мнѣ что-нибудь посовѣтовать, господинъ докторъ, что-нибудь, что...

— Не думаете ли вы, что я посовѣтую вамъ взять любовника? Въ такомъ случаѣ, онъ сдѣлаетъ васъ беременной,—этимъ же кончится.

Въ этомъ и была вся тайна, и на лицѣ молодой женщины сразу произошла перемѣна. Ея хорошенькое личико замѣнилось другимъ, такимъ страшнымъ, что докторъ подумалъ, что другой человѣкъ сидитъ теперь передъ нимъ на стулѣ. Но это его не испугало.

— Что мужъ вашъ, сударыня, усталъ,—продолжалъ онъ,—нести обузу, это меня не удивляетъ...

Дальше онъ сказать ничего не успѣлъ, потому что дама вскочила и въ одну минуту была за дверью.

Когда же онъ вышелъ въ переднюю, то у лакея узналъ, кто была эта дама. Это была жена редактора газеты ли-

беральной партіи. Онъ понялъ, что нажилъ себѣ опаснаго врага.

Но этимъ инцидентъ не исчерпался. Черезъ четверть часа въ кабинетъ вошла фру Дагмара и, желая имѣть съ мужемъ разговоръ, сразу выказала себя необыкновенно кроткой и мягкой.

— Что случилось съ госпожой ***, которая только что вышла отъ тебя?

— Она желала, чтобы я посовѣтовалъ ей взять любовника! Да, эти дамы приходятъ къ доктору и требуютъ средствъ для вытравленія плода...

— Но вѣдь на тебя будетъ подана жалоба въ медицинское управленіе за то, что ты оскорбилъ пациентку.

— Неужели же ты того мнѣнія, что подобная жалоба будетъ справедлива?

— Да!

— Въ такомъ случаѣ, ты такая же...

Онъ еще подбиралъ подобающее слово, когда фру Дагмары въ комнатѣ уже не было. Онъ понялъ, что все кончено.

Такова была та адская борьба двухъ половъ, которую въ то время вели не на живогъ, а на смерть. Если бросалось въ глаза, сколько въ то время мужчинъ раньше времени старилось и умирало, то причина этого оставалась для публики невыясненной, потому что писать объ этомъ не рѣшались. Природа предоставила мужчинамъ право быть инициаторомъ въ этомъ вопросѣ, такъ какъ онъ является основной производительной силой; но теперь у него эта прерогатива отнималась. Женщина, которая ничего не даетъ, а лишь воспринимаетъ, присвоивала инициативу себѣ. А такъ какъ ея способность къ воспріятію безгранична, то каждый мужчина долженъ былъ поневолѣ отступать

въ неравной борьбѣ, потому что всякое расходование имѣетъ свой естественный предѣлъ. А всякій обходъ законовъ природы не проходитъ безнаказанно. Мужья вмѣсто того, чтобы быть отцами, опустили до того, что сдѣлались покровителями своихъ женъ. Современныя спальни со своими двумя желѣзными кроватями стали напоминать медико-механическіе институты или комнаты для лѣчебной гимнастики. Того, что искали супруги, они теперь находили, потому что это находится только въ материнствѣ или въ чувствахъ отца. Вотъ почему мѣсто рожденья заняла смерть.

Деятнадцатое столѣтіе не вѣкъ дѣтей—это ложь. Восемнадцатый вѣкъ съ Руссо, создавшимъ своего Эмиля, когда матери снова научились кормить грудью дѣтей своихъ и вернули материнству ея потерянную славу и честь, вотъ это былъ дѣйствительно золотой вѣкъ дѣтей. Но девятнадцатый вѣкъ и въ особенности его исходъ былъ для дѣтей лишь адомъ. Дѣти являлись на свѣтъ лишь благодаря несчастной случайности и неудавшейся предосторожности; поэтому они росли безвольными, безполыми, безхарактерными. Материнство стало презираться: никто не хотѣлъ рожать дѣтей, а кормить ребенка грудью считалось чуть ли не позоромъ. Дѣти воспитывались на рожкѣ и росли заморенными, болѣзненными, лишенными спокойнаго сна.

Углекислый натръ, молочная мука, стерилизованное коровье молоко—вотъ чѣмъ кормили дѣтей. Лишенная питательности жидкость, не имѣвшая въ себѣ жизненныхъ силъ—вотъ что должно было замѣнить материнское молоко! Это воспитывало бесплодныхъ людей, лишенныхъ мыслей, жалкихъ автоматовъ, не могущихъ дать отвѣта на запросы челоуѣчества.

То была эпоха автоматовъ и автоматныхъ дѣтей, дѣтей, воспитанныхъ на рожкахъ и соскахъ, никогда не лежавшихъ возлѣ теплой груди матери, но дрессированныхъ въ качающейся колясочкѣ, приученныхъ лежать тихо, привыкшихъ къ тѣлесному и душевному холоду подѣ присмотромъ чужой дѣвушки и ея жениха, частенько проститутки, берущей соску въ нестерилизованный ротъ.

То былъ золотой вѣкъ безплодныхъ женщинъ. Онѣ проповѣдывали безплодіе, создали свою общину, приобрѣли послѣдователей и, наконецъ, образовали государствомъ признанную духовную секту.

Здоровый мужчина, какимъ былъ докторъ Боргъ, палъ въ борьбѣ съ этимъ вырожденіемъ, чтобы уже больше не воспрянуть.

Прошла недѣля, и онъ сидѣлъ одинъ въ своемъ разгромленномъ домѣ.

Прошли двѣ недѣли, и имя его, какъ реакціонера въ женскомъ вопросѣ и какъ ненавистника норвежцевъ, было стерто со всѣхъ избирательныхъ списковъ. До жалобы въ медицинское управленіе дѣло не дошло, но практика его значительно сократилась.

XIII.

Фру Брита Боргъ ничего привлекательнаго изъ себя не представляла, и кажущееся добродушіе ея зависѣло больше отъ ея физической полноты. Когда возникъ женскій вопросъ, она сразу готова была итти на спасеніе человечества, которое теперь должно было опереться на женщину, какъ на общественный столпъ. Слѣдовательно, мужчина долженъ быть низвергнутъ, и она готова была этому содѣйствовать.

Всѣ великіе люди подверглись тогда своего рода гоненію или низверженію. Выкопали самого Карла XII и заявили, что это была женщина. Оказалось, что Наполеонъ самъ по себѣ ничего не значить, а все было унаслѣдовано имъ отъ матери. Гёте тоже всему научился у своей матери (которая ничего не знала). Съ другой стороны, всѣ тайныя болѣзни женщины получили отъ мужчинъ (которые однако заражались у женщинъ); всѣ мужчины были рождены женщинами (но что всѣ женщины были рождены отъ мужчинъ, — объ этомъ не упоминалось).

Всѣ эти лживыя хитросплетенія и всю эту несправедливость распространяли для того, чтобы теперь женщина отомстила за мнимую несправедливость. Какая несправедливость? Да, рѣчь шла о неравномъ, но прекрасномъ раздѣленіи природою половъ, при коемъ меньшая часть такъ относится къ болѣшей, какъ болѣшая къ цѣлому. Распределеніе, при которомъ женщинѣ дается красота и привлекательность, а мужчинѣ — сила и разумъ; въ которомъ на женщинѣ лежитъ обязанность рожать дѣтей и ихъ вскармливать, а на мужчинѣ — ихъ зачатіе и затѣмъ заботы о матери и дѣтяхъ.

Всегда, во всѣ времена, когда мужчина любилъ достойную уваженія женщину, она могла быть гарантирована, что онъ будетъ къ ней хорошо относиться, пока она останется ему вѣрной. Поэтому женщина никогда не бываетъ права, когда жалуется на мужчину: отъ ея поведенія зависитъ и его отношеніе къ ней. Когда однажды нѣкій американецъ бросилъ въ лицо женѣ зажженную лампу, то судья, обсуждавшій это дѣло, воскликнулъ: «Какая ужасная женщина!» Да, мужчина, полюбившій однажды женщину, несомнѣнно, долженъ былъ видѣть въ ней сверхъестественную злобу, если могъ дойти до того, чтобы настолько забытья.

Жена всегда виновата въ отношеніи мужа, потому что онъ мужъ, а она его дополняетъ.

Мужчина одинъ создалъ всю культуру въ области земледѣлія, науки, искусства, литературы, а женщины онъ предлагаетъ зрѣлые плоды культуры. (Что немногія единичныя женщины помогали ему и работали въ мелочахъ— это ничего не значитъ).

Но женщина рождаетъ мужчину, возражали фру Брита и ей подобныя. На это имъ отвѣчали слѣдующее: «Да, но отъ мужчины зависитъ зачатіе ребенка, и его дѣтей рождаетъ женщина!».

Густавъ Боргъ, воодушевленный галантностью, унаслѣдованной отъ начала XIX вѣка, когда въ эпоху романтизма снова выдвинулись средневѣковыя воззрѣнія, сразу сталъ на сторону дамъ. Въ галантности и рыцарствѣ лежитъ извѣстная доля партійности и несправедливости. Это не утвержденіе абсолютнаго униженія, когда мужчина встаетъ и уступаетъ женщинѣ свое мѣсто: это добровольная жертва сильнаго слабѣйшему. Но теперь дамы не согласны были такъ на это смотрѣть; онѣ желали видѣть въ этомъ проявленіе подчиненія передъ превосходствомъ.

Когда фру Брита желала показать свою силу, она могла быть сурова и безчувственна; а ничего нѣтъ отвратительнѣе суровой женщины. Разлучить дѣтей отъ отца было въ ея глазахъ пустякомъ; ее не смущало, что дѣти тосковали объ отцѣ. Не могло быть и рѣчи о нѣжности, состраданіи, сочувствіи къ ни въ чемъ неповиннымъ дѣтямъ, лишь бы ей выказать свою жестокость по отношенію къ ненавистному мужу.

Въ своей жалобѣ она взвела на мужа двадцать различныхъ обвинительныхъ пунктовъ, изъ которыхъ большая часть были ложны или легко опровергаемы. Онъ,

будто бы, былъ грубъ (когда она въ лицо лгала ему); онъ, будто бы, отдалялся отъ нея (когда она отталкивала его или продавала ему свое расположеніе); онъ, будто бы, былъ въ отношеніи ея скупъ (тогда какъ она сама зарабатывала переводами, но эти деньги относила въ банкъ или тратила на себя) и т. д.

Стоять передъ судомъ и обличать свою жену даже и въ сводничествѣ дочери — это запрещало ему его «рыцарство». Поэтому онъ послалъ на судъ адвоката, которому далъ полную довѣренность и который каждый разъ, когда его спросятъ, что онъ можетъ заявить, долженъ былъ неизмѣнно отвѣчать: «ничего». Спорить относительно дѣтей онъ не хотѣлъ, потому что они больше нуждались въ матери, чѣмъ въ немъ. Если бы онъ рѣшился обороняться, жалуясь въ свою очередь на жену, что весьма возможно, то онъ сохранилъ бы и дѣтей и имущество. Но теперь ясно было, что онъ лишился всего; онъ въ этомъ былъ увѣренъ, тѣмъ болѣе, что судья былъ извѣстенъ какъ сторонникъ женщинъ.

Тѣмъ временемъ фру Брита сидѣла въ Сторѣ и распоряжалась по-своему. Бонну, конечно, удалили, и младшія дѣти были въ загонѣ. Предоставленные самимъ себѣ и чужой боннѣ, они грустно шатались изъ стороны въ сторону и все спрашивали объ отцѣ. Сострадательные отвѣчали, что онъ уѣхалъ, а безчувственные, — что онъ былъ выгнанъ. Въ дѣйствительности отецъ не находилъ себѣ мѣста. Онъ изъ города вернулся назадъ въ Сторѣ и снялъ комнату у судьи. Оттуда онъ дѣлалъ вылазки на островъ: отправлялся на пригорки, лазилъ на высокія деревья, только чтобы увидѣть крышу дома, въ которомъ жили его дѣти.

Теперь Эсфирь и Максъ устроились, какъ имъ заблаго-

разсудилось, и они не дѣлали больше тайны изъ своихъ отношеній. У нихъ даже бывали небольшія домашнія сценки, напоминавшія тяжелыя стороны супружеской жизни. Мать присматривалась къ нимъ и долго молчала. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день она отправилась къ молодымъ людямъ и безъ обиняковъ, прямо обратилась къ графу:

— Ну, Максъ, когда думаешь ты жениться?

— Жениться? Никогда!— отвѣтила Эсфирь послѣ нѣ котораго замѣшательства.

— Развѣ Максъ не далъ тебѣ обѣщанія жениться на тебѣ?

— Нѣтъ, напротивъ, — отвѣчала Эсфирь. — Мы дали другъ другу слово никогда не вступать въ бракъ. Не видали мы развѣ такъ много горя у васъ и у другихъ, чтобы побояться дать передъ Богомъ клятву въ томъ, что мы всю жизнь будемъ другъ друга любить? Кто возьмется вполне управлять своими чувствами и расположеніемъ? Кто рѣшится обѣщать весной, что осень не наступитъ?

— Ахъ, значитъ Максъ изъ тѣхъ жениховъ, съ которыми только можно по кладовымъ ходить? Такихъ мы звали во время нашей молодости «женихами-нахлѣбниками».

Графъ привсталъ, но сразу понялъ свое неловкое положеніе, такъ что ничего сказать не могъ.

— Съ какихъ поръ, — спросила Эсфирь, — пришла ты къ такимъ воззрѣніямъ? Ты, которая...

— Теперь, — перебила ее мать. — Теперь, когда я на васъ видѣла примѣръ свободной любви. Когда я слышала ваши вспышки и ваши ссоры, я пришла къ убѣжденію, что и свободная любовь также безумна. Слѣдовательно, бессмысленно обвинять законъ. Я, впрочемъ, была почти увѣрена въ этомъ и раньше, когда я видѣла, что дамы, быв-

шія на содержаніи, и мужчины, ихъ содержавшіе, такъ же несчастны, какъ и люди, состоящіе въ законномъ бракѣ, и что имъ такъ же трудно разойтись, несмотря на то, что они, казалось бы, свободны. Въ этомъ вина не брака, а причина этому лежитъ въ сути вещей. Любовь есть борьба не на животь, а на смерть, и враждующія стороны должны дать жизнь новой сильной особи, имѣющей право на жизнь. Эти права охраняютъ государство и церковь, являющіяся опекунами всѣхъ дѣтей. Идите же, заявите, и пусть васъ огласятъ въ церкви. Содержаніе и квартиру вы у меня найдете, но денегъ не ждите.

— Но какъ же наша клятва?

— Ее беретъ на себя государство. Впрочемъ, есть разводъ, который можетъ разрѣшить челоуѣка отъ клятвы.

Разговоръ былъ этимъ исчерпанъ, и они разстались, чтобы снова встрѣтиться за ужиномъ.

На молодыхъ людей, когда они остались одни въ комнатѣ Эсфири, напало раздумье.

— Намъ необходимо обвѣнчаться, — заявилъ графъ, — а то погибнетъ уваженіе ко мнѣ, да я и самъ не буду себя уважать.

— Мнѣ все равно, пусть будетъ вѣнчаніе, — отвѣтила Эсфирь, — только мы никогда не должны селиться вмѣстѣ, а то мы сдѣлаемся врагами, въ этомъ я увѣрена. Законная свобода! На это я согласна, но я не желаю законнаго принужденія.

— Хорошо! Но должна быть вѣрность, пока длится связь, — замѣтилъ графъ.

— Вѣрность? Это значило бы другъ друга связать...

— Вѣдь мы связываемся даннымъ словомъ, а слово надо умѣть держать, этимъ свѣтъ держится.

Этого Эсфирь понять не могла.

— Это противно моей природѣ, — отвѣтила она.

— Потому что твоя природа — это вѣроломство! — вырвалось у графа.

Въ это мгновеніе что-то порвалось, и зажглась искра. Впервые въ ихъ жизни вспыхнула борьба половъ. Этого вопроса раньше для нихъ не существовало, и они жили, не задумываясь надъ естественнымъ различіемъ половъ. Теперь же они сидѣли другъ передъ другомъ какъ мужъ и жена, обнаженные послѣ грѣхопаденія, послѣ того какъ они вкусили плода съ древа познанія добра и зла.

— Замѣчаешь ли ты, — началъ послѣ зловѣщей паузы Максъ, — что мы теперь ненавидимъ другъ друга?!

— Какъ мужъ и жена — да.

— Въ такомъ случаѣ различные помы должны быть врагами?

— Несомнѣнно, какъ сѣверный и южный магнитные полюсы.

— Въ такомъ случаѣ любовь есть ненависть, и супружество держится ненавистью, а не любовью.

Странно; что именно, когда они произносили эти полныя ненависти слова, ихъ притяженіе другъ къ другу усилилось, и что-то ихъ сильно связывало одного съ другимъ, что-то похожее на любовь, но казавшееся бѣшеной ненавистью. Онъ смотрѣлъ на нее огненными взорами, приблизился къ ней, какъ будто желая ей причинить зло, опалить, уничтожить.

Она же, возбужденная разговоромъ, вспомнила свое приниженное положеніе женщины, не могущей ничего дать и скрывавшей это подъ громкими словами, будто «она все отдала, она себя отдала», и она отскочила какъ дикая кошка, схватила со стола разрѣзальный ножъ и крикнула:

— Я ненавижу тебя!

Это значило: «Я боюсь тебя въ эту минуту, потому что, если ты теперь получишь мое согласіе, то я девять мѣсяцевъ буду служить какъ бы птичьимъ гнѣздомъ для твоего дѣтеныша! Для твоего! Этого я не хочу! Я не желаю выводить твое яйцо. Я не хочу быть твоей нивой, въ которую ты сѣешь...»

Онъ слѣдилъ за ея молчаливыми мыслями и внутренно отвѣчалъ ей: «Ты жнешь, гдѣ я сѣю; ты уходишь отъ меня съ моимъ ребенкомъ, хотя я вложилъ въ тебя его зачатокъ. Ты, воровка, хочешь вычеркнуть меня и мое участіе, когда родишь моего ребенка (вѣдь онъ мой, потому что я далъ импульсъ жизни). Я ясно читаю въ твоихъ глазахъ, что ты способна отрицать во мнѣ отца и сама готова признать себя распутной, только чтобы лишить меня моей собственности; ты будешь съ гордостью прогуливать по улицамъ моего ребенка и хвастаться моимъ твореньемъ. Унизить мужчину—это конечная цѣль женщины!»

Затѣмъ имъ стало стыдно. Каждый сѣлъ въ противоположный уголъ дивана, и оба надулись.

Скоро все началось сызнова.

— Да, — началъ опять графъ, — теперь ты отталкиваешь мою просьбу, и я не имѣю права сердиться; если же я не исполню твоего приказанія, то ты считаешь себя въ правѣ негодовать!.. Возможно ли, чтобы благоразумные люди дрались какъ кошки! Страсть и ненависть — вотъ гдѣ любовь! Она должна быть выше всего на свѣтѣ, однако, въ сущности, принадлежитъ къ низшимъ областямъ. Вѣдь ты мой врагъ, скажи же—что такое любовь?

— Разобщеніе!

— Bravo! И она поглощаетъ большую часть нашей жизни и наши лучшіе помыслы! Знаешь ли, Эсфирь, идеалистомъ

я не былъ никогда, но вижу, что дѣйствительность служить несомнѣнно карриатурой нашихъ міровоззрѣній. Все низко и ложно; бываютъ минуты, когда я чувствую правду въ древнемъ сказаніи: «Проклята земля въ дѣлахъ твоихъ». Бываютъ часы, когда я вѣрю, что сумасшедшій Стагнеліусъ былъ правъ, жалуясь на то, что наши души были раньше въ тѣлахъ животныхъ. Мы ведемъ себя подобно животнымъ: мы цѣлуемся тѣмъ же ртомъ, которымъ воспринимаемъ пищу! Можно ли послѣ этого гордиться быть человекомъ! Нѣтъ! Это одинъ позоръ, и мы должны были бы вѣчно стыдиться. Дарвинисты правы въ томъ, что тѣло человѣческое есть усовершенствованное тѣло животного, но они забываютъ, что душа живетъ самостоятельно, имѣетъ небесное происхожденіе, хранитъ воспоминаніе о звѣздахъ и что это тѣло наше служитъ ей лишь футляромъ. Справедливо вѣрованіе египтянъ о переселеніи душъ, но я думаю, мы уже странствуемъ подъ этимъ обезьяновиднымъ покровомъ. Знаешь ли ты, что когда я однажды былъ въ школѣ плаванія и видѣлъ эти бѣловато-розово-желтые человѣческія тѣла, меня поразило сходство, — не съ обезьянами, но съ молодыми свиньями, которыя также свѣтло-розовые и лишены шерсти. Ты знаешь, на меня нападаютъ минуты, когда я буквально мѣста себѣ не нахожу въ своей кожѣ, когда я хотѣлъ бы выйти изъ своей шкуры. Я начинаю вѣрить въ старое сказаніе; я вѣрю въ грѣхопаденіе, потому что съ той минуты, какъ мы съ тобой пали, мы только презирали другъ друга. Первое время, когда я любилъ тебя, я не видѣлъ твоего тѣла; я только видѣлъ въ тебѣ твою душу, и она была прекрасна и добра. Потомъ появился дьяволъ и животное. Тогда я въ тебѣ, въ твоихъ глазахъ, увидѣлъ животное. Мнѣ казалось, что глаза твои стали мертвымъ раскрашеннымъ фарфоромъ и походили

на эмалевые глаза на вывѣскѣ оптика. И мнѣ стало страшно... Однако мы должны жениться! Мы должны погрязнуть въ тинѣ кухни и дѣтской, ты и я, какъ и всѣ. Нечего сказать, благословенное супружество, съ которымъ любовь ничего общаго не имѣетъ, въ которомъ за чудеснымъ моментомъ зачатія слѣдуетъ всегда ругань и ссора; въ которомъ процвѣтаютъ всѣ пороки и въ которомъ добродѣтель, если она проявляется, есть вина, могущая стать основаніемъ къ разводу. У меня есть женатый пріятель, на котораго жена подала жалобу, ссылаясь на его холодность. Передъ судьей онъ выразился слѣдующимъ образомъ: «Жена моя жалуется на меня за холодность. У насъ съ ней за годъ супружеской жизни только одинъ ребенокъ; если бы я былъ женатъ въ Константинополь, то я могъ бы уже имѣть до двухсотъ дѣтей; и все же она жалуется! Двѣсти!» Но ты знаешь, люди не любятъ, когда обвиняемый защищается...

Раздался звонокъ къ ужину, и имъ пришлось ити внизъ.

За ужиномъ настроеніе было натянутое. Дѣти тоже сидѣли за столомъ. По ошибкѣ мальчику дали кольцо отъ салфетки отца. Онъ, сидя за столомъ, взялъ въ руки кольцо и прочелъ изображенный на немъ вензель; губы его шевелились, но беззвучно. Однако фру Брита слышала и поняла и рѣзкимъ движеніемъ выхватила у сына кольцо.

Мальчикъ покраснѣлъ и опустилъ глаза. Потомъ, помолчавъ, онъ спросилъ:

— Можетъ ли одинъ человекъ, запретить другому думать?

Отвѣта не послѣдовало. Въ этомъ выраженіи «человѣкъ» и «другой» чувствовалось столько сознанія собственного достоинства, что это ставило ребенка на одинъ уровень съ

матерью. Это взволновало ее, въ особенности потому, что въ ребенкѣ она услышала голосъ отца. Этотъ человекъ, котораго она, казалось, стерла съ лица земли, опять восталъ, сѣлъ за свой столъ, говорилъ и дѣлалъ ей упрёки. Неужели онъ будетъ ей мстить черезъ дѣтей? Неужели душа его еще будетъ жива въ этомъ домѣ, откуда онъ изгнанъ? Она въ эту минуту преисполнилась неимовѣрной ненависти къ ребенку, и, когда мальчикъ по разсѣянности или невольно снова взялъ въ руки кольцо отъ салфетки, мать въ раздраженіи встала и отодрала сына за ухо. Спокойно, холодно, съ полнымъ соблюденіемъ и съ увѣренностью взрослого мальчикъ произнесъ слѣдующія слова, надъ значеніемъ которыхъ онъ не задумался.

— Не пугай меня, мама, а то ты умрешь!

Что онъ хотѣлъ этимъ сказать? Имѣли ли эти слова особое значеніе? Кто знаетъ? Дѣти могутъ иногда поразить насъ въ томъ отношеніи, что порою въ ихъ маленькомъ недоконченномъ тѣлѣ какъ бы вложенъ готовый созерцательный разумъ. Однако у нихъ, видимо, созрѣло и животное тѣло: оно лишь въ уменьшенномъ масштабѣ, и часто, глядя на ребенка, получаешь впечатлѣніе, что видишь человека въ миниатюрѣ. Эти внезапныя замѣчанія, которыя порой слышишь отъ ребенка, отнюдь не всегда наивны, они часто такъ же глубоко обдуманны, какъ у взрослыхъ. Недавно я прочелъ въ запискахъ великаго государственнаго дѣятеля, что, насколько онъ помнитъ, онъ уже мальчикомъ былъ такъ же уменъ, какъ потомъ взрослымъ. Если это такъ, то къ чему воспитаніе? Для подавленія и угнетенія!

Въ наказаніе мальчикъ долженъ былъ быть запертымъ въ темную комнату. Мать взяла его за руку; всѣхъ охватило смущеніе, и графъ Максъ готовъ былъ въ это вмѣшаться, какъ вдругъ всѣ прислушались.

Изъ сада донесся громкій крикъ, похожій на вой домашняго животнаго...

— Вѣдь зимой скотину не выгоняютъ наружу?—прервалъ графъ неловкое молчаніе.

Отвѣта не послѣдовало, но мать поблѣднѣла и оставила мальчика; его лицо прояснилось и приняло то выраженіе душевнаго умиротворенія, которое свойственно лицамъ умирающихъ. Мать и онъ одни поняли этотъ крикъ. То былъ отецъ! Мужчина, не умѣющій плакать слезами, рычить отъ горя. Онъ въ темный зимній вечеръ подошелъ къ дому, чтобы увидѣть хоть въ окно своихъ дѣтей!

Фру Брита схватилась за грудь и, ни слова не говоря, вышла изъ комнаты.

Когда позднѣй молодые люди справились о ней, горничная отвѣтила, что она больна и слегла въ постель.

* * *

На слѣдующее утро фру Брита чувствовала себя еще нехорошо, но не позвала доктора и никого не пожелала видѣть. Она писала свои распоряженія по дому на клочкахъ бумаги. Молодые люди, Эсфирь и Максъ, получили въ это утро слѣдующее приказаніе: «Немедленно отправляйтесь въ городъ и заявите о своемъ желаніи вступить въ бракъ»

Они поѣхали.

Послѣ облавы на разнаго рода чиновниковъ они получили необходимыя, какъ имъ казалось, бумаги и отправились въ канцелярію пастора, чтобы тамъ просить объ оглашеніи.

Они прошли черезъ переднюю, похожую на маленькій коридоръ, и вошли въ канцелярію, напоминающую кори.

доръ пошире. На полу снѣгъ и грязь, окна ничѣмъ не завѣшены, по стѣнамъ деревянныя лавки, нѣсколько конторокъ,—въ общемъ неуютно и затхлый воздухъ. Тутъ сидѣли грѣшники, рѣшившіе связать на все прохожденіе жизненнаго пути судьбу свою бракомъ; тамъ стоятъ и сидятъ родители, желавшіе посвятить къ борьбѣ новорожденнаго и дать ему имя; дальше сидѣли и стояли люди, желавшіе дать погребеніе родственнику, что тоже не легко. Ничто не легко, ни входъ, ни выходъ. На это молодые люди оба обратили вниманіе, когда сѣли и принялись ждать.

Какіе-то мрачные люди что-то записывали въ книги и вычеркивали что-то; предлагались никому не нужные и назойливые вопросы. Имя отца? Неизвѣстно. Уже были въ замужествѣ? Быть можетъ, въ разводѣ? Позвольте взглянуть, каковъ поводъ развода? Его съ собой не имѣю. Ребенокъ крещенъ? Да, но не здѣсь. Гдѣ? Въ Америкѣ! Вы должны туда написать!

— Писать, писать, писать!

— Этотъ видъ попеченія, по-моему, нѣсколько своеобразенъ,—замѣтилъ шопотомъ графъ... —Канцелярская работа счетоводныя книги, черновыя тетради. А сидятъ все государственные чиновники! Дядюшка Генрикъ называетъ это приходской конторой, но вѣдь это просто публичная исповѣдальня:—Были ли вы у причастія?—Какое имъ до этого дѣло! И всѣ они любезностью не отличаются. Такъ звучитъ все жестко въ устахъ этихъ слугъ Господа.

Залъ на нѣкоторое время опустѣлъ, и тотъ, который казался начальникомъ стола, перевелъ духъ и вытеръ платкомъ свои очки. Онъ производилъ впечатлѣніе очень свѣтскаго пастора, такъ какъ весьма игриво принялся рассказывать анекдоты о женщинѣ, которая въ прошлую субботу помолвилась съ совершенно безумнымъ человекомъ. Огля-

нувшись и увидя дочь всѣмъ извѣстной фру Бриты, которая тоже заставила и о себѣ говорить по поводу своей жизни въ Упсалѣ, онъ покраснѣлъ до корня волосъ. Когда въ эту минуту прошелъ къ камину кистерь съ охапкой дровъ, онъ не могъ удержаться, чтобы не сказать:

— Затопите, какъ слѣдуетъ, Зѣдерстромъ, чтобы весь каминъ раскраснѣлся; онъ долженъ стать краснымъ, краснымъ для красныхъ!

— Онъ, кажется, издѣвается надъ нами? — шепнулъ опять графъ.

Находящіеся въ конторѣ поддержали начальника легкимъ смѣхомъ; онъ же, довольный успѣхомъ, продолжалъ дальше.

— Тутъ, кажется, только что былъ какой-то олухъ, который интересовался подробностями послѣдняго развода? — спросилъ онъ кистера.

Тотъ пробормоталъ что-то невнятное.

— Ахъ, да, онъ собирался жениться; что же — увозомъ или вѣнчаньемъ?

— Вѣдь это чистый балаганъ! — опять шепнулъ графъ. — Не уйти ли намъ? Какъ ты думаешь, Эсфирь?

— Нѣтъ. Подумай о матери!

— Но вѣдь это гадость! Я ухожу!

Въ комнату опять вошелъ служитель съ можжевельнымъ вѣнникомъ въ рукахъ; онъ зажегъ его въ комнатѣ и пронесъ по всему залу. Это дѣлалось потому, что въ то время въ той мѣстности царилъ какая-то эпидемія, и присутственныя мѣста приказано было обкуривать. Это опять возбудило остроуміе пастора.

— Молодецъ, Зѣдерстромъ, выкурите-ка нигилистовъ!

— Это невѣроятно! — сказалъ шопотомъ графъ. — Это какіе-то хулиганы! Пропойцы-студенты, если имъ не удастся

окончить высшую школу, становятся духовными лицами и тогда они считают себя въ правѣ читать нотации другимъ. Нѣтъ, знаешь ли, это никуда не годится, и я предпочитаю самъ заботиться о своей душѣ.

Въ эту минуту вошелъ самъ настоятель. Это былъ просвѣщенный и достойный пасторъ. Онъ прочелъ поданное ему прошеніе.

— Тутъ написано «господинъ Адельстормъ»,— обратился онъ любезно къ Максу,— но вѣдь должно значиться «графъ Адельстормъ».

— Да, но мой отецъ, служащій кассиромъ въ одномъ банкѣ, отбросилъ титулъ, который лишь придаетъ нѣкоторую ложную претенціозность...

Пасторъ скорчилъ удивленную мину.

— Я же,— продолжалъ графъ,— послѣдовалъ примѣру отца, въ особенности принимая во вниманіе, что теперь всѣ эти титулы — вещь весьма устарѣлая.

Пасторъ омрачился, потому что онъ негодовалъ противъ этихъ новшествъ; но, однако, онъ продолжалъ:

— Господинъ графъ,—извините пожалуйста, я невольно, говоря съ вами, сохраняю вамъ вашъ титулъ,—господинъ графъ, развѣ вы не восприняли крещеніе? Я тутъ не вижу свидѣтельства о крещеніи?

— Крещень? Нѣтъ, кажется, я не крещень.

— Вамъ кажется, что вы не крещены? Ну, такъ я не могу дѣлать оглашенія.

— Что же намъ дѣлать, Эсфирь? Я ничего не понимаю, господинъ пасторъ. Если не узаконить бракъ, не вѣнчаться, то васъ отлучаютъ отъ церкви; если же желаешь вѣнчаться, то являются необычайныя затрудненія. Почему вы хотите ставить препятствіе въ такой простой вещи? Вы, между прочимъ, требуете также доказательство

того, что желающій вступить въ бракъ холостъ! Какъ это доказать?

— Я дѣйствую сообразно полученной инструкціи...

— Я же такъ поступать не могу, и потому... потому мы пойдѣмъ своей дорогой.

— Подождите минутку, — продолжалъ пасторъ. — Давайте, мы еще ознакомимся съ свидѣтельствомъ невѣсты. Тутъ значитъ: не конфирмована! Да, тогда опять дѣло не пойдетъ. Миѣ очень жаль, но я ничего сдѣлать не могу.

Наступилъ чередъ Эсфири. Она обѣщалась матери; и кромѣ того передъ ней встало воспоминаніе объ отцѣ, когда онъ на берегу моря обнялъ ее въ день ея помолвки, которая была, конечно, какъ бы преддверіемъ къ созиданію новой семьи.

— Не можете ли вы намъ помочь, господинъ пасторъ? — спросила она съ ноткой отчаянія въ голосѣ, что придало ей извѣстную прелесть.

— Нѣтъ, друзья мои, этого я не могу, такъ какъ я предполагаю, что вы, господинъ графъ, не будете теперь креститься, а вы не захотите конфирмоваться.

— Нѣтъ, — отвѣтила жалобно Эсфирь, — потому что мы въ ваше ученіе не вѣримъ. Но причина ли это для того, чтобы родители и родственники насъ за то отвергли и презирали? Это было бы слишкомъ строго!

Пастора невольно тронуло, что они, предпринимая столь важный шагъ, все же ищутъ опоры. Въ жертвѣ, въ уступкѣ, которую они рѣшили принести родителямъ, онъ находилъ тоже нѣчто прекрасное; хотя, строго говоря, они въ данномъ случаѣ жертвовали своей совѣстью.

— Я долженъ признаться... — началъ было онъ.

Столоначальникъ кашлянулъ, что означало: «Не признавайтесь ни въ чемъ!»

— Я во всякомъ случаѣ долженъ признаться...

— Господинъ пасторъ,— прервалъ бухгалтеръ. И до признанія дѣло не дошло.

Когда молодая парочка вышла на улицу, графъ не могъ больше совладать съ собою.

— Фуй! — воскликнулъ онъ. — Что за порядки!

Тѣмъ временемъ пасторъ догналъ ихъ; онъ ласково взялъ въ руки боа Эсфири.

— Фрекенъ! — началъ онъ, — согласитесь принять конфирмацію; вѣдь это одна лишь формальность. А вы, господинъ графъ, примите крещеніе; это не страшно: только немножко воды!

— Развѣ это только формальности? — спросилъ графъ Максъ, — и только немного воды? Ну, въ такомъ случаѣ... большое спасибо за сообщеніе, господинъ пасторъ... А подумайте-ка, мы-то, глупые, полагали, что тутъ что-то другое! Пойдемъ, Эсфиры!

Они пошли.

— Думаешь ли ты, — спросилъ графъ Максъ, — что онъ дѣйствительно считаетъ, что все это одна формальность?

— Нѣтъ, — отвѣтила Эсфирь, готовая расплакаться. — Это хорошій человѣкъ, который хотѣлъ насъ ободрить и утѣшить. Поэтому-то онъ такъ и говорилъ.

— Теперь, Эсфирь, я здѣсь, на улицѣ, мысленно цѣлую тебя за то, что ты хорошо судишь о человѣкѣ!

— Можно вѣдь и попу сочувствовать!

— Даже и попу! Да, но теперь мы убѣдились въ томъ, что отъ церкви цѣликомъ зависитъ совершеніе и расторженіе браковъ. Пусть дѣлаютъ, что хотятъ.

— Но что мы теперь будемъ дѣлать?

— Мы пойдемъ сейчасъ къ Холгеру въ редакцію и расскажем всю эту исторію.

— Да, такъ мы и сдѣлаемъ.

Газета ушла значительно впередъ съ тѣхъ поръ, какъ получила въ лицѣ юнаго редактора новаго хозяина. Храбрый, свободный отъ всякихъ предразсудковъ, онъ собралъ въ свой аккумуляторъ всѣ разумныя теченія: либерализмъ, немного социализма, цѣликомъ весь женскій вопросъ, немного теософіи, покровительство животнымъ, спортъ, космополитизмъ на патріотической почвѣ, принципиальная свобода торговли съ протекціонизмомъ, если это было необходимо.

Этотъ эклектизмъ производилъ впечатлѣніе, будто онъ имѣлъ цѣлю увеличеніе числа подписчиковъ, но у него были и другія основанія. Когда на исходѣ восьмидесятыхъ годовъ шведское земледѣліе находилось въ дѣйствительной опасности, то въ Палатѣ былъ возбужденъ таможенный вопросъ, и это привело всю страну въ смятеніе. По обыкновенію, вопросъ былъ поставленъ невѣрно: или таможня, или свободная торговля. И вся нація раздѣлилась на два лагеря—на желудокъ и члены тѣла,—но никто хорошо не зналъ, на чьей сторонѣ желудокъ. Таможня одержала верхъ, и крестьяне рѣшили, что они спасены. Но на слѣдующій годъ былъ недородъ въ Россіи, и шведскіе крестьяне, которымъ приходилось покупать хлѣбъ, испугались голода. Тогда отмѣнили таможню на ввозъ хлѣба, и вся таможенная борьба съ Россіей ограничилась потерей ремени и силъ, а побѣдители оказались побѣжденными. Мы, ставшіе въ началѣ нынѣшняго столѣтія свидѣтелями того,

какъ оставлены были англичанами теоріи свободной торговли, пришли поневолѣ къ заключенію, что экономическая жизнь страны движется не по тѣмъ законамъ, какъ можно было думать. Свободная торговля означаетъ, конечно, что нѣсколько государствъ могутъ свободно производить обмѣнъ своими товарами. Въ такомъ случаѣ, пожалуй, теряешь на одномъ, но выгадываешь на другомъ, и въ общемъ выгода и убытокъ уравниваются. Но если одно государство объявляетъ: «я свободно торгую», а другія въ то же время находятся подъ протекціонизмомъ, то это значитъ—себя самого грабить, и это, кромѣ того, совершенная бессмыслица, такъ какъ международныя отношенія основаны на договорѣ между нѣсколькими государствами. Это значитъ то же самое, что разоружаться въ военное время.

Тотъ, кто пережилъ таможенную борьбу и убѣдился, что ни на одной сторонѣ нѣтъ абсолютной правды и неправды, тотъ сталъ осторожнѣе. И это составляетъ знаменательную черту конца прошлаго столѣтія: осторожность, обдуманность. Прежде это называлось компромиссомъ въ дурномъ смыслѣ и торгомъ, скептицизмомъ въ смыслѣ дряблости характера и взглядовъ. Теперь это исчезло, и одинъ дѣйствительно получалъ отъ другого; одинъ поучался у другого; одинъ давалъ барышъ вмѣсто другого. Общественные классы перемѣшались; стоило взглянуть въ родословномъ спискѣ, сколько буржуазныхъ именъ связались съ аристократическими и какія незначительныя должности оказались замѣщенными носителями аристократическихъ именъ. Государство поддерживало социализмъ, а социалисты побѣждали анархизмъ. Періодъ разобщенія смѣнялся періодомъ соединенія, и люди силились понять другъ друга. Многое изъ новаго оказалось неудавшимся опытомъ, но вѣдь необходимы и опыты съ отрицательными результатами,—они

приносятъ свою косвенную пользу. Алхимики, пожалуй, золота не нашли, но они обрѣли купоросное масло, что гораздо болѣе полезно.

Инженеръ Боргъ, достигнувъ власти, убѣдился очень скоро, что безцѣльно добиваться господства одного какого-нибудь ясно выраженнаго взгляда и преслѣдовать другіе, такъ какъ въ этомъ случаѣ сейчасъ же замѣчалась убыль подписчиковъ. Барометромъ являлся кассиръ; онъ по своимъ книгамъ видѣлъ, куда вѣтеръ дуетъ. Даже, если бы редакторъ рѣшился не обращать вниманія на матерьяльный ущербъ, онъ не могъ не замѣтить, какъ съ отпаденіемъ подписчиковъ уменьшалось вліяніе газеты. Онъ такимъ образомъ очень скоро потерялъ вѣру во всемогущество прессы и понемногу втянулся въ положеніе слуги вмѣсто того, чтобы быть господиномъ. Отъ этого дѣла процвѣтали. Молодая парочка имѣла теперь большую квартиру и трехъ прислугъ; помѣщеніе редакціи тоже расширилось. Въ контору редакціи входили и изъ нея выходили министры, крестьяне, рабочіе, генералы, актеры и артисты. Вліяніе было неоспоримое, но власть измѣнялась пропорціонально силѣ, которой газета подчинялась. Повинуйся и господствуй!

Сегодня въ редакціи было шумно. Нѣкоторые сотрудники пользовались газетою для своихъ особыхъ цѣлей. Каждая замѣтка, даже самая невинная, имѣла свое таинственное значеніе: она должна была доставить автору чью-нибудь помощь, извѣстныя выгоды, или успокоить недовольство. Театральный рецензентъ присвоилъ себѣ раньше другихъ вліятельное положеніе, которымъ онъ злоупотреблялъ для того, чтобы господствовать и играть роль значительнаго человѣка, тогда какъ онъ ничего изъ себя не представлялъ. Опираясь на дамскихъ любимчиковъ, онъ игралъ человѣческими судьбами то въ одну, то въ другую

сторону. Онъ поддерживалъ въ особенности тотъ театръ, который получилъ прозваніе «придворнаго поставщика». Онъ представлялъ гораздо болѣе слабыя силы, чѣмъ второй театръ, но пользовался королевскимъ покровительствомъ, государственной субсидіей, и служащіе въ немъ считались чиновниками дворцоваго вѣдомства.

Инженеру Боргу положеніе обоихъ театровъ не было извѣстно, но его раздражало то, что худшій изъ нихъ пользовался поддержкой, и это препятствовало процвѣтанію лучшаго. Что тутъ были какія-то грязныя исторіи,—это онъ тоже зналъ, но въ это не вмѣшивался. Зато онъ совершенно игнорировалъ ту интимную роль, которую игралъ его рецензентъ въ дворцовомъ увеселительномъ театрѣ. Онъ разразился въ газетѣ статьей о «незаконной поддержкѣ» и, такимъ образомъ, ступилъ на огородъ собственнаго рецензента. За этимъ послѣдовало полное разоблаченіе и выяснилось, что именно его газета и поддерживала злоупотребленія и безобразіе. Это было неприятно: инженеръ Холгеръ зашелъ дальше, чѣмъ желалъ бы, онъ прикоснулся невольно къ тухлому яйцу. Хотя жалоба противъ него возбуждена не была, но объ этомъ толковали въ высшихъ сферахъ и готовились къ борьбѣ противъ редакціи.

Въ самый разгаръ этого инцидента вошли въ редакцію графъ Максъ со своей Эсфирью, чтобы переговорить съ Холгеромъ. Они застали его въ раздраженномъ настроеніи, и онъ радъ былъ случаю, дававшему ему, наконецъ, возможность кого-нибудь распушить. Онъ привѣтствовалъ сестру и Макса, котораго называлъ зятемъ и за такого его и считалъ, такъ какъ онъ вполнѣ раздѣлялъ воззрѣніе молодежи, что помолвка есть уже достаточное основаніе къ разрѣшенной связи.

— А! вы пришли изъ приходской конторы, и оттуда васъ вытурили! Очень надо было вамъ туда ходить! Настоящія дѣти церкви являются ея пасынками; евреи, приверженцы свободной церкви, мормоны — всѣ они безъ особыхъ затрудненій вступаютъ въ бракъ; намъ же, послѣдователямъ единой Церкви, это не всегда легко. Слушайте-ка, если вамъ этого ужъ очень хочется, я васъ самъ обвѣнчаю и въ своей газетѣ оглашу васъ первый, второй и третій разъ.

— Мы бы пренебрегли всѣми формальностями, если бы не настояніе матери.

— Да, мать? А что съ ней?

— Она жаловалась на нездоровье и слегла въ постель послѣ одного случая...

— Да, со старикомъ, собственно, поступили нехорошо, но въ наше время приходится бороться за свою собственную шкуру, и кто въ борьбѣ падаетъ, тотъ лежитъ безъ отмщенія.

Въ сосѣдней комнатѣ раздался звонокъ телефона.

— Извините! — и Холгеръ покинулъ молодыхъ людей. Черезъ полурастворенную дверь доносились до нихъ отдѣльные возгласы Холгера, разговаривающаго по телефону.

— Что вы говорите? О, Боже!.. Невѣроятно! Да, они сидятъ у меня здѣсь, въ сосѣдней комнатѣ; я ихъ сейчасъ же пришлю! Это ужасно! Говорятъ, что это отецъ?.. Нѣтъ, невозможно! И попъ въ это вѣритъ? О, Боже!.. Знаете... знаете... Галло!.. Былъ ли врачъ? Что же онъ сказалъ?.. Нѣтъ наружнаго знака насилія!.. Да, пока прощайте; они пріѣдутъ съ первымъ отходящимъ парходомъ!

Холгеръ вошелъ въ комнату блѣдный.

— Какой ужасъ! Какой ужасъ!.. Мать скончалась! Лежитъ мертвая у себя въ постели!

— Мать умерла?

— Да, и хуже всего, что люди говорятъ... будто отецъ заподозрѣнъ... потому, что только такимъ образомъ можетъ быть прекращено его дѣло!

— Это ужасно! — воскликнула Эсфирь, не знаящая хорошо, кому она въ эту минуту симпатизировала. — А что говорить врачъ?

— Онъ другой причины смерти не видитъ, кромѣ разрыва сердца.

— Значить, намъ надо немедленно ѣхать домой!

Не выпало изъ глазъ ни одной слезинки; не пробудилось иного чувства, кромѣ глубокаго, серьезнаго удивленія. Жизнь съ ея грубыми проявленіями была имъ извѣстна; съ самаго начала эти люди были ко всему готовы и знали, что въ борьбѣ, въ вѣчной борьбѣ за все долженъ былъ кто-нибудь пасть.

Когда Эсфирь и Максъ достигли виллы въ Сторѣ, они увидѣли окна комнаты матери завѣшенными бѣлыми простынями. Въ залѣ ихъ встрѣтили младшія дѣти, одѣтыя въ черное. Они смерти не понимали, и имъ было хорошо въ этой тишинѣ и молчаніи, смѣнившихъ бурную атмосферу дома.

— Мама умерла! — воскликнулъ мальчикъ, какъ бы объявляя нѣчто пріятное и не безъ гордости оттого, что онъ первый можетъ удивить новостью.

Войдя съ бонной въ комнату матери, Эсфирь вспомнила, что она медичка и, освидѣтельствовавъ покойницу, признала несомнѣнную смерть. Выраженіе лица было какъ разъ то, которое она видѣла у матери въ моментъ послѣдняго свиданія, когда изъ сада донесся крикъ отца. Это

навело ее на мысль о психической причинѣ смерти. Есть, слѣдовательно, въ насъ что-то, что называется душой, есть чувства, и тому подобныя душевныя движенія, которыхъ нельзя выводить изъ клѣтокъ и тканей!

— Приходилъ ли когда-нибудь въ домъ отецъ, послѣ того какъ онъ отъ насъ уѣхалъ? — спросила она у бонны.

— Нѣтъ, ни разу; но... онъ, вѣроятно, душевно боленъ, потому что его тутъ слышали въ лѣсу... всю ночь и весь день.

— Слышали?

— Да, онъ такъ кричалъ, что мать ваша заснуть не могла. Какъ только она скончалась, онъ замолчалъ.

— Какъ странно! Гдѣ же онъ теперь?

— Говорятъ, онъ живетъ у пастора.

Эсфирь спустилась къ Максу, который сидѣлъ у рояля, дѣлая видъ, что играетъ, не прикасаясь къ клавишамъ.

— Думаешь ли ты, — спросила она, — что у матери пробудилась совѣсть?

— Нѣтъ, этого я не думаю.

— Что же ты думаешь?

— Да, будь я теософомъ, то я предположилъ бы, что она умерла отъ его горя. Вѣдь его душа, привитая къ ея душѣ, была оторвана и такъ внезапно, что времени не было для медленнаго заживленія: отъ этого и разорвалось ея сердце. Разойтись супругамъ совсѣмъ не такъ легко, какъ люди думаютъ, да и не безопасно. Когда жена невѣрна своему мужу, хотя онъ даже ничего объ этомъ и не знаетъ, но онъ чувствуетъ это, и это побуждаетъ его къ самоубійству. Странно, что обманутый мужъ чаще всего имѣетъ склонность покончить съ собой, повѣсившись на крюкъ. Его желаніе умереть объясняется тѣмъ, что его душа

черезъ его жену вступаетъ въ общеніе съ неизменными свойствами другого мужчины, а чувство самосохраненія души такъ сильно, что онъ согласенъ скорѣй умереть, чѣмъ ее запятнать. Если бы мужчины знали, насколько опасно, смертельно опасно прикасаться къ чужимъ женамъ! И если бы они также знали, какое ничтожное наслажденіе они получаютъ отъ обладанія чужою женою. Они ищутъ женщину, но находятъ мужчину, потому что онъ въ ней и выдвигается впередъ! Недавно бѣжалъ одинъ милліонеръ съ женою другого. Они уѣхали далеко, на Востокъ. Но, соединившись, они никакъ не могли принадлежать другъ другу. Поэтому онъ кончилъ тѣмъ, что выстрѣлилъ въ нее, а затѣмъ въ себя.

— Они не могли?

— Нѣтъ! Это онъ написалъ въ послѣднемъ письмѣ къ мужу, бывшему его другомъ и снова ставшему тѣмъ же въ часъ его смерти! Другой случай! Мужъ бросилъ жену, потому что они не сошлись характерами. Черезъ годъ онъ женился вторично на молодой дѣвушкѣ. Войдя послѣ свадьбы въ комнату молодой, онъ нашелъ въ супружеской постели свою первую жену. Это, конечно, была не она, но сходство было такое разительное, что онъ пришелъ въ ужасъ и убѣждалъ отъ привидѣнія. Вотъ тебѣ развязка этой загадочной исторіи. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ снова женился, имѣлъ дѣтей и здравствуетъ и понынь.

— Это непріятные рассказы!

— Но они взяты изъ жизни. Присмотрись теперь къ отцу, когда онъ вернется домой, потому что онъ, конечно, вернется, но не прежде, чѣмъ похоронятъ мать. Онъ снова будетъ здоровъ. Онъ не будетъ чувствовать ея потери, увидишь, онъ грустить не будетъ—напротивъ. Но онъ будетъ блѣденъ, какъ покойникъ, и онъ будетъ страдать

въ особенности отъ холода. Онъ будетъ страшно мерзнуть и будетъ плакать, но грустить онъ не будетъ. Онъ начнетъ худѣть. Это слѣдствіе разлуки съ ней. И это обыкновенно длится до года.

— Гдѣ ты все это прочелъ?

— Я объ этомъ не читалъ, а наблюдалъ за самыми заурядными людьми. А когда мужчина полюбилъ, сильно полюбилъ женщину, то ты не можешь не замѣтить преобразованія, происшедшаго въ немъ. Первое — онъ худѣетъ, но не болѣзненно. Всѣ ткани въ періодъ влюбленности становятся тоньше; самъ того не замѣчая, онъ измѣняетъ питаніе. Предпочитаетъ фрукты, молоко и вино, не выносить ничего сырого и дурно пахнущаго. Это тѣло готовится къ возрожденію, готовится воспринять эманацию души. Онъ остороженъ въ своихъ поступкахъ и помышленіяхъ, потому что онъ знаетъ, что теперь все зависитъ отъ него. Онъ издали не хочетъ ее запятнать и онъ знаетъ, что она страдаетъ, если у него злыя мысли. Замѣчала ли ты, какъ наружность его одухотворяется, какъ отъ него свѣтитъ, какъ онъ издаетъ фосфорическій свѣтъ, какъ скучный становится остроумнымъ, глупый — умнымъ, некрасивый — обаятельнымъ? Это сочетаніе души!

— Я этого не понимаю! — прервала Эсфирь.

— Нѣтъ, это я знаю, — отвѣтилъ Максъ, — и вотъ почему наши отношенія должны порваться!

— Порваться?

— Да! Порваться! Потому что я уже отъ тебя отдался!

— Я никогда вполнѣ тобой не обладала! — заявила съ сердцемъ Эсфирь.

— Нѣтъ, ты не могла захватить меня. Ты живешь внѣ моей области.

— И ты говоришь это такъ холодно!

— Я говорю не холодно, но ты такъ это чувствуешь!
Не зябнешь ли ты?

— Да, страшно!

— Вотъ видишь! Есть и другіе источники тепла, кромѣ механической работы и химическаго сродства. Не находишь ли ты, что здѣсь въ комнатѣ дуетъ?

— Да, очень; я чувствую вѣтеръ.

— Это я! Я отнимаю отъ тебя мою ауру. Знаешь ли ты, что значитъ аура? Нѣтъ, это не написано въ твоихъ ветеринарныхъ книжкахъ. Неужели ты никогда мною не владѣла?

— Нѣтъ, однажды... во снѣ!—сказала шопотомъ Эсфирь, вся покраснѣвъ и какъ бы чего-то стыдась.

— Я это зналъ,—возразилъ графъ.—И я знаю, когда это было! Видишь ли, моя дорогая, я думаю, что наши тѣла не выносятъ другъ друга, а это въ супружествѣ бываетъ такъ часто... Однако, ты теперь имѣешь доказательство способности силы души распространяться или кажущейся способности ея выходить изъ себя. Знаешь ли ты, что значитъ ночной духъ? Это душа твоего врага, которая посѣщаетъ тебя. Поэтому, видишь ли, не слѣдуетъ очень близко сходитья съ людьми, потому что тогда они получаютъ силу контакта, а черезъ это возможность или способность войти съ тобой въ общеніе. Я слышалъ о двухъ новобрачныхъ, которые среди ночи были оба разбужены сердцебіеніемъ и чувствомъ какого-то страха. Они не знали, чѣмъ это объяснить. Но затѣмъ они поняли, что это находилось въ зависимости отъ сна, который имъ обоимъ приснился очень смутно, такъ что у нихъ только осталось лишь впечатлѣніе объ одномъ опредѣленномъ лицѣ. Онъ, мужъ, не хотѣлъ назвать это лицо, потому

что это былъ человѣкъ, ухаживавшій за женой еще до ихъ помолвки. Когда же жена произнесла это имя, то мужъ почувствовалъ, что что-то тяжелое отпало отъ него. И вотъ, видишь ли, ихъ мысли и сновидѣнія были встревожены этимъ ночнымъ посѣщеніемъ. Подумай только, какъ строго надо оберегать свои мысли, чтобы не совершить преступленія... Молодые люди и молодыя женщины, спокойный сонъ которыхъ нарушается, встревожены не своими собственными мыслями, какъ это обыкновенно думаютъ, а мыслями другихъ лицъ, тоже спящихъ или бодрствующихъ. Я не могу вспомнить, чтобы въ юности меня посѣщали сладострастные сны, но я часто испытывалъ ощущенія, какъ бы приходившія извнѣ и казавшіяся мнѣ особенно ясными. Но вернемся къ твоему отцу; мое глубокое убѣжденіе, что, самъ того не зная, онъ убилъ твою мать. Онъ заморозилъ ее до смерти, и, если бы ты могла это изслѣдовать, то увидѣла бы, что она умерла отъ холода.

Эсфирь начала ходить по комнатѣ взадъ и впередъ и достала съ вѣшалки платокъ.

— Я боюсь тебя! — сказала она. — Ты тоже убьешь меня холодомъ!

— Сними платокъ твоей матери! — замѣтилъ спокойно графъ. — Онъ такъ пропитанъ ея аурой, и это должно тебя встревожить! Ты можешь отъ этого впасть въ болѣзненное настроеніе...

Эсфирь сбросила съ себя платокъ.

— Кажется, будто крапива на тѣлѣ! — сказала она.

— Одѣяніе Несса! Оно на тебѣ! Видишь ли теперь, какъ чувствительна жизнь души! Ты этого въ микроскопѣ увидѣть не можешь, но убѣждаешься въ этомъ твоимъ пробудившимся внутреннимъ взоромъ.

— Почему ты раньше мнѣ этого никогда не говоришь?

— Если бы я раньше сказалъ все это тебѣ, то насталь бы конецъ нашимъ отношеніямъ, потому что они зиждились лишь на томъ, что я не отнималъ у тебя увѣренности, будто ты меня провела. Но, милая моя, у тебя отъ меня никогда не было тайны. Когда ты въ послѣдній разъ отправилась на балъ безъ меня, ты была на меня зла и рѣшила отомстить мнѣ. Я остался дома и мысленно слѣдилъ за тобой. Когда ты мнѣ измѣнила, когда предала мою голову и мою честь кавалеру, котораго я угадываю, тогда душа моя плакала какъ будто отъ преступленія противъ небесныхъ законовъ. А когда ты допустила, чтобы онъ за дверью поцѣловалъ тебя...

Эсфирь отъ ужаса не могла выговорить ни единого звука, но лицо ея, казалось, говорило. «Какъ можешь ты это знать?» Максъ же, только ждавшій этого нѣмого подтвержденія, продолжалъ:

— ... тогда я испыталъ прикосновеніе грязи ко всему тѣлу и такъ интенсивно, что я сорвалъ съ себя платье и бросился въ ванну. Теперь ты видишь, что жить мы вмѣстѣ не можемъ, такъ какъ ты ничего отъ меня скрыть не можешь! Поэтому-то я и говорю тебѣ «прощай», послѣ того какъ я исполнилъ законъ чести и предложилъ тебѣ обвѣнчаться. Прощай! Теперь я беру назадъ свое слово!

Онъ вышелъ, а Эсфирь осталась стоять среди комнаты, какъ каменное изваяніе.

XIV.

Жалоба была подана, и это возбудило всеобщее вниманіе. Спрашивали, есть ли это доказательство извѣстнаго задора или страха. Королевская власть въ Норвегіи была настолько ослаблена, что король не рѣшался больше пользоваться правами, предоставленными ему основными законами, т.-е. свободнымъ избраніемъ своихъ совѣтниковъ. Монархъ былъ своего рода представителемъ государства только у себя дома, точно такъ же какъ за границей представителями государства являлись посланники. Управлялъ рисдагъ, а монархъ пересталъ быть правителемъ. Во время пріема депутаціи, ходатайствовавшей о поддержкѣ въ важномъ вопросѣ при проведеніи какого-то закона, король жаловался, что онъ въ этомъ дѣлѣ ничего сдѣлать не можетъ, такъ какъ его власть совсѣмъ не такъ велика, какъ думаютъ. Но чѣмъ болѣе слабѣла опора сверху, тѣмъ большій страхъ испытывали безпомощные, добивающіеся поддержки свыше. Они собирались толпами какъ бѣдныя овцы и шли, чтобы скорѣй дойти окольными путями.

Къ невиннымъ средствамъ защиты монархіи принадлежало сохраненіе гегемоніи въ театральномъ мірѣ. Только въ театрѣ народъ дѣйствительно чувствовалъ власть своего монарха. Тамъ онъ бывалъ торжественно принятъ, окруженный свитой своихъ вѣрныхъ, тамъ легкимъ хлопаньемъ въ ладоши указывалъ онъ на то, что должно быть принято съ одобреніемъ и что достойно лишь молчаливой смерти. Когда же вдругъ рисдагъ въ припадкѣ бережливости, или усматривая въ театрѣ своего рода имперскій сеймъ, гдѣ зачастую въ особо тенденціозныхъ пьесахъ выставлялись

въ каррикатурномъ видѣ законодатели рисдага, сократили субсидію, — то въ высшихъ сферахъ заволновались.

Частному театру, весьма развившемуся за послѣднее время и ставившему искусство на значительную высоту, приходилось выдерживать тяжелую конкуренцію съ королевскимъ театромъ, при чемъ средства для борьбы противъ частнаго театра не всегда были безупречны. Такъ, между прочимъ, приверженцы придворнаго театра, сами обитавшіе въ домахъ безусловно опасныхъ въ пожарномъ отношеніи, повліяли на присутственныя мѣста, и частному театру были поставлены тяжелыя противопожарныя правила, ложившіяся на него непосильнымъ бременемъ.

Когда же поднялся вопросъ о закрытіи королевскаго театра, то явилось опасеніе, какъ бы частный театръ не захватилъ разъ навсегда руководящаго положенія, и этому рѣшено было помѣшать. Знать и буржуазіи соединились и составили своего рода театральный консорціумъ, который подъ видомъ патріотической жертвы основалъ лотерейный театръ, который впоследствии долженъ былъ поступить на содержаніе націи, какъ королевскій національный театръ; при этомъ имѣлось въ виду, что рисдагъ не откажется принять троянскій подарокъ. Словомъ, хотѣли сохранить придворный театръ, который содержался бы рисдагомъ, несмотря на его рѣшительный отказъ заниматься театральными дѣлами.

Это хитроумное и нѣсколько наивное выступленіе привело въ раздраженіе демократовъ и создало исходную точку для статей Холгера Борга, въ которыхъ, въ концѣ концовъ, было усмотрѣно оскорбленіе величества.

Послѣднюю статью этого направленія онъ озаглавилъ слѣдующимъ образомъ:

«О правительствѣ и анти-макиавеллистахъ».

«Въ монархѣ слѣдуетъ воспитывать государственнаго дѣятеля, а не офицера, потому что государство есть государство, а не войско.

«Монархъ является также *summus episcopus* церкви, но это не основаніе для того, чтобы онъ появлялся въ государственномъ совѣтѣ въ митрѣ и съ жезломъ. Это такъ же дико, какъ если бы онъ принималъ чужестранныхъ посланниковъ въ адмиральскомъ мундирѣ.

«Монархъ долженъ быть свободнымъ отъ мелкихъ гражданскихъ интересовъ, потому что онъ принадлежитъ государству; и въ лицѣ своемъ онъ долженъ достойно поддерживать взгляды государства, представителемъ котораго онъ является.

«Монархъ не долженъ вступать въ сдѣлки, не долженъ принимать участія въ жизни искусства, науки или литературы, потому что все его время принадлежитъ цѣликомъ государству. А кто долженъ пересмотрѣть работу всѣхъ вѣдомствъ и двухъ палатъ представителей, у того не можетъ хватать времени на что-нибудь другое. Если у него находится время для чего-нибудь другого, то, слѣдовательно, онъ запускаетъ свои обязательныя дѣла.

«Монархъ долженъ быть справедливъ, какъ всемогущество, въ которое онъ вѣритъ, твердъ, но не жестокъ, снисходителенъ, но не безотвѣтенъ, безпороченъ, но не лицемеренъ; онъ долженъ имѣть мужество отказаться отъ поклоненія легко возбуждаемой толпы и, сознавая, что исполняетъ высшія обязанности, онъ долженъ умѣть стоять одиноко, когда это нужно.

«Стоя выше другихъ, освобожденный отъ прикоснове-

ніа къ житейскимъ дрязгамъ и свободный отъ мелкихъ повседневныхъ заботъ, онъ долженъ жить, окружая себя прекраснымъ, и общаться съ мудрыми и хорошими людьми, а не съ фатами и игроками. Тогда только будетъ онъ въ состояніи взирать на государство болѣе возвышеннымъ взоромъ, чѣмъ остальные смертные; тогда рѣшеніе его будетъ имѣть вѣсь и слово его — значеніе.

«Монархъ не долженъ знать классового чувства. Онъ отнюдь не долженъ дѣлаться главой знати, двора или своего королевскаго дома, онъ долженъ быть провидѣніемъ государства, защитникомъ народа, отцомъ страны.

«Монархъ не долженъ размѣниваться на мелочи: онъ долженъ стоять выше. Его милость должна изливаться на достойнаго, потому что милость легко можетъ стать несправедливостью.

«Монархъ долженъ поддержать слабого, не потому, что онъ слабъ, а потому, что онъ притѣсняемъ».

Словомъ,—въ статьѣ были только общія мѣста, которыя можно примѣнить къ различнымъ отдѣльнымъ случаямъ.

Приговоръ тѣмъ временемъ былъ произнесенъ, и Холгеръ былъ осужденъ на три мѣсяца тюремнаго заключенія. Многіе спрашивали себя, какъ это возможно.

Много перемѣнъ произошло за послѣдніе годы. Вслѣдствіе введенія таможи—государство изолировалось; благодаря сближенію съ Германіей, высшими классами овладѣлъ юнкерскій и военный духъ; и теперь послѣ экстраординарнаго риздага, когда армія вмѣшивалась въ дѣло народнаго просвѣщенія,—воздухъ сталъ душенъ. Призракъ войны и вооруженіе норвежцевъ испугали мирныхъ жителей. Выступленіе социаль-демократіи угрожало общественнымъ основамъ; поэтому все беззащитное, все, что устало, со-

бралось подъ высшей защитой, и это большинство единогласно привѣтствовало жестокой приговоръ.

Домъ Холгера Борга по мѣрѣ возрастанія вліянія газеты измѣнилъ свой внутренній характеръ и сталъ мѣстомъ пребыванія самыхъ различныхъ людей. Хозяйка дома, составлявшая списки приглашенныхъ, скоро замѣтила, что число отказовъ увеличивалось, и тогда она стала приглашать по партіямъ или кружкамъ. Поэтому стали устраиваться отдѣльныя собранія для высшаго офицерства, для чиновнаго міра и для депутатовъ рисдага, — это были приглашенія перваго класса. Многіе приходили только потому, что не рѣшались отказать, и показывали ясно, что явились не по доброй волѣ. Они не соблюдали даже общепринятой вѣжливости; они не вступали въ разговоръ съ хозяйкой дома; они молчали и ѣли, но ко многому и не прикасались, такъ какъ являлись уже сытые. Все это оскорбляло инженера, но такъ хотѣла жена, а такъ какъ онъ защищалъ права женщинъ, то она могла повелѣвать.

Какъ разъ у Борговъ былъ такой обѣдъ въ тотъ день, когда ожидался приговоръ. Высшіе офицеры не явились, и былъ налицо лишь одинъ капитанъ. Онъ пришелъ отчасти потому, что у него были векселя, отчасти потому, что имѣлъ обыкновение доставлять газетѣ краткія свѣдѣнія изъ генеральнаго штаба, которыя на первый взглядъ казались вполне невинными, но имѣли, однако, весьма серьезное значеніе. Сегодня онъ держалъ себя надменно, потому что не было начальства и потому что онъ чужелъ немилость. Онъ ковырялъ вилокъ въ зубахъ, самъ наливалъ себѣ вина и курилъ за столомъ. Хозяйка дома чувствовала себя нервно настроенной и, имѣя дурную привычку вслухъ дѣлать мужу замѣчанія, она останавливала его на каждомъ шагу, что бы онъ ни дѣлалъ, скорѣй по необду-

манности и неумѣнію вести себя, чѣмъ по злобѣ. Мужъ, подѣ влияніемъ жены, съ одной стороны, и дерзкаго поведения капитана—съ другой, совсѣмъ замолчалъ, и это молчаніе отразилось на настроеніи общества. Всѣ опустили головы въ тарелки, и никто не рѣшался взглянуть другъ на друга.

Исчезло окончательно то благодушное настроеніе, присутствующее праздничнымъ обѣдамъ или ужинамъ, когда кажется, что изъ искрящихся виномъ стакановъ вы выпили забвеніе, когда вы переживаете нѣсколько часовъ, полныхъ пріятной иллюзіи, что находитесь среди друзей. Всѣ сидѣли въ полномъ сознаніи и ясномъ пониманіи положенія, и казалось, что всѣ обнажились другъ передъ другомъ. Они чуяли нѣмыя мысли другихъ; они молча, однимъ выраженіемъ лица, разоблачали чужія тайны; казалось, что обнажились всѣ интересы и страсти, приведшіе ихъ вмѣстѣ въ это мѣсто, и они стыдились другъ друга и самихъ себя. Хозяйка, бросившая свои свободныя манеры и сидѣвшая за столомъ торжественно-строга, снова измѣнилась и приняла другой тонъ, когда убѣдилась, что сраженіе потеряно. Въ полномъ отчаяніи, она, чтобы придать себѣ храбрости, выпила залпомъ стаканъ вина, но выпила его за здоровье капитана, который сразу вникъ въ положеніе и рѣшилъ развеселить общество. Онъ припомнилъ, что газета покровительствовала «неприличной литературѣ», затѣмъ, подѣ влияніемъ послѣдняго стакана вина, намекнулъ на нѣкоторые рассказы о вечерахъ третьяго класса въ домѣ у Холгера, когда у него собиралось артистическое общество и когда, какъ рассказывали, бывало весело.

— Кажется, бываетъ необыкновенно весело на вашихъ артистическихъ вечерахъ, — сказалъ онъ. — Мнѣ пришлось слышать о нихъ откровенные рассказы, и я охотно попалъ бы въ слѣдующій разъ на такой вечеръ.

— Что же вы слышали?—спросила весьма неосторожно хозяйка дома, но теперь она хотѣла во что бы то ни стало, чтобы было весело.

— Да...

Хозяинъ постарался отвлечь разговоръ, но было уже поздно.

— Да я слышалъ, что поэтъ Гренлундъ на полчаса опоздалъ къ обѣду и явился настолько пьяный, что сразу положилъ шнитцель на скатерть!

— Это во всякомъ случаѣ былъ не шнитцель!—воскликнула Марта.

— Ну, такъ это былъ кусокъ паштета... Когда же дошли до сладкаго блюда, то онъ посадилъ хозяйку дома себѣ на колѣни, послѣ чего его вытолкали вонъ. Вѣрно это, Холгеръ?

— Что его вытолкали—это вѣрно,—отвѣтилъ хозяинъ,—и что это можетъ случиться со всякимъ, кто не умѣетъ себя вести—это тоже правда.

Исчезла вся сдерживающая сила; за столомъ сидѣли враги.

— Не думаешь ли ты, — возразилъ офицеръ, — что я, дѣлающій тебѣ честь, бывая у тебя, буду ждать, чтобы меня вытолкали. По первому же знаку я отряхнулъ бы пыль съ моихъ ногъ и повернулъ бы спину обществу, въ которомъ моей ногѣ не слѣдовало бы быть...

Хозяйка дома въ слезахъ выбѣжала изъ-за стола; за ней послѣдовалъ хозяинъ. Гости встали и вышли въ переднюю. Послѣдній въ полѣ воинъ, капитанъ наполнилъ стаканъ мадерой и спокойно выпилъ его, показывая этимъ, что онъ нисколько не спѣшитъ и готовъ ко всему. Такъ какъ никто не являлся, то онъ закурилъ сигару и вышелъ въ переднюю, гдѣ горничная подала ему пальто. Ущипнувъ

ее за подбородокъ и спросивъ, какъ ее зовуть, онъ спокойно вышелъ на улицу.

Въ это время госпожа Марта въ полномъ отчаяніи бросилась на кровать.

— Да зачѣмъ же ты приглашаешь такихъ хулигановъ въ военной формѣ? — утѣшалъ ее мужъ.

— Ахъ! Это не хулиганы, но ты пишешь въ газетѣ какъ хулиганъ, и потому порядочные люди не хотятъ больше у насъ бывать.

Вотъ каковъ былъ взглядъ жены на его дѣятельность. Онъ зналъ это уже нѣсколько раньше, но жена такъ часто пославлялась всѣми, какъ его добрый геній, и для того, чтобы выдвинуться, она такъ часто, когда его статьи бывали встрѣчаемы одобреніемъ, играла роль его вдохновительницы! Это откровенное заявленіе, что она презираетъ его взгляды, подѣйствовало на него какъ разъ теперь, когда онъ такъ нуждался въ поддержкѣ, какъ ударъ обухомъ по головѣ, но сердиться на нее за то, что она ввела его въ кругъ, къ которому онъ не принадлежалъ, онъ не могъ.

Онъ отправился въ залъ; тамъ никого не было. Столъ былъ разгромленъ; вокругъ стояли слуги и ждали. Ему стало стыдно передъ ними. Гости разошлись, не простившись. Домъ его былъ запятнанъ, а самъ онъ обруганъ и оскорбленъ. Но въ эту самую минуту онъ твердо рѣшилъ очистить домъ и больше впредь не подпадать подъ вліяніе тщеславной жены. Это нарушитъ его кажущееся счастье, но что же дѣлать.

Онъ одѣлся и собрался итти въ редакцію. Въ эту минуту онъ получилъ повѣстку о состоявшемся приговорѣ, и сразу положеніе его стало ему ясно. Это было объявленіе войны, и вечернія газеты уже затрубили высту-

пленіе. Не было больше компромисса; исчезла всякая иллюзія о примиреніи. Высшіе классы стали господами положенія, и послѣ того, какъ они отъ риздага получили войско, они начали борьбу.

* * *

Наканунѣ дня, когда ему предстояло садиться въ тюрьму, произошла между нимъ и женой сцена, испортившая ихъ отношенія. Она требовала, чтобы онъ, ради нея, ходатайствовалъ о помилованіи. Когда онъ рѣшительно отказался, она объявила, что онъ ей не мужъ, потому что мужъ всегда жертвуетъ собой ради жены.

Онъ такъ зацутался въ своихъ теоріяхъ, что не находилъ отвѣта. Но отъ этого признанія беззащитности родилось впервые сопротивленіе, которое должно было довести его до освобожденія. Почему онъ не могъ отвѣчать? Потому что ея доводы были настолько глупы, что подходящаго отвѣта быть не могло.

Вечеромъ онъ вышелъ съ рѣшимостью не возвращаться. Въ половинѣ одиннадцатаго друзья его заказали въ «Готическихъ комнатахъ» прощальный ужинъ. До этого онъ пошелъ съ дядюшкой, докторомъ Боргомъ, въ оперу.

Они сидѣли въ партерѣ и ожидали увертюры. Публика въ театрѣ была особенно элегантно разодѣта, но королевская ложа была пуста, такъ что они не понимали, въ чемъ дѣло.

Оркестръ уже собрался, и начали настраивать инструменты. Капельмейстеръ занялъ свое мѣсто, ударилъ палочкой о юпитръ, но при этомъ повернулся лицомъ къ королевской ложѣ. Тогда оркестръ заигралъ «Отъ швед-

скаго сердца». Публика встала; всѣ встали, кромѣ Холгера и доктора.

— Не передь геслеровской ли шапкой они преклоняются?— спросилъ Холгеръ у дядюшки.

— Вѣроятно, сегодня день рожденія или именины...

Тутъ раздался повелительный голосъ:

— Встаньте!

Холгеръ оглянулся, но въ эту минуту онъ былъ схваченъ за воротъ и приподнятъ съ мѣста. Такъ какъ онъ никогда не употреблялъ другого оружія, кромѣ слова и пера, то онъ вышелъ, а докторъ послѣдовалъ за нимъ.

— Что это такое?— спросилъ онъ, когда они вышли на улицу.

— Это шведское лакейство! Теперь ты знаешь, что значить новая опера!

— Значить, я сдѣлалъ хорошо, когда на нее напалъ! Мы, кажется, еще много хорошаго увидимъ впереди!

— Я расскажу тебѣ, что я сегодня слышалъ. Но ты обѣщайся молчать. Врачъ изъ провинціи, мой пріятель, человѣкъ, который никогда не лжетъ, утверждаетъ— будто его спросили изъ воинскаго присутствія, согласится ли онъ итти, какъ хирургъ, въ случаѣ войны противъ Норвегіи?

— Это я уже слышалъ изъ другого источника, но этотъ слухъ официально опровергается.

— Это понятно...

— Я не думаю, чтобы они лгали, но они способны зондировать почву.

— Ты думаешь, они наверху не лгутъ? Въ такомъ случаѣ ты дипломатовъ не знаешь. Впрочемъ, это уже устарѣлое государственное искусство—казаться откровеннымъ, а быть фальшивымъ. Да, Норвегія, которая стоила Швеціи

двадцати лѣтъ умственного труда, которая разорвала насъ на части и отвлекла наше вниманіе отъ собственныхъ интересовъ! Стоитъ ли маленькая страна такого вниманія? Народъ рыбаковъ, лодочниковъ и пастуховъ, живущихъ изо дня въ день—завязшихъ въ долгахъ. Страна для туристовъ, населенная содержателями гостиницъ, — болѣе извѣстная своими видами, чѣмъ своей почвой, страна, вывозящая сушеную рыбу и ледяную воду. Что намъ до нихъ за дѣло? Надменные дураки, требующіе женскаго войска! Ну ихъ къ чорту!

— Ахъ ты, ненавистникъ женщинъ!

— Глупецъ! Я какъ разъ собираюсь въ третій разъ жениться.

— Для меня женскаго вопроса не существуетъ! Я вижу только людей.

— Если ты не видишь разницы между мужчиной и женщиной, то ты развратень, какъ всѣ другіе. Но такъ какъ ты завтра долженъ итти въ тюрьму, то лучше поговоримъ о другомъ. Слышалъ ли ты, что желтая бригада разжалована?

— Да, говорятъ, но они проиграли свою святыню.

— Памятникъ въ память пораженія Лютцена. Удивительно, что здѣсь творится: праздновать свое пораженіе! Они скоро будутъ праздновать Полтавскую битву.

— Кстати о желтыхъ: тамъ, вѣроятно, тоже подложные предки, потому что подъ Лютценомъ желтая бригада состояла изъ нѣмцевъ и стояла въ центрѣ. Кромѣ того, бригада состояла изъ нѣсколькихъ полковъ; а эта желтая бригада считается со времени свободы.

— Да, конечно! Но попадутъ ли эти кассиры и правители въ тюрьму?

— Нѣтъ, имъ покровительствуютъ. Но кто рѣшится

объ этомъ говорить, тотъ, навѣрное, угодить въ тюрьму! Я имѣлъ намѣреніе упомянуть объ этой исторіи въ моей статьѣ, но потомъ занялся другимъ, а теперь я объ этомъ сожалею.

Они прошли мимо драматическаго театра, ярко освѣщеннаго для представленія gala.

— Репертуаръ народнаго театра, а претензіи національнаго театра.

— Национальный театръ, которому завидуетъ содержательница игорнаго дома на набережной и персоналъ котораго вербуются изъ... Да! Всѣ выдающіяся силы исключены; Антигона и Юлія исчезли; Гамлетъ и Гораций ходятъ по базару и ждутъ конца. Вкусъ не высокой пробы. «Весело и сально»,— вотъ и все дѣло. Серьезнаго они страшатся.

— Прелестно выходить со старыми идеалистами. Консервативная газета «Смѣсь» провозглашаетъ Поль де Кока невиннымъ, а официальная «Почтовая Газета» защищаетъ безпутнаго и безстыднаго Анатоля Франса! Что это такое?

— Это Баррабасъ! Пусть будетъ что угодно, Баррабасъ такъ Баррабасъ! Только не великій Золя! Они также имѣютъ отвращеніе ко всему великому и славному, потому что они сами мизерны и слабы! Знаешь ли, когда только что въ оперѣ рука опустилась на мои плечи, я подумалъ, чего же въ сущности желаетъ этотъ незнакомецъ. Дуракъ, лишенный собственнаго содержанія, хочетъ тѣмъ возвысить свою собственную персону, что дѣлается сторонникомъ двора. Онъ хочетъ, чтобы я читилъ его бога, потому что онъ его, и этимъ онъ на мгновеніе чувствуетъ себя выше меня. Это своего рода животное, живущее въ колоніи, коралль. У нихъ собственныхъ мыслей нѣтъ; они лишь вспоминаютъ то, что читали въ газетахъ, въ книгахъ,

то, о чемъ при нихъ разговаривали. Когда они читають, то они ассимилируютъ все вперемежку — хлѣбъ и камень, сгустокъ крови и грязную тряпку; когда же они говорятъ, то растягиваютъ сфинктеръ, и изо рта ихъ вылетаетъ все, что ни попало. И вотъ — это большинство, надежный народъ, здравый смыслъ; это благомыслящіе, тихіе жители страны, ядро народонаселенія. И вотъ они ищутъ — власти, но могутъ управлять только съ помощью властелина, который не что иное, какъ ихъ же орудіе, какъ какъ онъ благодаря имъ властвуетъ. Видишь ли ты, я невольно дѣлаюсь анархистомъ!

— Кто имъ не будетъ! Жизнь и развитіе такъ ускоренно идутъ впередъ, что десять лѣтъ измѣняются цѣлымъ періодомъ во всеобщей исторіи, и подрастающему поколѣнію будетъ все труднѣй подчиняться устарѣлымъ формамъ жизни, которая ничего современнаго не понимаетъ. Нравы мѣняются, но нравственные законы остаются неизмѣнными. Понятіе о правѣ обновляется, но сводъ законовъ стоитъ неизмѣнно съ 1734 и 1866 годовъ. Если мы считаемъ метрами и кронами, то старики измѣряютъ эллами и талерами. Эти несоразмѣрности въ общественномъ строѣ дѣлаютъ изъ жизни адъ или полное заблужденіе. Посмотри въ родословной книгѣ и ты увидишь, нуждаемся ли мы въ обновленіи? Былъ ли ты въ Лундѣ? Видѣлъ ли ты тамъ паркъ? Тамъ не можетъ расти молодого дерева, потому что стоятъ старыя деревья и затемняютъ его. Старыя же дуплисты и полусгнили, и въ нихъ живутъ совы. Свалить же ихъ не смѣетъ никто. Почему, чортъ возьми, нельзя ихъ свалить?.. Въ тотъ же день, когда они упадутъ сами по себѣ, вмѣсто парка будетъ голая пустыня, и пройдетъ цѣлая жизнь человѣческая, пока снова что-нибудь вырастетъ. Нѣтъ, необходимо вырубать и освѣжать!

— Хотѣли бы вы все это видѣть?

— Я? Ужасно хочу! Я привыкъ, благодаря операціямъ, къ страданіямъ людей неповинныхъ. Я бы стоялъ у ихъ изголовья и въ послѣдній часъ говорилъ бы имъ бодрящія слова, затѣмъ я бы ихъ хлороформировалъ. Я дикій, хотя и платящій подать шведъ; и я думаю, что будущность принадлежитъ дикимъ. Ты знаешь, что всѣ просвѣщенные народы умираютъ отъ цивилизаціи, изнѣженности, отъ покровительства животнымъ и отъ этнографическихъ музеевъ. Кто озирается назадъ на оставленную позади гадость, тотъ долженъ погибнуть смертью. Теперь нація именно это и дѣлаетъ: она озирается на Лютценъ и Нарву, на Густава III и на Шведскую Академію, на клопинныя гнѣзда и колокольни, на хомуты и чаши, она озирается, указывая на кучи навоза, и восклицаетъ:

— Смотрите, это мы дѣлали!

— Что, мы опять дошли до своей старой точки зрѣнія, будто все плохо?

— Да, когда я усталъ, то мнѣ все кажется очень плохо. Но когда я выплещусь, я снова готовъ итти вприпрыжку навстрѣчу къ великому, невѣдомому!

* * *

Они, бесѣдуя, прогуливались взадъ и впередъ по улицѣ.

— Видишь ли,—снова началъ докторъ,—положеніе теперь стало для меня и моихъ сверстниковъ тѣмъ болѣе невыносимымъ, что мы воспитаны въ возрѣніяхъ 60-хъ годовъ. Мы ожидали Новаго Іерусалима и въ 1866 году мы думали, что онъ настанетъ. Но этого не случилось. И приговоръ по твоему дѣлу вернулъ насъ къ 40-мъ годамъ.

По-моему теперь пахнет Карломъ-Йоганномъ, Крузенстоппе и Андерсомъ Линдебергомъ, но въ особенности Карломъ-Йоганномъ. Последнее представляется мнѣ выраженіемъ полнѣйшаго разложенія: захватная сила и ратуша, крѣпость Вагсгольмъ и Великій лагерь! Однимъ словомъ, что было до меня, то умерло и было той почвой, на которой мы выросли, но теперь эту землю стали выкапывать, и она смердитъ.— Ну, скажи, боишься ты тюрьмы?

— Нѣтъ! Напротивъ! Сидѣніе въ тюрьмѣ будетъ для меня отдыхомъ, и тамъ я намѣренъ заняться своимъ перевоспитаніемъ.

— Да, я тоже, будучи военнымъ врачомъ, просидѣлъ въ тюрьмѣ шесть дней.

— Что ты сдѣлалъ?

— Я возмутился противъ незаконныхъ дѣяній нѣкоторыхъ военныхъ врачей. Они злоупотребляли солдатами ради идиотскихъ опытовъ; напримѣръ, для того, чтобы измѣрить вмѣстимость желудка, который по опредѣленію любого учебника можетъ вмѣстить до трехъ литровъ, солдатъ заставляли проглатывать зондъ, и если они этого сдѣлать не могли, или не хотѣли, то ихъ подвергали наказанію за недостатокъ субординаціи. Что ты на это скажешь? Я заступился за солдатъ, потому что съ ними поступали не по закону, и въ результатѣ просидѣлъ шесть дней въ тюрьмѣ! И вотъ это Швеція! Страна, которая въ годы моей молодости собиралась перестроиться, опиралась на законъ! Произволь, партійность, беззаконіе— вотъ что у насъ процвѣтаетъ!..

Они еще съ полчаса молча прогуливались по улицѣ, въ ожиданіи звонка, который возвѣстилъ бы начало прощальнаго торжества.

Вдругъ сзади ихъ нагналъ колоссъ, и они узнали мягкій участливый голосъ пастора Алрота.

— Почему вы здѣсь такъ гуляете съ такими мрачными лицами? — обратился онъ къ нимъ.

Пасторъ пріѣхалъ специально для того, чтобы повидаться съ племянникомъ и выразить ему свое участіе. Онъ былъ во всякомъ случаѣ весьма вѣрноподаннымъ, но, какъ и вообще все духовенство, онъ не могъ примириться съ тѣмъ, что начальникъ лютеранской церкви — адмиралъ. Реформація сдѣлала то, что глава господствующей церкви долженъ быть *summus episcopus*, а свѣтскій папа, стоящій надъ епископами, и эти послѣдніе напоминаютъ немного полковую іерархію, гдѣ полковникъ является лишь вторымъ начальствомъ. Ссылка Холгера на это старинное безобразіе произвела сильное впечатлѣніе на пастора, и онъ поэтому былъ очень благодушно настроенъ, когда они всѣ вмѣстѣ вошли въ „Готическія комнаты“.

Тутъ налицо была вся старая гвардія: консулъ Леви, архитекторъ Куртъ, который обыкновенно шелъ своей дорогой и не возбуждалъ о себѣ никакихъ толковъ, Селленъ, часто бывавшій въ отсутствіи.

Настроеніе было подавленное. Наконецъ настала серьезное время, и прошли годы безумства. Теперь подошло время увѣнчать страданіями свое ученіе и спокойно перенести ихъ послѣдствія.

— Профессоръ, гдѣ же Лундель? — спросилъ докторъ искавшій себѣ козла отпущенія.

— Онъ не придетъ, — сказалъ Селленъ. — Онъ рыцарь высшаго ордена и не выноситъ оскорбленія величества.

— Вотъ видите что за орденъ! Контрамарка, которая показываетъ, что онъ выдалъ свои убѣжденія, продалъ

свою шкуру! Онъ не столь невиненъ, какъ говорятъ! — воскликнулъ докторъ.

Пасторъ тѣмъ временемъ отвелъ Холгера въ сторону къ окну.

— Отецъ поручилъ тебѣ кланяться!

— Что онъ дѣлаетъ? Гдѣ живетъ?

— Онъ опять дома съ дѣтьми, но страшно измѣнился.

Незаслуженная дурная слава, которая о немъ распространилась, и страшное подозрѣніе, которое упало на него послѣ смерти матери, такъ сильно подѣйствовали на него, что онъ и въ самомъ дѣлѣ считаетъ себя виноватымъ.

— Это обычный случай, — отвѣтилъ Холгеръ. — Когда я читалъ въ газетахъ, какъ меня въ нихъ ругали, я понемногу почувствовалъ себя виноватымъ. Ну, а какъ живется брату Андерсу въ Лонгвикѣ?

— Ахъ, ты развѣ не знаешь? Онъ собирается въ Америку, когда кончится срокъ аренды.

— Въ Америку? Въ новую Швецію? Да, когда-нибудь мы всѣ тамъ встрѣтимся.

Подали вино.

Да, дорогіе друзья, — воскликнулъ докторъ, — въ этомъ залѣ праздновали мы въ послѣднемъ изъ 80-хъ годовъ французскую революцію. Брата Алрота, понятно, тогда съ нами не было, потому что онъ отнюдь не революционеръ, и то, что онъ сегодня здѣсь, имѣетъ свою интимную причину, которую мы уважаемъ. Ради него тоже закрыты нынѣ двери въ концертный залъ, но онъ, вѣроятно, позволитъ мнѣ ненадолго отворить ихъ, чтобы я могъ въ честь нынѣшняго дня велѣть сыграть марсельезу.

Пасторъ одобрительно, но не безъ нѣкотораго страха покачалъ головой.

— Что мы должны были бы сегодня сказать Холгеру,

то ему напередъ извѣстно. Мы не будемъ ни восхвалять его поведеніе, ни сожалѣть о его судьбѣ, потому что воинъ исполняетъ свой долгъ, не требуя ни награды, ни розъ.

— Только безъ политики!—шепнулъ Холгеръ, кивнувъ въ сторону пастора, которому онъ какъ-никакъ сочувствовалъ.

— Нѣтъ, никакой политики и не будетъ! Только немного музыки, чтобы намъ стало веселѣй!

Онъ велѣлъ кельнеру отворить дверь въ залъ и вышелъ на балконъ, откуда платкомъ сдѣлалъ знакъ музыкантамъ. Наступила пауза. Затѣмъ оркестръ заигралъ: «Отъ шведскаго сердца».

Внизу раздался шумъ столовъ и стульевъ; сидѣвшая тамъ публика встала, и многіе заплѣли подъ звукъ оркестра.

— Вотъ вамъ и отвѣтъ!—заявилъ докторъ.

Пасторъ не понялъ, въ чемъ дѣло; онъ подумалъ, что все это шутка; поэтому на него не произвело это того впечатлѣнія, которое придавило остальныхъ. Онъ почти одинъ разговаривалъ, болтая о разныхъ никому неинтересныхъ вещахъ; остальные же слушали его, и это не мѣшало имъ все же думать свои тихія думы.

Ужинъ скоро подошелъ къ концу, и скоро всѣ разошлись, потому что многоголовая толпа внизу, казалось, угрожала имъ и собиралась задушить ихъ.

Докторъ съ племянникомъ одни пошли въ гостиницу, потому что до выхода изъ тюрьмы Холгеру не хотѣлось больше видѣть своего дома.

— Въ меньшинствѣ сегодня — въ большинствѣ завтра! — замѣтилъ докторъ.— Впрочемъ, опытъ не разъ показалъ, что тотъ, кто, блуждая въ лѣсу, думалъ, что сбился съ пути,

вдругъ оказывался у цѣли. Французская революція могла совершиться только послѣ царствованія Людовика XV. Чѣмъ хуже — тѣмъ лучше! Впрочемъ это только маленькая пауза во время обѣда: стоитъ распустить поясъ, и аппетитъ снова явится. Надо спустить паруса, пока лодка поворачивается, и ты увидишь, что мы скоро будемъ за штагомъ. У меня такое чувство, будто мы ходимъ теперь и прощаемся со всѣмъ прежнимъ, съ чѣмъ скоро придется разстаться; тогда это старое, которое мы прежде не цѣнили, становится намъ дорого. Наступаетъ новое столѣтіе съ новымъ поколѣніемъ и новыми идеями, и тогда все старое поневолѣ поблекнетъ. Полѣзай же въ тюрьму, Холгеръ, и не превратись тамъ въ коконъ. Выйди окрыленный, и мы полетимъ! Ну, поцѣлуй меня, и покойной ночи.

Они разстались безъ грусти, безъ громкихъ фразъ, но съ чувствомъ серьезности, котораго раньше не знали.

XV.

Прошло еще года два. Докторъ Боргъ и редакторъ Холгеръ сидѣли однажды въ новомъ оперномъ ресторанѣ. Холгеръ Боргъ очень измѣнился. Три мѣсяца, проведенныхъ въ тюрьмѣ, имѣли на него необыкновенное вліяніе. Что-то произошло, о чемъ онъ не хотѣлъ говорить. Лицо его какъ бы одервенѣло; оно не улыбалось. Что-то внутри его заморозилось, и какой-то нервъ, казалось, порвался. Онъ сохранилъ равновѣсіе въ своемъ стремленіи впередъ; но замѣчалась разница въ его отношеніи къ религіи. Онъ больше не насмѣхался, не богохульствовалъ. Его вѣра въ механизмъ вселенной безъ механика — ис-

чезла, и онъ уже не объяснялъ одной зоологіей судьбы людей.

Было это въ томъ именно году, когда вездѣ на свѣтѣ творилось неладное. Приходили знаменія, чудеса, случаи таинственной смерти, пророчества. И настала перемѣна фронта: вѣрующіе перестали вѣрить, а люди просвѣщенные стали вѣрующими. Сама наука потерпѣла фіаско: нападали на коховскія прививки; не дѣлалось новыхъ открытій, никакого прогресса, только работа надъ деталями. Но тутъ донесся слухъ изъ Америки, что изъ серебра и мѣди дѣлалось золото и что цѣлое общество возникло для этой обработки подъ покровительствомъ такихъ именъ, какъ Эдиссонъ и Тезла. Это означало банкротство химіи и воздвигало на значительную высоту алхімію. Въ Парижѣ долженъ былъ начаться рядъ процессовъ противъ колдуній. Раздавались слухи объ обращеніи въ католицизмъ. Искусство покинуло натурализмъ и перешло къ мистицизму, такъ же какъ и литература. Вездѣ происходило броженіе, сулившее обновленіе.

Друзья какъ разъ бесѣдовали о взглядахъ на будущее, когда глаза Холгера невольно остановились на расписанномъ потолкѣ.

— Не могу я видѣть такого неприличія! Такихъ картинъ теперь цѣлое множество въ музеѣ и въ замкѣ.

— Да, но самое интересное то, что великій переводчикъ Фауста, который въ 84 году былъ приверженцемъ мрачности и антинатуралистомъ, теперь выступилъ въ защиту оголенія съ энергіей, которую напрасно отъ него ожидали въ другомъ направленіи.

— Теперь онъ умеръ, и завтра будутъ его похороны. Это можетъ быть интересно.

Принесли вечернюю газету, и Холгеръ не могъ удержаться, чтобы не заглянуть въ нее.

Докторъ услышалъ не то вздохъ, не то фырканье и замѣтилъ по лицу Холгера, что что-то случилось.

— Что съ тобой? — спросилъ онъ.

Газета выскользнула изъ рукъ Холгера и упала на столъ.

— Что произошло?

— Прочитай!

Докторъ прочелъ, пришелъ въ волненіе, просвѣтлѣлъ.

Онъ прочелъ, что главная жрица женской эмансипаціи въ Швеціи все бросила, убѣдившись въ безуміи своихъ стремленій. И она призывала къ восстановленію пола для развитія въ женщинѣ супруги и матери.

— Наконецъ! — воскликнулъ докторъ. — Это все былъ дутый пирогъ, потому что люди исходили изъ ложнаго представленія. Сколько труда было положено! Сколько напрасной ненависти было возбуждено! Вѣдь они хотѣли убить Фалька за то, что онъ не могъ понять ихъ безумія. Будь я вѣрующій, я бы воздвигъ богамъ гекатомбу!

Холгеръ не могъ этому сочувствовать, потому что у него было чувство, что рушится его религія, его вѣра въ женщину! Не хватало у него силъ, чтобы признать свою ошибку. Онъ прежде всего разсердился, какъ это бываетъ обыкновенно; затѣмъ, успокоившись, онъ попытался сопротивляться.

— Это потому, что она устала, иначе...

— Иначе? Будемте говорить о другомъ! Какъ поживаютъ Эсфирь и Максъ?

— Они добрые друзья, но свадьба отложена, потому что пасторы не захотѣли ихъ огласить.

— И почему требуется оглашеніе, когда двое людей по-

любили другъ друга! Тайна, которую естественно хотѣлось бы скрыть, должна быть выставлена напоказъ! По-моему это цинично! Боятся двоеженства! Да, этого боятся, но открытыя двоеженства и многоженства въ узаконенныхъ бракахъ — ненаказуемы, и къ нимъ привыкли. Теперь женщина выходитъ замужъ только, чтобы пріобрѣсть прикрывателя и законнаго покровителя. Когда вы лишили женщину женственности и стыдливости, она стала кокеткой. Вы сами уничтожили полъ и супружество, а эти мужчиноподобныя женщины такъ испортили инстинкты мужчинъ, что они стали развратными. Такимъ образомъ погибла Греція съ Аспазіей, любовницами и содомистами! Мнѣ кажется, мы приближаемся къ концу! Я, какъ тебѣ извѣстно, нѣсколько разъ искалъ супругу, хозяйку и мать, но находилъ лишь кокетку. Страсть и ненависть — вотъ что я находилъ. За мою любовь я искалъ любви, но обрѣталъ лишь ненависть; ненависть противъ мужчины, который, казалось бы, создаетъ любовь женщины. Унизить мужчину — вотъ идеалъ женщины. Тебѣ это извѣстно! Ты даешь ей твою мужскую силу и съ ней, съ твоей же силой, она порабощаетъ тебя. И она похожа на индукціонный аппаратъ: она преумножаетъ токи твоей силы и направляетъ ихъ противъ тебя же. Но ты никогда этого не понималъ. Ты склоняешься передъ самимъ собой, когда склоняешься передъ женой. Взгляни, какъ образовались «великія женщины», которыми ты восхищался. Сначала онѣ выискиваютъ сильныхъ мужчинъ, извѣстныхъ, выдающихся своей силой; когда онѣ извлекутъ силы изъ ихъ аккумулятора, онѣ сами притворяются батареей и думаютъ пускать и отъ себя токи, которые, однако, въ сущности, только передаточные. И всегда находится толпа слабыхъ мужчинъ, которые воздаютъ этимъ тряпичницамъ коро-

левскія почести. Тебѣ извѣстна эта категорія мужчинъ, которые всегда готовы идти противъ мужчинъ же...

— Да, ну ужъ и ненавистникъ же ты женщинъ!

— Да, если говорить откровенно, то я дѣйствительно ненавижу женщинъ. Такъ какъ я ненавижу все враждебное мнѣ,—то женщины мои враги. А если она — врагъ, то слѣдовательно и она ненавидитъ мужчину. Различные помы ненавиждатъ другъ друга,— это вѣрно, а эта ненависть не что иное, какъ отталкивающая сила двухъ противоположныхъ теченій, которая въ любви превращается въ притяженіе. Ты съ такимъ же успѣхомъ можешь прозвать всѣхъ женщинъ ненавистницами мужчинъ, какъ ты меня называешь ненавистникомъ женщинъ. Переменное теченіе! Вотъ она любовь! Но женщина всегда имѣла для меня здоровую притягательную силу и поэтому я не могу допустить, чтобы во мнѣ была особая ненависть къ ней. Напротивъ, лишенный близости груди матери, я всегда испытывалъ пустоту жизни; но послѣ того, какъ вы исковеркали женщинъ, съ ними стало невозможно ладить. Вы мнѣ говорите, что я не умѣлъ удержатъ ихъ; я же утверждаю, что я не былъ согласенъ держатъ дома тухлое мясо. Смотри, вотъ Куртъ! Знаешь ли ты его супружескую жизнь? Пріятная, заманчивая была эта жизнь! Ужъ въ этомъ ты мнѣ повѣрь!

Архитекторъ вышелъ въ сопровожденіи господина нерѣшительнаго вида въ очкахъ. Братъ поклонился и прошелъ съ своимъ спутникомъ въ уголъ зала.

— Да, такъ какъ же его супружество? — спросилъ Холгеръ. Все было такъ таинственно! Кончено ли теперь все?

— Кончено? Надѣюсь! Онъ сблизился съ двумя бездѣтными супругами и какъ разъ къ тому времени, когда супруги остыли другъ къ другу. Онъ сдѣлался другомъ обоихъ; они оба набросились на него и зазывали его къ себѣ,

чтобы разсѣять охватившую ихъ тоску. Въ результатѣ онъ и она полюбили другъ друга; мужъ же сводилъ ихъ, самъ того не зная. Въ одинъ прекрасный день, желая быть благородными, они открылись мужу въ своихъ чувствахъ; послѣ чего она въ ожиданіи развода поѣхала въ Парижъ. Куртъ остался здѣсь. Послѣ довольно продолжительнаго отсутствія она вернулась. Стоячая нетерпѣніемъ увидѣть ее, поѣхалъ онъ къ ней навстрѣчу до Сёдертелье. Подходитъ поѣздъ, Куртъ бѣгаетъ по вагонамъ, чтобы отыскать непредупрежденную невѣсту. Наконецъ, онъ отворяетъ купэ для курящихъ. Онъ узнаетъ возлюбленную: она лежитъ, положивъ голову на колѣни молодого человѣка съ папирской въ зубахъ. Куртъ не растерялся; онъ приподнялъ шляпу, извинился и сдѣлалъ видъ, что не узналъ ее. Потомъ онъ сѣлъ въ сосѣднее купэ, и черезъ мгновеніе явилась его дама, вся въ слезахъ бросилась ему на шею, увѣряя, что ничего такого не было, что это старинный другъ, предложившій сопровождать ее въ пути. Будучи честенъ и вѣренъ ей, Куртъ подумалъ, что и она такая же, какъ онъ. Вотъ почему женщины считаютъ мужчинъ за дураковъ! Понимаешь ли ты? Ну-съ, другъ былъ представленъ, но онъ оказался настолько корректнымъ, что не показывался въ первый вечеръ. На слѣдующій день ужинали вмѣстѣ съ родственниками, явился и пріятель. Тутъ между нимъ и невѣстой происходилъ обмѣнъ взглядовъ и словъ, шопотомъ сказанныхъ; они дошли до такой интимности, что Куртъ въ концѣ концовъ не выдержалъ, потерялъ всякое самообладаніе и поднялъ цѣлую сцену, окончившуюся тѣмъ, что тарелка его полетѣла на полъ. Внезапно почувствовалъ онъ себя въ смѣшномъ положеніи супруга; однако, онъ все же женился, и они очутились въ той же безысходной тоскѣ, какъ были раньше съ пер-

вымъ мужемъ. Какъ восхитительно! И такъ пришлось ему съ ней скитаться. Она оживала, когда, сидя въ ресторанѣ, привлекала на себя взоры мужчинъ; тогда ей доставляло наслажденіе видѣть терзаніе мужа. А онъ принужденъ былъ притворяться счастливымъ супругомъ, какъ всѣ женатыя на разведенныхъ женщинахъ. Вѣдь онъ долженъ же былъ являться живымъ доказательствомъ того, что прежній мужъ «не сумѣлъ сдѣлать ее счастливой». Чтобы побить прежняго, имъ непременно хотѣлось имѣть дѣтей. Куртъ считалъ себя въ этомъ отношеніи страшнымъ матадоромъ! Но — изъ этого ничего не вышло. И такъ, — и онъ не годился! Тогда наступилъ для него адъ съ вѣчными попреками. «Теперь больше нѣтъ настоящихъ мужчинъ». Что вина въ томъ была, можетъ быть, съ ея стороны, объ этомъ и рѣчи не было. Что же дѣлалъ Куртъ? А что же было ему дѣлать? У него явилась любовница и родился ребенокъ. Вѣдь надо же было ему спасти свою мужскую честь! Тогда жена оставила его. Но весь позоръ палъ на Курта. «Онъ прельстилъ жену другого, говорили люди, а потомъ бросилъ ее!» Однако прельщаль не онъ ее — это сдѣлала она. Ну, теперь, наконецъ, онъ свободенъ, но можешь ли ты себѣ представить, что онъ и понынѣ еще не можетъ забыть сцены въ купѣ. Онъ, вѣроятно, всѣхъ своихъ знакомыхъ допросилъ, думаютъ ли они, что что-нибудь тогда произошло... Да! Въ наши времена все перепуталось, все темно.

Въ эту минуту въ залъ вошли толстый господинъ съ дамой и тремя дѣтьми. Дама была очень полная, и голова ея казалась слишкомъ маленькой.

Докторъ пристально рассмотрѣлъ вошедшихъ, затѣмъ смутился, отвернулся къ окну и заслонилъ лицо рукой, готовый не то плакать, не то смѣяться.

— Это моя первая жена съ ея вторымъ мужемъ (а можетъ быть, и третьимъ, кто знаетъ?)—сказалъ онъ, когда компанія удалилась въ другую сторону. Эта безумная увѣряла, выйдя замужъ, что живетъ дѣвственницей, а когда появился ребенокъ, то она говорила, что не понимаетъ, какъ это произошло. Эта холодная рыба своей глупой болтовней заставила меня развестись съ ней и жениться снова. Взгляни на ея ротъ, Холгеръ, и остерегайся дѣтскихъ ротиковъ... И это была моя первая любовь!

— Я думаю иногда, что съ ея стороны была не злоба, а тупость. Она ревновала ко мнѣ за то, что она стала моей. Честь была для меня слишкомъ безгранично велика, и потому она должна быть у меня отнята! Вотъ животное! Я такихъ никогда еще не встрѣчалъ. Вотъ почему всѣ мои недруги возносили ее до недостижимой высоты. Они утверждали, что я отъ нея все приобрѣлъ, чуть ли даже не до медицинскихъ моихъ познаній включительно. Все, что исходило изъ ея маленькаго ротика, была такъ преисполнено злобы, что однажды мнѣ хотѣлось проткнуть ей гвоздемъ языкъ. Надѣюсь, что этотъ толстякъ выбилъ изъ нея дурь. Да, Холгеръ, вотъ она жизни!

XVI.

Эсфирь Боргъ, проходя мимо церкви, обратила вниманіе на то, что двери были широко отворены. Внутри храма было свѣтло, алтарь украшенъ зеленью. Самая паперть и прилегающая часть улицы были устланы еловыми вѣтками: по всему видно было, что все готово къ отпѣванію. Входили люди, и среди нихъ она увидѣла графа Макса, съ которымъ не видалась уже шесть мѣсяцевъ. Она увидала

его, но то былъ не онъ, а другой человѣкъ, похожій на него. Это она называла «увидѣть» и знала, что онъ скоро долженъ прійти. Она вошла въ церковь съ тѣмъ, чтобы подождать его.

Они съ графомъ въ то время скоро послѣ смерти матери разстались, рѣшившись на полный разрывъ. Но они такъ сильно отъ этого страдали, что сошлись снова. Затѣмъ они страдали отъ возобновленной связи и снова разошлись. Этимъ пока у нихъ и кончилось.

Эсфирь поднялась на хоры съ правой стороны. Почему—этого она сама не знала, но она чувствовала, что на этомъ мѣстѣ ей посчастливится. Тамъ на хорахъ было ближе къ небесамъ, высоко надъ толпой, и она чувствовала себя тамъ въ безопасности.

Дѣйствительно, черезъ нѣкоторое время пришелъ графъ и спокойно подошелъ къ Эсфири, будто онъ на этомъ мѣстѣ назначилъ ей свиданіе.

— Долго ли ты ждала?—спросилъ онъ свсимъ глухимъ голосомъ.

— Шесть мѣсяцевъ, какъ тебѣ извѣстно, — отвѣчала Эсфирь.— Но развѣ ты видѣлъ меня сегодня?

— Да, только что въ трамваѣ. И я такъ глядѣлъ тебѣ въ глаза, какъ будто говорилъ съ тобой.

— Многое «произошло» съ того времени.

— Да, и я думалъ, что все между нами кончено.

— Какъ такъ?

— Всѣ пустячки, которые я когда бы то ни было отъ тебя получала, у меня сломались, притомъ самымъ таинственнымъ образомъ.

— Что ты говоришь! Теперь мнѣ приходится на память масса мелочей, которыя я приписывалъ только случаю.

Я однажды получилъ отъ бабушки во времена нашей дружбы съ ней ринсе-пез. Оно было изъ шлифованнаго горнаго хрустала и оказалось настоящимъ чудомъ своего рода, и я очень его берегъ. Однажды мы со старухой повздорили, и она на меня разсердилась. Въ слѣдующій разъ, когда я взялъ ринсе-пез, стекла выпали безъ всякой видимой причины. Я рѣшилъ, что случилась самая обыкновенная порча ринсе-пез и отнесъ его въ починку. Увы, больше оно служить мнѣ не могло: оно постоянно портилось, и въ концѣ концовъ я убралъ его въ ящикъ.

— Что ты говоришь! Какъ странно, что то, что касается глазъ, всего болѣе впечатлительно. Я тоже однажды получила отъ друга бинокль. Онъ такъ подходилъ къ моему зрѣнью, что пользоваться имъ для меня было прямо наслажденіемъ. Однажды мы съ нимъ поссорились. Ты знаешь, это бываетъ часто безъ видимой причины. Когда послѣ этого мнѣ случилось прибѣгнуть къ биноклю, я не могла ясно видѣть чрезъ него; боковая грань была слишкомъ коротка, и я все видѣла вдвойнѣ. Мнѣ нечего тебѣ говорить, что ни боковая грань не стала короче, ни уголъ зрѣнія — длиннѣй! Это было чудо, повторявшееся ежедневно, но это чудо для плохихъ наблюдателей проходить незамѣченнымъ. Какое же этому можно дать объясненіе? Психическая сила ненависти, вѣроятно, больше, чѣмъ намъ кажется. Между прочимъ и изъ кольца, которое ты мнѣ подарилъ, выпалъ камень, и я никакъ его не приведу въ порядокъ. Ты хочешь опять разстаться со мной?

— Да, ты вѣдь знаешь, мы хотѣли этого оба, но никакъ не можемъ. Я вдали отъ тебя въ продолженіе всего дня живу съ тобой въ такой интимной связи, что твое отсутствіе мною даже не чувствуется; и по-моему такъ гораздо лучше, потому что стоитъ намъ сойтись, какъ мы

ссоримся. Кажется, какъ будто тѣла наши другъ друга не выносятъ.

— Да, такъ кажется. Но твоя аура сопутствуетъ мнѣ всюду, и я вдали отъ тебя ощущаю твое настроеніе духа въ отношеніи меня, подобно тремъ различнымъ запахамъ, изъ которыхъ два мнѣ очень пріятны. Первый напоминаетъ ладанъ и порой настолько сгущается, что производитъ впечатлѣніе очарованія или безумія. Послѣдній запахъ свѣжаго плода. Второй по порядку удушливъ, какъ запахъ душистаго мыла, и неприятно дѣйствуетъ на чувства. Но въ твоемъ присутствіи я этихъ запаховъ никогда не чувствую. Слѣдовательно, это не запахи, ощутительные въ матерьяльномъ смыслѣ, но они кажутся какой-то таинственной передачей. Вдали отъ тебя я никогда не чувствую несогласія съ тобой. Когда намъ съ тобой приходилось разставаться послѣ бурной ссоры, когда во мнѣ подымалась такая ненависть, что я не находилъ достаточно рѣзкихъ словъ, стоило тебѣ уйти отъ меня, какъ падала ненависть и наступала любовная тишина, при которой я живу съ тобой настолько интимно, насколько этого желаю. Все, что я говорю, думаю или пишу, посвящаю я тебѣ. Я ничего, кромѣ тебя, пріятнаго не нахожу,—твой ладанъ для меня бальзамъ. Чтобы отдѣлаться отъ тебя, я иногда ищу общества, но люди пугаютъ меня, они оскорбляютъ меня своимъ присутствіемъ, кажется, что, благодаря имъ, я дѣлаюсь тебѣ невѣрнымъ. Да, другъ мой, вселенная полна загадокъ, но люди ходятъ вокругъ нихъ какъ слѣпые, потому что они видятъ, но не понимаютъ. Кто ты? Кто я? Этого мы не знаемъ! Но когда началась наша связь, у меня было чувство, будто я обнимаю трупъ, но не твой, а другой... не скажу,—чей.

— А ты, ты мнѣ представился моимъ отцомъ, такъ что

мнѣ тогда было стыдно и отвратительно гадко! Что это за нѣчто страшное и таинственное, что окружаетъ насъ?

— Теперь лишь человѣчество, пожалуй, узнаетъ неразрѣшимыя загадки! Или ихъ, по крайней мѣрѣ, предчувствуетъ. Ты часто вѣроятно замѣчала, что, когда я приходилъ къ тебѣ, становился мрачнымъ и молчаливымъ. Ты называла это дурнымъ настроеніемъ. Нѣтъ, друг мой, я приходилъ весь сіяющій и былъ готовъ часами бесѣдовать съ тобой. Но ты глядѣла на меня чужимъ взглядомъ; комната твоя пропитана была ядомъ, такъ что я чуть не задыхался; я долженъ былъ уйти — это одно, что я зналъ. И когда ты тогда на меня сердилась, я не могъ отвѣчать тебѣ и защищаться. Я впрочемъ не думаю, чтобы нашлось два человѣка, которые бы вполне друга друга понимали. Одинъ придаетъ словамъ совсѣмъ другую цѣну, чѣмъ другой. Да къ тому же, какъ можетъ одинъ понять другого, когда зачастую самъ себя не понимаешь. Я всего лучше понимаю тебя въ молчаніи и издали тогда ты мнѣ всего ближе, и нѣтъ между нами недоразумѣній.

— Мнѣ нечего рассказывать тебѣ о моей жизни со времени нашего послѣдняго свиданія, потому что ты ее знаешь...

— Да, я ее знаю; ты жаждешь выйти изъ этого порабощенія, потому что это и для тебя и для меня полное лишеніе свободы. Всякая любовная связь есть порабощеніе и потому она неприятна...

Въ эту минуту на ихъ плечи сзади опустились двѣ тяжелыя руки, и они за собой увидѣли доктора Борга.

— Здравствуйте, дѣти, вы тоже сюда пришли посмотреть на шутку? Антихристъ будетъ преданъ землѣ послѣдователями Христа. Швеція, говорятъ, лишилась, большого

поэта, который однакоже никогда поэтомъ не былъ, потому что онъ не жилъ; онъ самъ жаловался на то, что ничего не пережилъ и потому ничего рассказать не можетъ. Онъ перевелъ одну часть, а для второй нехватило силъ! То былъ шведъ. Все, что онъ написалъ, самъ онъ въ концѣ концовъ собралъ и прицѣпилъ себѣ на грудь. Всѣ юношескіе идеалы перемѣнилъ онъ на чины и почести. И эту безхарактерную, безкостную фигуру прославляютъ теперь какъ человѣка наитвердѣйшаго характера! Мы вѣдь живемъ во времена плутовства.

— Плохо о мертвыхъ не говори,—произнесъ шопотомъ графъ Максъ,—они способны мстить!

Въ эту минуту появилось шествіе, и Максъ обернулся къ Эсфири, чтобы докторъ не могъ слышать его словъ.

— Видишь ихъ,—сказалъ онъ ей,—вотъ идутъ мертвецы! Живущіе теперь дышатъ настоящимъ, а тѣ, тамъ, внизу, живутъ 1850-мъ годомъ, какъ покойникъ; они проглотили пепель и кости и потому походятъ на пепель. Все, что почти истлѣло, остатки, *carut mortuum*—это ихъ пища. Они принадлежатъ міру тѣней и, не вѣря въ живущее и развивающееся всемогущество, дѣлаютъ себѣ идола изъ глины и кладутъ его въ гробъ съ серебряными подножками! Но покойникъ былъ не изъ нихъ: это ничего! Они въ свое время противъ него боролись, его побѣдили, а теперь они торжественно несутъ его трупъ! Борьба за тѣло Патрокла; Патроклъ, лежавшій спокойно сотни лѣтъ, вдругъ пробудился, самимъ Аполлономъ онъ былъ пораженъ слѣпотой, а Гекторъ убилъ его.

— Слушайте,—прервалъ его докторъ Боргъ.—Теперь говоритъ великій геній, ничего не сдѣлавшій, но ставшій въ тридцать семь лѣтъ государственнымъ секретаремъ, ничего не давъ своей родинѣ, кромѣ недодѣланныхъ брошюръ. Бро-

щюры—это знаменіе времени. Онъ боится, какъ бы властьночи не критиковала дѣла покойнаго, и поэтому онъ хочетъ его застраховать противъ этого несчастнаго случая. Послушайте! Онъ, покойникъ, былъ осѣненъ такими могучими мыслями, что только въ будущемъ столѣтїи могутъ появиться поколѣнія, которыя поймутъ его! Ахъ, собака! Теперь чередъ послѣдователя Христа, которому нисколько не стыдно сѣсть на тронъ антихриста. Умиротвореніе—вещь хорошая, но если оно покупается цѣною мірской славы и земными почестями, то это безуміе. Слушайте только! Онъ нарушалъ догматы вѣры, измѣнялъ правила... а теперь! Теперь! Твердый характеръ! Сила характера!

— А теперь: свободный духъ—почему ужъ не назвать его свободомыслящимъ? Нѣтъ, спасибо!

— Онъ былъ при томъ, — обратился графъ Максъ къ Эсфири, — какъ Холгера обвиняли за оскорбленіе величества. Это рѣдкостное зрѣлище! Эти фигуры изъ пепла похожи на злыхъ духовъ и на лемуровъ, которые хотѣли похитить трупъ Фауста! Помнишь? И кажется, будто за алтаремъ стоитъ Мефистофель и ослѣпляетъ имъ глаза! Они видятъ всѣ свойства, которыя именно недоставали покойнику. Совсѣмъ какъ въ погребѣ Ауэрбаха:

По моимъ словамъ,
Быть въ безумьѣ вамъ!
Будьте здѣсь и тамъ!

— Ты говоришь объ эмблемахъ въ оперномъ ресторанѣ? — спросилъ докторъ, не разслышавшій его словъ.

— Они видятъ горы виноградниковъ и лозы! — добавилъ шопотомъ Максъ.

— Все это сплошная ложь, игра воображенія!

— Но я думаю, что старшему священнику хуже всего;

онъ подозрителенъ въ своемъ ослѣпленіи. Кажется, будто съ нимъ сдѣлалось «острое помѣшательство», вотъ почему онъ и принимаетъ ложь за правду. Помнишь ли ты, какъ онъ Анселя на смертномъ одрѣ обвинялъ во лжи, когда тотъ говорилъ ему сущую правду?

— Да,—заклучилъ докторъ,—итакъ, теперь у Швеція еще одинъ святой! Шведъ до мозга костей, диллетантъ, ничего не доведшій до конца; сухой мыслитель, философствовавшій о пустотѣ; начавшій въ оппозиціи и кончившій въ шведской академіи; сначала шпанская муха — подъ конецъ бѣлый пластырь. Вѣдь это Баррабась, лежащій въ гробу и насмѣхающійся, а священникъ принимаетъ его за святого... Послушайте, какъ онъ вкривь объясняетъ члены символы вѣры! Пустыя слова! Однако плачутъ! Совсѣмъ какъ вольтеровскіе карточные игроки, которые плачутъ о томъ, что Гомеръ умеръ! Знаете ли вы, что кто-то недавно прозвалъ покойника нашимъ Гомеромъ, хотя тотъ ни Илиады, ни Одесsey не написалъ. Жизнь его была, пожалуй, одиссей въ одномъ отношеніи: онъ такъ долго отсутствовалъ, что женихи завладѣли совсѣмъ его домомъ, ко времени его возвращенія. Оставимте его прахъ лежать въ покоѣ и будемте счастливы, что съ нимъ цѣлая эпоха засыплется нѣсколькими лопатами земли, эпоха, бывшая враждебной всему великому и поставившая себѣ задачей всему мѣшать и всему препятствовать.

Когда заиграли на органѣ, докторъ ушелъ.

Эсфирь и Максъ остались сидѣть.

— Да, — замѣтилъ Максъ, — нашъ добрый докторъ исходитъ изъ точки зрѣнія восьмидесятихъ годовъ, но онъ забываетъ, что мы живемъ въ девяностыхъ годахъ. Онъ не понимаетъ наступающаго новаго времени; онъ насъ молодыхъ не понимаетъ, потому что, если бы онъ раз-

слышалъ нашъ недавній разговоръ, то онъ... да, какъ называется красивое описаніе!

— Неврастенія!

— Да, такъ онъ это назвалъ бы! Въ восьмидесятыхъ годахъ вездѣ видѣли катарръ желудка, даже тамъ, гдѣ его и не было, а теперь всюду неврастенія. Каждое время имѣетъ свои болѣзни, которыми объясняютъ душевныя измѣненія, совсѣмъ какъ необъяснимыя болѣзни дѣтей въ періодъ роста. «Онъ растетъ», говорятъ. Да, мы выросли и потому больны. Что такое воспаление слѣпой кишки? Вѣдь это болѣзнь животнаго органа, ставшаго ненужнымъ и который, слѣдовательно, надо вырѣзать! Поэтому, видите ли, я не хочу этого отрицать, мои симпатіи иногда принадлежали покойному, который при незначительной силѣ отличался доброй волей и высшими стремленіями. Вашъ же докторъ, напротивъ (да, онъ дитя своего времени, но оно уже прошло), для меня онъ чужой, для меня онъ почти покойникъ. Идеалы его молодости отчасти перестали быть нашими идеалами, потому что они осуществились, а идеалы должны лежать передъ нами. Но опасно въ докторѣ то, что онъ сталъ чуть ли не гонителемъ и врагомъ всего. Онъ юности боится и ни о чемъ новомъ и слушать не хочетъ. Онъ разъ навсегда провелъ свою демаркаціонную линію: до нея, но отнюдь не за нее. вмѣсто того, чтобы стараться объяснить необъяснимое, встрѣчающееся ежедневно, онъ все отвергаетъ. Онъ, подчиняющійся законности и порядку, вѣрится въ случайности; допускать, что можно въ одинъ мигъ отречься отъ своихъ убѣжденій — доказательствъ слабости. Онъ вѣрится въ развитіе, но отказываетъ нашей духовной жизни въ развитіи съ высшимъ совершенствомъ. Онъ вѣрится въ беспроволочный телеграфъ, но отрицаетъ способность душъ сообщаться

на отдаленіи. Онъ немного простоватъ, нашъ добрый докторъ! Холгеръ, напротивъ, можетъ до чего-нибудь дойти. Онъ въ тюрьмѣ, видимо, сдѣлалъ нѣкоторыя открытія, но онъ конфузится о нихъ говорить и боится, какъ бы надъ нимъ не стали смѣяться какъ надъ мистикомъ. И онъ отлично знаетъ, что газета его умерла бы въ тотъ же день, какъ вздумала бы дотронуться до струны... Ты вѣдь знаешь, что то, что я пишу, мнѣ не удается напечатать, такъ какъ это считается безуміемъ, и я принужденъ ждать, и, быть можетъ, я не дождусь никогда...

Въ эту минуту шествіе двинулось изъ церкви.

— Странно смотрѣть, — замѣтила Эсфирь, — какія различныя партіи соединились, чтобы отдать честь покойнику.

— Да, другъ мой, это можетъ служить доказательствомъ того, что во всѣхъ сердцахъ живо воспоминаніе съ «того берега» и что всѣхъ привлекаетъ высшее. Я могу разрѣшить противорѣчія въ его жизни и изъ самыхъ крайнихъ противорѣчій вывести синтезъ, но для этого требуется воспитаніе и самообладаніе.

Высокій, благородный членъ
Семьи духовъ отъ зла избавлень;
Тысячекратно тотъ блаженъ,
Кто каждой къ истинѣ направленъ.
Когда жъ съ небесъ любовь его
Съ участьемъ руководить, —
Тѣмъ громче наше торжество,
Когда онъ къ намъ восходитъ!

Но я понимаю и роль Мефистофеля.

Подобными тебѣ не буду я гнушаться.
Изъ отрицающихъ духовъ
Охотнѣй всѣхъ терпѣть я хитреца готовъ.

Слушай же внимательно!

Коль человекъ въ трудѣ ослабѣваетъ,
Поддавшись праздности и мелочнымъ страстямъ,
Съ охотою ему товарища я дамъ,
Что дьявольски его и дразнить и прельщаетъ.

Вотъ задача отрицателя, право зла въ экономіи жизни. Вотъ тебѣ нѣкоторое подобіе нашего доктора: противникъ, указатель погрѣшностей, который какъ мужчина выполняетъ свое призваніе, и въ такое время, когда примирители наперебой предлагаютъ другъ другу ласку и обоюдную похвалу, — онъ очень нуженъ. Теперь надо намъ идти. Церковь сейчасъ запругъ.

Они вышли и, какъ бы повинуюсь молчаливому уговору, направились къ островамъ. То были ихъ самые счастливые часы, когда они вмѣстѣ гуляли. То, что они шли рядомъ, заставляло ихъ равнять шаги. Отсюда вытекала своего рода гармонія, основанная на обоюдной уступкѣ.

Утомившись, Эсфирь захотѣла посидѣть на новой оперной террасѣ. Нѣсколько нерѣшительно послѣдовалъ за нею Максъ. И вотъ они сѣли за маленькій столикъ другъ противъ друга. Настроеніе стало болѣе интимное; они глядѣли другъ другу прямо въ глаза.

— Какъ намъ на это рѣшиться? — спросилъ Максъ.

— Не знаю! Я и желаю этого и не желаю.

Обоимъ внезапно захотѣлось заговорить о другомъ; вѣроятно, они оба стремились отстранить болѣзненную операцию. Эсфирь оглянулась кругомъ на публику; ей хотѣлось найти пищу какимъ-нибудь отдаленнымъ воспоминаніямъ. Вдругъ она увидала капитана въ артиллерійской формѣ.

— Помнишь, — начала она, — французскаго артиллерійскаго капитана, который былъ сосланъ за шпионство?

— Да, — отвѣтилъ разсѣянно Максъ.

— Сталь распространяться слухъ, будто онъ невиновенъ. Что ты объ этомъ думаешь?

Максъ не любилъ такихъ быстрыхъ перемѣнъ въ разговорѣ. У него было впечатлѣніе, что его хотятъ обмануть, направить мысли его туда, куда онъ не хочетъ.

— Я былъ въ то время въ Парижѣ, — отвѣтилъ онъ все же, чтобы не быть грубымъ, — и получилъ впечатлѣніе, что онъ виновенъ, и это показалось мнѣ вполнѣ естественнымъ, такъ какъ онъ по рожденію нѣмецъ и говорить по-эльзасски и такъ какъ въ 1871 году родина его была присоединена къ Германіи.

— Почему же ты считаешь его виновнымъ?

— Капитанъ сдѣлался французомъ, — сказалъ, подумавъ немного, Максъ, — но родственники его въ Мюльгаузенѣ остались нѣмцами, и когда каждое лѣто Дрейфусъ, такъ его звали, ихъ навѣщалъ, очень понятно, что онъ болталъ. Я тоже знаю, что въ Фонтенебло, или еще гдѣ-то, къ нему пріѣзжалъ одинъ его братъ-нѣмецъ и что онъ показывалъ ему кое-что изъ новыхъ открытій.

— Но на основаніи чего же онъ былъ осужденъ?

— На основаніи фактовъ: согласныя свидѣтельскія показанія и уличающія обстоятельства. Современное изобличеніе зиждется больше на такого рода доказательствахъ, чѣмъ на матерьяльныхъ. А свидѣтельства всегда болѣе или менѣе невѣрны, вслѣдствіе несовершенства человѣческой памяти и вслѣдствіе зависимости общественнаго приговора отъ различія интересовъ и симпатій.

— Да, но я что-то припоминаю, будто онъ былъ осужденъ на основаніи документа, который могъ внушить сомнѣніе.

— Ты говоришь о такъ называемомъ бордеро. Я ви-

дѣль его автографъ вмѣстѣ съ письмомъ Дрейфуса, и тутъ же было то, что Дрейфуса заставили написать подѣ диктовку. Но этой экспертизой ничего еще доказать нельзя, потому что у Дрейфуса было два различныхъ почерка: одинъ нѣмецкій, пріобрѣтенный съ дѣтства, другой французскій, которому онъ научился во Франціи. Бордеро написано французскимъ почеркомъ, что видно по цифрамъ, по цифрѣ 4, которая такъ написана, какъ пишутъ только французы, и по цифрѣ 5, тоже написанной французскимъ способомъ.

Онъ карандашомъ начертилъ цифры на мраморномъ столикѣ.

— Въ пробномъ письмѣ, ему продиктованномъ, Дрейфусъ пишетъ нѣмецкія цифры. Письмо это начиналось такъ:

«Paris, 15 octobre 1894».

Эсфирь слушала внимательно.

— Ты, кажется, основательно изучилъ этотъ процессъ, — замѣтила она.

— Да, смотри же: цифры тутъ изображены по-нѣмецки, но онъ переправилъ число: 15 передѣлано изъ 13. Почему же онъ сначала написалъ 13, когда при диктовкѣ онъ не могъ не слышать quinze, вмѣсто treize? Да, а потому что 13-го что-то произошло, чего ты не знаешь! Слѣдовательно, почеркъ бордеро не можетъ служить доказательствомъ, такъ какъ у этого человѣка было два почерка.

— Значитъ ты думаешь, что это онъ написалъ бордеро?

— Я не знаю, но такъ какъ его приговорили не на основаніи бордеро, а по разнымъ другимъ указаніямъ, то это все равно. Странно то, что въ карманѣ Дрейфуса, когда его увозили съ острова Рець, была найдена копія съ бордеро.

Какимъ образомъ онъ ее получилъ, когда въ тюрьмѣ онъ оригинала имѣть не могъ? И къ чему она ему, когда бордеро могло только послужить къ его гибели? Не была ли эта копія оригиналомъ? Кто знаетъ!

— Какимъ образомъ тебѣ все это извѣстно?

— Это не было тайной. Онъ самъ не могъ отрицать существованія этой копіи, когда она была найдена у него.

— Но почему тебя этотъ процессъ такъ интересуешь?

— Этого я сказать не могу!

— Теперь онъ сидитъ на островѣ, который нѣкоторые называютъ островомъ Чорта, другіе островомъ Спасенія. И толкуютъ о какихъ-то яхтахъ, которыя должны его спасти

— Онъ еврей?

— Да, навѣрно; но это не могло ему вредить въ просвѣщенной Франціи, гдѣ въ арміи чуть ли не тридцать шесть офицеровъ евреевъ и гдѣ Дрейфусъ, несмотря на то, что онъ прирожденный нѣмецъ, бывалъ принятъ въ генеральномъ штабѣ, хотя онъ и еврей. Желали показать себя просвѣщенными и безъ предубѣжденій. Что еще что-нибудь изъ этого яйца вылупится, это я имѣю основаніе утверждать.

— Думаешь ли ты, что онъ виновенъ?

Максъ взглянулъ на Эсфирь и почувствовалъ въ ея вопросѣ вызовъ.

— Я думаю, — отвѣтилъ онъ холодно, — онъ болталъ, и я нахожу это простительнымъ. Написалъ ли онъ бордеро? не знаю, но нахожу невѣроятнымъ, чтобы человѣкъ носилъ при себѣ доказательство своего преступленія. Вѣроятно, онъ виновенъ, но не въ томъ, въ чемъ его обвиняютъ. И въ этомъ его сила! Поэтому онъ могъ, когда его лишили чиновъ, гордо крикнуть на все Марсово поле: «Я не виновенъ!» (т.-е., въ вашемъ глупомъ обвиненіи).

Наступило смущеніе, недомолвка, и Эсфири стало холодно. Графъ Максъ почувствовалъ себя нервнымъ и находилъ, что сидѣвшее за ними общество слишкомъ шумить. Пробѣжала собака между столами и хвостомъ мазнула по скатерти; кельнеръ задѣлъ за спинку стула Эсфири...

— Я думаю, что намъ время пришло встать,—замѣтилъ Максъ.— Тутъ стало скучно, и это всегдашній результатъ нѣкоторыхъ разговоровъ. Что-то зловѣщее въ воздухѣ. Мертвецы тутъ вокругъ несприятно вліяютъ на меня; мнѣ хочется уйти. Я бы желалъ выйти изъ кожи своей и какъ чайка улетѣть къ морю и тамъ окунуться въ большія зеленныя волны, лечь на спину и видѣть передъ глазами только одно небо. Я бы хотѣлъ большой волной достигнуть океана и тамъ гнаться за фрегатами и спускаться до дна морского.

Ударили въ церковный колоколь.

— Обрати вниманіе на эти колокола! Эта церковь всегда казалась мнѣ часовней, соединенной съ опернымъ рестораномъ. Пока тамъ наверху звонятъ, внизу на террасѣ стучать ложки о тарелки и звенять пуншевыя стаканы, лавровыя деревья испускаютъ аромат; эта терраса между прочимъ похожа на французское кладбище съ обсаженными зеленью могилами и стриженными деревьями. Ахъ, какъ мнѣ холодно! Не пойти ли намъ?

Эсфирь знала, что это значить,—имъ надо разстаться, такъ какъ начиналось отвращеніе, ненависть безъ особаго повода, и если бы она осталась съ нимъ, то наступило бы молчаніе или ожесточенный споръ.

Они, не простившись, по молчаливому обоюдному соглашенію разстались, увѣренные въ томъ, что рано или поздно опять встрѣтятся.

XVII.

Эсфирь и Максъ шли по набережной къ выставкѣ, которую они еще не видали. Оба уроженцы Стокгольма, они такъ знали наизусть всѣ дорожки Зоологическаго сада, что могли бы съ закрытыми глазами нарисовать его планъ. Однако теперь, увлекшись разговоромъ и углубивши взоры вовнутрь себя, они вдругъ остановились пораженные. Передъ ними растянулся бѣлый, сіяющій городъ, разряженный какъ для праздника.

Максъ какъ въ экстазѣ смотрѣлъ впередъ, назадъ, во всѣ стороны.

— Снова вернулся свѣтъ!

Они пошли дальше.

— Исчезъ страхъ передъ бѣлымъ!—началъ онъ.—Глаза въ прежнее время не выносили бѣлыхъ домовъ, гигиена стала запрещать окрашивать дома бѣлой известью, и въ дни нашей юности дома красили въ цвѣтъ сажки и ржавчины. Городъ требовалъ, чтобы въ штукатурку прибавляли сосновой сажки или желѣзной охры. Также и зеленый цвѣтъ надежды, онъ тоже почему-то былъ отвергнутъ эстетикой, теперь и онъ празднуетъ свое возвращеніе; бѣлое приняло зеленоватый оттѣнокъ, а зеленое—золотистый. Даже національный флагъ сталъ свѣтлѣй: густой индиго перешелъ въ нѣжный кобальтъ, тяжелое яичное желтое—въ блѣдно-золотое. Мы блуждали во мракѣ, но то была лишь лѣтняя ночь, которой скоро долженъ былъ настать конецъ. Я помню, какъ въ моемъ дѣтствѣ мои сестры носили бѣлые чулки, какъ и моя мать, и я помню, какъ чернѣли ихъ ноги. Я находилъ, что онѣ походили на демоновъ, вылѣзшихъ

изъ печныхъ трубъ! Бѣлое перешло въ черное, и я помню нѣкоторыхъ женщинъ, которыя кокетничали своимъ траурнымъ нарядомъ, хотя и не думали быть въ траурѣ. Теперь опять все свѣтлѣетъ. Чулокъ окрасился и поэтому башмакъ кажется менѣе чернымъ. Женщина опять вернулась къ длиннымъ волосамъ и снова открыла свою шею и грудь. Теперь мы опять будемъ имѣть матерей, увѣшанныхъ дѣтьми!

Они дошли до конца моста и вошли въ бѣлый городъ выставки. Людей они не видали; ихъ окутала ихъ собственная аура, которая и сдѣлала ихъ какъ бы невидимыми. Они не обращали вниманія на зданія и другіе предметы, встрѣчающіеся имъ: все было въ ихъ глазахъ лишь декорацией для ихъ мысленныхъ картинъ. На выставкѣ они проходили мимо машинъ, минеральныхъ коллекцій, мебели, разныхъ предметовъ промышленности. Они вошли въ отдѣлъ стараго Стокгольма; на мгновеніе они окунулись въ забытое старое время, но скоро почувствовали стѣсненіе въ груди и неудержимое стремленіе къ настоящему! Жить настоящимъ, не прежнимъ! Ни на одинъ день назадъ, а лучше въ будущее, лучше опередить себя и свое время!

Наконецъ, они сѣли въ голубомъ гротѣ.

— Теперь,—говорилъ безъ умолку Максъ,—въ голубое окрашена моя мысль, я вижу все голубымъ. Я знаю, гдѣ я, но я забылъ, что я здѣсь. Я знаю, какъ тебя зовутъ, но не хочу тебя назвать, потому что ты не та, къмъ кажешься. Знаешь ли ты, что такое было Гудсифолагъ? Это было сродство души, которое будто бы существовало между крестникомъ и ребенкомъ его крестнаго отца. Я этому вѣрю; я вѣрю въ самостоятельное существованіе души внѣ тѣла и въ духовное кровосмѣшеніе. Мы съ тобой непременно братъ и сестра какимъ-нибудь невѣдомымъ намъ образомъ, и поэтому у насъ нѣтъ дѣтей; поэтому на насъ

тяготѣть какой-то позоръ, чувство стыда, которыхъ мы объяснить не можемъ. Ты не та, какою кажешься, потому что, когда тебя со мной нѣтъ и я о тебѣ думаю, то въ представленіи моемъ ты совсѣмъ другая...

— Какая же я?

— То мать моя, то сестра, то... Ты знаешь, я думаю, что души живутъ настолько раздѣльно отъ тѣлъ, что они свой отростокъ прививаютъ чужому стволу и въ немъ продолжаютъ жить сопрофитно. Лишай, произрастающій на деревьяхъ и на камняхъ происходитъ отъ соединенныхъ жизней водорослей и гриба, отъ соединенія, называемаго симбіозомъ. Это супружество мое по духу, а супружеское сходство—это та необъяснимая сила души, которая можетъ преобразовать матерію. Я видѣлъ твоего отца, но еще никогда не видалъ твоей матери, когда однажды въ театрѣ, за нѣсколько рядовъ впереди меня, я увидалъ затылокъ дамы, обратившей мое вниманіе. Я обернулся къ сидѣвшему со мной и сказалъ ему: «Затылокъ этой дамы наводитъ меня на мысль о Густавѣ Боргѣ!» «Да вѣдь это его жена!» отвѣтили мнѣ. Если бы дѣло шло о пищѣ, то еще можно было бы объяснить это дѣйствіемъ извѣстной приспособляемости въ общежитіи, но затылокъ? Вѣдь это похоже на басню.

— Конечно, есть люди, которые рождаются близнецами,—возразила Эсфирь,—но можно стать близнецами и впоследствии. Мать моя и ея сестра не были близнецами, но когда послѣдняя однажды порѣзала себѣ руку, мать моя на далекомъ разстояніи почувствовала боль. Ты и я стали близнецами, но мы должны перестать быть ими.

— Я думаю, мы умремъ въ то самое мгновеніе, когда связь будетъ перерѣзана. Горе разлуки самое большое изъ всѣхъ страданій, но мы должны на это рѣшиться.

— Можешь ли ты представить себѣ конецъ?

— Нѣтъ! А то, чего нельзя себѣ представить, не существуетъ.

Они встали и опять пошли и дошли наконецъ до вала.

Вдругъ имъ навстрѣчу выбѣжали лающія собаки, и Максъ весь сморщился отъ неприятнаго чувства.

— Здѣсь эти животныя? Да неужели же людей нѣтъ въ Швеціи?

— Ты не другъ животныхъ?

— Нѣтъ, я, какъ ты знаешь, ненавижу все животное, въ особенности во мнѣ самомъ. А эти друзья животныхъ... да, ты вѣдь сама это знаешь, жена завѣдующаго чуть не убила дѣтей своихъ, кормя ихъ изюмомъ и миндалямъ (она была вегетаріанкой), но слышать не могла, чтобы зарѣзали барана. Кто такъ глубоко зашелъ въ царство животныхъ, что сочувствуетъ больше животнымъ, чѣмъ дѣтямъ людей, того можно со спокойной совѣстью послать къ ветеринару, чтобы онъ далъ ему понюхать ціанистаго калия. Я какъ-то слышалъ, что кавалеристы и пастухи... Нѣтъ, покинемъ эти мѣста! Тутъ царствуетъ зло, какъ и вездѣ, гдѣ заперты звѣри! Пойдемъ лучше въ бесѣдку Сведенборга.

— Читалъ ли ты Сведенборга?

— Сведенборга не читаютъ, его воспринимаютъ, или не воспринимаютъ. Его можно понять только, если переживаешь то же, что онъ. Поэтому его читать бесполезно: для непосвященныхъ онъ закрытъ.

Они продолжали гулять.

* * *

Передъ центральнымъ рестораномъ сидѣли консулъ Леви и докторъ Боргъ.

— Ну, обличитель, что ты на это скажешь?

— Я бы всего больше желалъ молчать, сохраняя въ себѣ прекрасное впечатлѣніе праздника.

— Нѣтъ! ты долженъ восхищаться шведской промышленностью и шведскими открытіями.

— Какими открытіями?

— Какъ?

— Слабое примѣненіе старинныхъ идей; темы — чужія, свои же лишь вариации.

— Ну, а сепараторъ? Честь и богатство Швеціи!

— Да! это! Отдѣлять сахаръ и патоку было всегда дѣломъ центробѣжной силы; теперь же она снимаетъ сливки — вотъ и все!

— Ты вздоръ болтаешь! Именно примѣненіе центробѣжной силы для молока — послѣдняя новость.

— Нѣтъ! молочный сепараторъ былъ въ 1864 году изобрѣтенъ Прандетелемъ въ Баваріи и только усовершенствованъ въ Швеціи.

— Удивительно! А паровая турбина? Эта что-нибудь да значитъ?

— Да! Но и это старо! Пустить въ ходъ пары, вмѣсто воды — вотъ и все! Нѣтъ! Кто введетъ для паровика другую жидкость, кромѣ воды, жидкость имѣющую болѣе низкую точку кипѣнія, какъ, на примѣръ, эфиръ, закипающій въ 45° , тотъ сэкономитъ силу и тотъ будетъ дѣйствительно изобрѣтателемъ. Когда можно будетъ нагрѣть паровикъ спиртовой лампой, тогда я готовъ буду участвовать въ раздачѣ призовъ. Или если изобрѣтенъ будетъ воздушный шаръ, который поднимется, будучи наполненъ азотомъ и въ которомъ будетъ для теплоты горѣть керосиновая печка.

— Азотъ?

— Да, азотъ, имѣющій тотъ же удѣльный вѣсъ, что и свѣтильный газъ, а именно 0,9, можетъ поднять воздушный шаръ. Такъ какъ азотъ не воспламеняется и не взрываетъ, то шаръ можно согрѣть или бензиновой лампой, или керосиновой печкой, или ацетиленомъ. Я тогда буду сидѣть въ теплѣ и лишь буду пользоваться винтомъ, чтобы по желанію подниматься и опускаться, буду сходить на землю, не выпуская газа изъ шара, опять поднимусь въ ожиданіи благоприятнаго вѣтра.

— Ну, а опасность пожара?

— Азотъ не опасенъ въ смыслѣ пожара, а огнеупорная ткань не загорается! Ее ты можешь заказать инженеру, точно такъ же, какъ регуляторъ для моей эфири-или бензино-паровой машины.

— Можетъ быть, у тебя есть еще и другія изобрѣтенія въ умѣ?

— Да, мы должны жечь воду. Ты знаешь, что коксъ съ водой горитъ лучше, чѣмъ сухой! Сдѣлай же кусокъ пористаго кокса изъ огнеупорной глины или изъ чугуна и поливай его непрерывно разогрѣтымъ паромъ, разведи предварительно огонь изъ обыкновеннаго кокса, который будетъ производить тебѣ паръ.

— Это тоже недурно! Можетъ быть, у тебя еще есть что нибудь въ запасѣ?

— Да. У насъ есть телескопъ. Но это старое птичье пугало совершенно излишне. Я недавно глядѣлъ въ подзорную трубу магнитнаго теодолита, трубка котораго была не длиннѣй полуфута, а стекла въ діаметрѣ не больше марки. Это была подзорная труба, дѣйствительно пригодная для наблюдений! Самое дорогое это то, что для планетъ не требуется значительныхъ увеличеній. Марсъ требуетъ только увеличенія въ 50 разъ. На звѣзды нечего глядѣть, потому

что онѣ становятся тѣмъ меньше, чѣмъ значительнѣе увеличеніе; такъ что онѣ являются страннымъ источникомъ свѣта. Остаются солнце и луна, а ихъ также хорошо видно въ простой бинокль. Итакъ, намъ слѣдовало бы... Смотри, вотъ Куртъ!

Подошелъ дѣйствительно Куртъ Георгъ. Онъ казался радостнымъ, но разсѣяннымъ.

— Откуда ты? — привѣтствовалъ его докторъ.

— Я былъ только-что свидѣтелемъ чуднаго и великаго событія. Я въ риттергаузѣ былъ на религіозномъ конгрессѣ и слышалъ, какъ епископъ дѣлалъ комплименты раввину.

Исаакъ Леви не пришелъ отъ этихъ словъ въ восторгъ, какъ того ожидалъ архитекторъ, потому что Исаакъ предпочиталъ не говорить о вопросахъ религіи.

Докторъ же, напротивъ, ухватился за эту тему.

— Да, и это тоже отголосокъ прежняго! Религіозный парламентъ въ Чикаго въ 1893 году былъ гораздо многочисленнѣе. Тамъ собрались всѣ народы, всѣ вѣроисповѣданія, и собраніе каждое утро воспринимало благословеніе избраннаго на каждый день предсѣдателя, будь онъ магометанинъ, буддистъ, католикъ или лютеранинъ. Самъ папа послалъ имъ свое привѣтствіе... Въ нашемъ же конгрессѣ недостаетъ чего-то существеннаго, а именно католика.

— Не сталъ ли и ты католикомъ? — спросилъ Куртъ.

Докторъ не нашелъ нужнымъ отвѣчать на глупый вопросъ.

— Что-то исключительно лютеранское лежитъ на этомъ конгрессѣ, и поэтому онъ ограниченъ, какъ все лютеранское. Забыли ли вы, между прочимъ, что Пій IX въ 1868 году призвалъ къ участию въ соборѣ въ Ватиканѣ грековъ, протестантовъ и другихъ не-католиковъ, чтобы заключить съ Христомъ компромиссъ. Приглашенные еретики не явились.

— Да, это возможно,— снова возразилъ Куртъ,— но тутъ должно произойти что-то великое, и мы увидимъ кое-что новое въ будущемъ столѣтїи.

— Французское просвѣщеніе ушло во времена революціи гораздо дальше, чѣмъ у насъ теперь. Они все шлифовали, а конгрессъ теперь разбираетъ только то, что создало ваше собственное сопротивление...

Стало пасмурно, и небо покрылось сѣрыми гребнями тучъ. Сверху спускался мракъ, но бѣлый городъ казался еще бѣлѣй и улыбался черному небу.

— Похоже на циклонъ,— замѣтилъ докторъ.

— Между прочимъ, о циклонѣ; помните вы циклонъ, разразившійся надъ Парижемъ?— началъ Куртъ.— Это было въ прошломъ году, 10 сентября; я тамъ былъ и могъ его наблюдать. Смотрѣть на то, что творилось, было ужасно, и можно было отъ страха лишиться разсудка. Онъ опустошилъ площадь святого Сульпиція, возлѣ іезуитской семинаріи, перешелъ къ Сенѣ и въ щепки разбилъ угольное судно, носившее названіе «La Revanche»...

— Это былъ символическій циклонъ,— замѣтилъ Исаакъ

— Оттуда онъ повернулъ къ знаменитой Капеллѣ святого Людовика и опрокинулъ лѣса, потомъ онъ бросился прямо къ Палатѣ Юстиціи. Тамъ сидѣлъ судья и разбиралъ дѣла, какъ вдругъ окна разбились и большое дерево съ корнемъ повалилось въ залъ. Будка постового полицейскаго, стоявшая на улицѣ, попала въ длинный коридоръ. Палата Юстиціи, казалось, всего больше пострадала. Но оттуда вихрь понесся еще къ госпиталю святого Людовика и захватилъ 50 метровъ желѣзной рѣшетки, чѣмъ чуть не былъ убитъ сотрудникъ «Courrier de Paris».

— Не сочиняешь ли ты все это сейчасъ? Другъ Маркъ видѣлъ бы въ этомъ предупрежденіе, но, къ счастью, въ

Парижѣ уже цѣлый годъ спокойно, а обыкновенно предсказанія погоды болѣе года не дѣйствуютъ!

— Сочиняю? Ты можешь все это прочесть въ вырѣзкѣ изъ «Vossische Zeitung», которую я имѣю при себѣ!

— Нѣтъ! благодарю! Я помню и безъ этого: иезуитская семинарія, св. Людовикъ два раза, La Revanche и Палата Юстици...

— Такъ запомни же, — сказалъ Куртъ въ рѣзкомъ, почти фанатичномъ тонѣ, — и если въ Парижѣ что-нибудь произойдетъ въ этомъ году или въ будущемъ, то...

— Развѣ ужъ и ты сдѣлался оккультистомъ? — спросилъ докторъ.

— Оккультистомъ или нѣтъ, но наступаютъ времена!.. Въ Парижѣ мнѣ приснился сонъ...

— Ты отыщи его толкованіе въ толковникѣ!

— Смѣйся, но возьми эту вырѣзку изъ газеты и сохрани ее, хотя бы только для пробы. Вѣдь ты любишь опыты. Это «Vossische Zeitung» отъ 15 сентября 1896 года. Теперь у насъ 97 годъ.

— Хорошо! — возразилъ докторъ. — Хочешь, будемъ биться объ закладъ, что ничего изъ этой легенды не воспослѣдуетъ?

— Бьемся объ закладъ! Сто кронъ! — сказалъ Куртъ. — Исаакъ будетъ свидѣтелемъ.

Исаакъ съ большимъ интересомъ прислушивался ко всему, что происходило между Куртомъ и докторомъ; онъ согласился быть свидѣтелемъ этого пари. Куртъ вынулъ изъ кармана бумажникъ, досталъ вырѣзку изъ газеты и положилъ ее на столъ.

— Это дѣйствительно описаніе на французскомъ языкѣ циклона, разразившагося надъ Парижемъ, и оно согла-

суется съ разсказомъ Курта. Но означаетъ ли это что-нибудь? Ну, увидимъ!

— Что, чортъ возьми, можетъ это означать? Циклоновъ создавать нельзя даже іезуиту или оккультисту, а въ сверхъестественные циклоны никто не вѣрить.

— Увидимъ! Увидимъ!

Эсфирь и Магсъ нѣсколько разъ прошли мимо художественнаго павильона.

— У меня такое впечатлѣніе, — замѣтилъ Магсъ, — что здѣсь шведы другъ друга не любятъ, а соединяются въ страхъ передъ невѣдомымъ будущимъ! Это напоминаетъ потребность больного примириться съ недругомъ; стоитъ ему выздоровѣть, и опять врагъ тутъ какъ тутъ.

Они остановились, сначала присматриваясь къ темной тучѣ циклона на небѣ, а потомъ взглянули въ отворенную дверь художественнаго павильона, какъ бы рассчитывая тамъ укрыться въ случаѣ надобности отъ дождя.

— Видишь, — снова началъ графъ, — видишь тамъ этотъ бюстъ?

— Вѣдь это Арвидъ Фалькъ! Живъ онъ еще?

— Да, живъ.

— Пойдемъ, посмотримъ поближе.

Они вошли.

— Я не ожидалъ увидѣть его здѣсь, — замѣтилъ Магсъ, — но его считаютъ уже умершимъ и неопаснымъ.

— Кто сдѣлалъ этотъ бюстъ?

— Женщина; вѣдь странно?

— Нѣтъ, почему? Онъ вѣдь всегда жилъ съ женщиной и ребенкомъ, — отвѣтила Эсфирь. — Но, что такое тамъ на цоколѣ?

— Это что-то въ родѣ пламени. Что это должно изображать—сѣру, которую онъ анализировалъ, или это адъ, въ которомъ онъ теперь живетъ?

— Онъ не выглядитъ испуганнымъ; напротивъ, въ выраженіи его лица свѣтится божеская увѣренность, которую боги ненавидятъ.

— Думаешь ли ты, что кто-нибудь понялъ этого человѣка? Онъ увѣряетъ, что нѣтъ, такъ какъ онъ и самъ себя не понимаетъ. Но иногда кажется, что онъ предугадываетъ загадку своей жизни и смотритъ на себя, какъ на задачу. Мнѣ онъ необыкновенно напоминаетъ бальзаковского Louis Lambert, который здѣсь не у мѣста. Недовольство всѣмъ, что на землѣ дѣлается, желаетъ онъ приписать таинственнымъ воспоминаніямъ лучшаго. Онъ считаетъ, что все, что онъ здѣсь видитъ, только плохія копіи оригиналовъ, которые онъ смутно помнитъ. И его колебаніе между аскетической набожностью и чувственнымъ безбожіемъ указываетъ на то, что онъ на земную жизнь смотритъ, какъ на кару, и что ему отъ времени до времени необходимо въ видѣ наказанія принять грязевую ванну.

— Зналъ ли ты его?

— Нѣтъ, я думаю нѣтъ человѣка, кто бы зналъ его. У него особая способность въ общежитіи скрывать себя, при чемъ онъ такъ приспособляется къ говорящему, что собесѣдникъ получаетъ такое впечатлѣніе, будто онъ видитъ свое собственное отраженіе или говоритъ самъ съ собой. Вотъ почему имѣется о немъ столько различныхъ характеристикъ, производящихъ впечатлѣніе, что портретисты воспроизвели собственные образы, а никакъ не его. Недавно пробовала одна дама обрисовать его въ эскизѣ, но тутъ же объявила, что ничего у нея не выходитъ и что она на этомъ чуть съ ума не сошла.

— Почему же его так ненавидят?

— Миръ васъ ненавидитъ, потому что вы не отъ мира сего.

Въ это мгновеніе графъ Максъ почувствовалъ какъ бы теплое дуновеніе за своей спиной. Онъ оглянулся и увидѣлъ человѣка неопредѣленнаго возраста, стоявшаго передъ бюстомъ и уставившагося на него съ иронической и пренебрежительной усмѣшкой на лицѣ.

Графъ чуть не вскрикнулъ, но, удержавшись, онъ обернулся къ Эсфири и молча многозначительно взглянул на нее.

Незнакомецъ прошелъ дальше.

— То былъ онъ?

— Кажется!

— Видѣлъ ли ты выраженіе его лица? Онъ какъ бы сверху внизъ смотрѣлъ на себя, и глаза его говорили: съ этимъ мы покончили!

— Что это должно означать?

— Онъ всегда вѣдь стоялъ выше себя, и въ немъ соединялись въ сильнѣйшей степени чувство собственного достоинства и откровенное самоуничиженіе. Онъ, быть можетъ, стоитъ теперь на новомъ пути и смотритъ презрительно на изображеніе себя такимъ, какимъ онъ былъ прежде!

— Но увѣренъ ли ты, что это онъ? Вѣдь онъ въ Парижѣ!

— Я не вѣрю въ двойниковъ. Мы, ты и я, вѣдь иногда «видимъ» другъ друга, тогда какъ это лишь наше начертаніе, плюсъ еще что-то, что я опредѣлить не могу. Теософы наблюдали это явленіе, но не могутъ дать ему объясненія, но, однако, прозвали его «материализаціей при помощи полуматеріи мысли».

— Но вѣдь онъ такъ тяжело ступалъ?

— Да, онъ такъ тяжело ступаетъ, какъ будто онъ придерживается земли, чтобы не быть унесеннымъ на воздухъ...

— Но не хочешь ли ты осмотрѣть художественный отдѣлъ?

— Я слѣпъ глазами; я внѣшнихъ предметовъ видѣть не могу. Я хочу лишь одного — итти рядомъ съ тобой, тогда только во мнѣ свѣтло. Можешь ты это объяснить? Хотя я иногда, когда о тебѣ думаю, прихожу къ заключенію, что ты изъ міра мрака. Тогда я ненавижу тебя, какъ злого духа. Что это такое? Ну, скажи теперь, когда настало время умироустройства, думаешь ли ты, что и мужчина и женщина тоже примирятся и что прекратится борьба двухъ половъ?

— Нѣтъ, — отвѣчала Эсфирь, — этого я не думаю, потому что, если бы ихъ не отдаляло существующее между ними разногласіе, вся жизнь стала бы развратомъ. Ты вѣдь знаешь, что всѣ сторонники женщинъ странные люди. У нихъ женская душа, и поэтому они въ женщинѣ почитаютъ себя самихъ. Юноши, еще вполне дѣвственные, всегда уважаютъ женщину. А слышалъ ли ты, что наши господа перестали говорить о своихъ связяхъ...

— Я не слышалъ того, что ты сказала.

— Нѣтъ, но у тебя способность быть непроницаемымъ къ постороннимъ влияніямъ.

— Когда они изменны! Ты опять темнѣешь!

Они пошли дальше, но держались далеко одинъ отъ другого, и Максъ производилъ впечатлѣніе, какъ будто бы онъ собирался шмыгнуть въ ближайшую дверь и скрыться.

— Намъ надо на нѣкоторое время разстаться, — замѣ-

тила Эсфирь,—мы черезъ часъ можемъ встрѣтиться у выхода.

— Я радъ, что ты такъ умна! — отвѣтилъ Максъ. — Но мы разстанемся друзьями, тогда мы черезъ нѣсколько минутъ опять будемъ искать другъ друга.

— Друзьями!

Бѣлыя зданія выставки сіяли подъ грознымъ небомъ циклона, который никакъ не могъ разразиться. Архитектура этихъ построекъ была причудлива и ничѣмъ не напоминала Швецію, а скорѣй Востокъ. Откуда получили строители такое вдохновеніе? Изъ страны Восходящаго Солнца, куда теперь обращены были въ ожиданіи и въ трепетѣ взоры вселенной, послѣ того какъ Японія дала земному шару толчокъ, распространившійся на Западъ и который, быть можетъ, откроетъ новый періодъ въ исторіи вселенной; настолько новый, что историки назовутъ его новѣйшимъ временемъ, а все, что этому періоду предшествуетъ, включая сюда и наше время — древнѣйшимъ. Продѣлали отверстіе тамъ на Востокѣ въ эти большія осинныя гнѣзда, и вотъ взлетѣли черно-желтые. Но отдаленный Западъ въ странѣ Заходящаго Солнца тоже задвигался. Всѣ народы земного шара собрались тамъ, вывели новое поколѣніе, которое почувствовало свою силу, не признавая въ Атлантическомъ океанѣ пограничной линіи, но пожелало участвовать при раздѣлѣ земного шара и было признано среди великихъ европейскихъ державъ. Старая Испанія, гидальго, первый покоритель Америки, вытѣснена, и Колумбъ былъ въ своей могилѣ въ Гаити отомщенъ за перенесенныя несправедливости. Между страшными Востокомъ и Западомъ почувствовала себя Европа въ угрожаемомъ поло-

женіи, и какъ испуганныя птички соединялись государства въ вынужденной дружбѣ, выразившейся прежде всего въ рескриптѣ русскаго Царя, послѣдствіемъ котораго явился Гаагскій конгрессъ мира. Это однако означало объединеніе европейскихъ державъ для общей обороны противъ общаго врага, слѣдовательно отнюдь не мира вселенной. Бронированный кулакъ постучался въ двери китайской стѣны, и сторонники *revanche*'а за Седанъ отмѣнили *revanche*, чтобы сражаться заодно съ пруссаками. Европейцы перестали быть патриотами каждый въ своей провинціи, а вспомнили, что они всѣ дѣти одной расы, точно также какъ студенты, которые въ извѣстные празничные дни носятъ каждый значки своей корпораціи, а въ обычное время являются всѣ членами единого студенчества. Предчувствуя свой упадокъ, какъ корпораціи, Швеція соединилась, отстранилась, чтобы порыться въ своихъ воспоминаніяхъ и прочесть то, что хранилось и что должно было бы быть сожжено. Церкви, замки, хижины были обшарены, и всѣ воспоминанія оказались на священной горѣ, на «шанцахъ».

Надъ бѣлыми зданіями выставки возвышалась шанцевая гора съ своимъ чернымъ сосновымъ лѣсомъ и своими старинными башнями, озарявшими давно прошедшее, о которомъ многіе думали, что оно должно возстать вновь. Поэты вызывали тѣни умершихъ, въ родѣ Карла XII и ему подобныхъ. Дорогамъ и тропинкамъ, ведущимъ на священную гору, дали великія имена, чтобы этимъ пробудить въ народѣ чувство самосознанія и чтобы укрѣпить связь между различными партіями, которыя теперь должны были соединиться въ прошломъ.

Въ павильонѣ прессы сидѣли въ отдѣльной комнатѣ докторъ Боргъ и редакторъ Холгеръ и отчаянно спорили другъ съ другомъ. Докторъ былъ внѣ себя отъ гнѣва.

— Вѣдь это маскарадъ! — волновался онъ, — и ты не долженъ льстить тщеславію своихъ земледѣльцевъ, чтобы они не теряли разсудка и не воображали, что каждый изъ нихъ второй Карлъ XII. Мы въ настоящее время только можемъ открыто соединиться для будущаго. Династія вѣдь существуетъ только съ 1809 года и не можетъ считать своихъ предковъ со времени Люцена и Нарвы. Половина дворянства — экзотическаго происхожденія, а весь Шоненъ сталъ шведскою территоріей лишь послѣ битвы подъ Лундомъ. Ты не заставишь жителей Шонена кричать ура по поводу Брейтенфельдена, потому что ихъ при этомъ не было. Комиссаръ выставки, другъ нашъ Исаакъ, вѣдь пришлецъ съ Востока, такъ что онъ не можетъ праздновать ни Лютера, ни Карла XII. Вы сами того не сознаете, насколько вы безтактны и оскорбительны! Я самъ, будучи негрскаго происхожденія, такъ же какъ Исаакъ и Сирахъ, не могу раздѣлять восхищеніе поэта Гренлунда передъ шведскими поселянками и народными танцами. Вы не откровенны, и ты долженъ былъ бы всѣмъ скомандовать: «Глядите впередъ!» Ты пренебрегъ справедливыми нападками Раббинера противъ нашего почитанія жалкаго прошлаго, когда онъ вчера на конгрессѣ напустился на наше подражаніе культурѣ Греціи и Рима. Онъ провелъ толстый штрихъ мѣломъ черезъ идеальное государство Платона, которое онъ прозвалъ (въ центрѣ Риттерхауза) государствомъ педерастовъ! Будь я на конгрессѣ, я бы сталъ его качать. Чортъ возьми, какое намъ дѣло до Греціи, до Рима и до Карла XII? Вы живете подъ землей, въ могилахъ, среди труповъ, а тѣмъ временемъ настоящее и за нимъ и будущее бушуютъ вокругъ васъ. Это плоды того ужаснаго воспитанія, которое мы получаемъ сначала въ школахъ, потомъ въ университетѣ, и это тотъ аттестатъ зрѣлости, ко-

торый соотвѣтствуетъ теперь магистерскому званію 30-хъ годовъ.

— Что же по-твоему дѣлать?

— Специальныя школы и образованіе по призванію! Пусть юристы съ четырнадцати лѣтъ поступаютъ къ адвокатамъ въ качествѣ писцовъ; пусть медики въ томъ же возрастѣ дѣлаются санитарамъ въ больницахъ; пусть инженеры начинаютъ карьеру, работая въ мастерскихъ; пусть готовящіеся на службу духовную начинаютъ съ обязанности псаломщика. Закрой всѣ четыре факультета, и пусть въ народныхъ школахъ кончаютъ образованіе на чтеніи, писаніи и четырехъ правилахъ; а затѣмъ — въ жизнь ихъ, и пусть каждый совершенствуется по своей специальности! Въ настоящее время надо хорошо знать свое ремесло, а то погибнешь при громадной конкуренціи; а мы ничего не можемъ осилить, мы умѣемъ только бесѣдовать въ гостинныхъ, кабачкахъ и на конгрессахъ. Мы обо всемъ можемъ болтать съ дамами, но мы лишь дилетанты по всѣмъ отраслямъ. Откуда намъ взять государственныхъ людей, когда познаній по государственнымъ дѣламъ не преподается? Поэтому наше управленіе — одна комедія. Лѣтомъ можно встрѣтить морскаго министра попечительствующаго о церкви или школѣ; гвардейскій офицеръ занимается сельскимъ хозяйствомъ, а ассессоръ въ отставку управляетъ арміею и флотомъ. Неужели это искусное управленіе? А до конца службы министр не научается у начальниковъ отдѣлений элементарнымъ понятіямъ о внутреннемъ ходѣ машины. Поэтому вся страна полна отставными министрами, и, когда юношу спрашиваютъ, къѣмъ бы онъ желалъ быть, онъ отвѣчаетъ — министромъ въ отставку. Чтобы быть судьей, надо знать законы, но чтобы быть директоромъ департамента или министромъ, ничего не надо знать! Я не говорю

объ избранныхъ депутатахъ ригсдага, которымъ такъ стыдно ничего не знать, что они обыкновенно покупаютъ томъ основныхъ законовъ, но члены комиссіи, которые фактически составляютъ законы, тѣ должны знать всѣ законы страны и быть просвѣщенными государственными дѣятелями. Если бы комиссіи состояли изъ государственныхъ дѣятелей, то они работали бы перманентно заодно съ вѣдомствами управленія, не такъ, какъ теперь, когда они цѣлыми мѣсяцами только мѣшаютъ дѣлу, за все цѣпляются, лишь бы проявить себя въ оппозиціи правительству. Почему правительство и ригсдагъ должны всегда выступать врагами и всегда стараться унизить одинъ другого. Провести запросъ или предложеніе—значитъ побить рекордъ, и если за министромъ большинство голосовъ, значитъ онъ взялъ призъ и можетъ рассчитывать, что не свернетъ себѣ шею и останется на своемъ посту. А о чемъ говорится въ ригсдагѣ? Обо всякой грязи! О варіетѣ и оперномъ ресторанѣ, о пенсіяхъ, о наведеніи мостовъ, даже о дѣлахъ чисто полицейскихъ, о выходкахъ гвардейцевъ, о фуражѣ лошадямъ, о выработкѣ пива, о ревизіяхъ, о туалетахъ дамъ и о куреніи школьниковъ! Да неужели же это государственное дѣло? Ригсдагъ вполнѣ доказалъ свой недостатокъ компетентности тѣмъ, что все болѣе или менѣе важное передаетъ въ комиссіи, составленныя изъ людей болѣе свѣдущихъ. Но вѣдь и ригсдагъ долженъ былъ бы состоять изъ людей свѣдущихъ! Какое же это управленіе! Какіе же это законодатели!

— Что же дѣлать?

— Ничего! Однакоже шлифовать! шлифовать! Трава подъ снѣгомъ не вырастетъ! Ничего не воздвигнешь, если не снесешь предварительно старую постройку. Дѣйствовать только отрицаніемъ, никогда не выступать съ поло-

жительнымъ предложеніемъ, — да вѣдь это въ концѣ концовъ смѣшно! Облегчите законы, дайте свободы, и пусть разовьется сила! Ты же долженъ будить, а не усыплять народъ! Прощай! — Пробыло семь часовъ!

На половинѣ шанцевой горы и какъ бы примѣнившись къ ней высился темный домъ, въ которомъ выдѣлялась въ особенности давящая на зданіе крыша. Старое, прогнившее дерево; рядъ маленькихъ оконъ невысоко надъ уровнемъ земли ясно указывали на боязнь свѣта. Это напоминало сарай, но могло быть и церковью.

Докторъ Боргъ и Исаакъ Леви остановились передъ этой мрачной постройкой.

— Вотъ тебѣ Норвегія! — воскликнулъ докторъ. — Темное и прогнившее зданіе бросаетъ тѣнь на нашъ свѣтлый городъ! Высокая крыша кичливо высится, но подъ ней нѣтъ ничего хорошаго! Одно хвастовство!

— Ты теперь ненавистникъ Норвегіи?

— Да, самымъ отъявленнымъ образомъ! Почему бы мнѣ не ненавидѣть своего врага! Почему бы мнѣ не ненавидѣть норвежцевъ, когда они кичатся ненавистью къ шведамъ? Кажется, я имѣю право выбирать свои симпатіи и антипатіи, какъ и остальные смертные. Имѣешь ли ты противъ этого что-нибудь возразить?

— Но ты же ратуешь за свободу Норвегіи!

— Да, понятно, я признаю ея справедливыя требованія, но и я хочу освободиться отъ этой черной махины, которая навалилась на насъ, какъ душевная болѣзнь. Должны мы развѣ почитать этого Ибсена и его глупую Нору? Знаешь ли ты, какъ говорить про него Золя! «Послѣдній плодъ высохшей поясницы нашей доброй Жоржъ-

Зандъ!» Сарду называетъ его сумасшедшимъ, Толстой тоже говоритъ, что онъ спятилъ. А его прославляютъ въ Швеціи! Ну, онъ все же священникъ! А кистеръ и того хуже!

— Теперь они оба выглядятъ, какъ двѣ гориллы! А не находишь ли ты, Исаакъ, что священникъ похожъ на одного изъ «нашихъ».

— Да, ты, пожалуй, правъ, — отвѣтилъ Исаакъ. — Онъ не только нѣмецъ. Его въ газетѣ прозвали лягушечьей пастью.

— И вся освободительная политика Норвегіи вырождается въ грубой рукѣ Каролины въ борьбу за норвежское посольство, откуда Норвегія надѣется управлять шведскимъ обществомъ. Я больше въ посольство никогда не хожу; съ меня довольно пить за здоровье Ибсена, и я не намѣренъ выслушивать ихъ глумленія надъ воздушными полетами Андрэ. Знаешь ли ты разницу между Швеціей и Норвегіей? Та же разница, что между Норденшильдомъ и Хансеномъ. Норденшильдъ нашелъ сѣверо-восточный морской проходъ, но не сдѣлался національнымъ героемъ; Хансенъ не открылъ своего обѣщаннаго сѣвернаго полюса, но сталъ національнымъ героемъ. Швеція мачиха для своихъ дѣтей и поэтому она создаетъ величіе изъ ничего; она отыскиваетъ ничтожества и доводитъ ихъ до величія.

— Да, но вѣдь ты былъ, при томъ какъ его канонизировали.

— Ты вѣдь знаешь, какъ это происходитъ. Васъ въ покоѣ не оставляютъ, пока вы толпѣ, не бросите кость. На такомъ же основаніи сдѣлался я и вагнеріанцемъ, хотя я того мнѣнія, что онъ написалъ лишь немзыкальныя и некрасивыя вещи; «написалъ» самое подходящее слово, потому что его музыка и не прослушана, и не компози-

рована, она написана. Но мы живемъ въ развратное и демократическое время. Я иногда спрашиваю себя, не было ли чего-то превратнаго въ этой демократіи, за которую мы разрывались на части, гдѣ невѣжда распространяетъ знаніе, гдѣ растерянный долженъ совѣтовать, слабый управлять, подавленные давить другихъ и гдѣ дѣйствительно большинство такъ поступаетъ. Однако, въ такомъ государствѣ, какъ наше, гдѣ одна половина націи записываетъ, что дѣлаетъ другая; гдѣ государственный календарь такъ же обширенъ, какъ Библія; гдѣ содержаніе чиновниковъ равняется національному богатству, гдѣ должности сдѣлались феодальными, а чиновники вассалами, тутъ, пожалуй, необходима правильная демагогія, какъ перевѣсъ. Но курьезно то, что демось у насъ настроенъ монархически, академически, аристократически, въ духѣ Карла XII, и патриотически, тогда какъ дворъ демократиченъ, демагогиченъ и покоренъ. Демось взялъ на себя платить цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ по полумилліарда преторіанской гвардіи; когда же они убѣждаются, что не въ состояніи этого осилить, то бѣгутъ въ Америку. Но задолженность государства замѣчается не только въ ипотекахъ и по приходскимъ десятинамъ, а она явствуетъ и въ банковыхъ векселяхъ. Торговля основана на кредитѣ и векселяхъ; это задатокъ, ссуда, но ссуда еще не значить, что работа выполнена. Вся нація живетъ шестимѣсячной ссудой; учитываютъ вексель для найма помѣщенія, вексель для выплаты податей, вексель для веденія хозяйства. Но черезъ шесть мѣсяцевъ вексель не оплачивается, а вновь переписывается, при чемъ проценты выплачиваются съ помощью новаго векселя. И такъ живутъ несдѣланной работой, и весь расчетъ національнаго бюджета ложенъ. Истощенная земля ничего не стоитъ; содержаніе полуразвалившихся

замковъ стоитъ денегъ; заржавленные желѣзнодорожные рельсы и наполовину попорченные локомотивы могутъ лишь быть проданы какъ желѣзный ломъ; однако они въ государственной росписи числятся какъ имущество; водопады значенія имѣть не будутъ, пока рядомъ не будутъ стоять фабрики; фабрики значенія имѣть не будутъ, пока не будетъ хватать рабочихъ; а рабочій цѣны не имѣетъ, пока онъ не мастеръ своего дѣла; кромѣ того производство значенія не имѣетъ, пока нѣтъ сбыта. Желѣзо Норрланда должно было насъ спасти, но тормазы затормозили дѣло. Куда мы идемъ?.. Развитие и прогрессъ идутъ своей дорогой, скачками и неожиданностями. Вѣдь очень возможно, что когда-нибудь подтвердятся слухи о Норрландскомъ золотѣ! Представь себѣ шведа на сборномъ пунктѣ всѣхъ народовъ вселенной. Народонаселеніе возрастетъ; Норрландъ покроется городами; земледѣліе будетъ заброшено, и жители подобно краснокожимъ напьются до полусмерти. Въ слѣдующемъ поколѣннн будетъ господствовать въ Швеціи новая космополитическая раса.

— Вѣришь ты въ это?

— Нѣтъ, не могу этого сказать, но все можетъ быть. Все можетъ пойти совсѣмъ инымъ образомъ... Но такъ, какъ теперь, оно долго не протянетъ! И твоя обязанность объ этомъ говорить, писать изо дня въ день, все въ этомъ же духѣ говорить! Даже передъ глухими!

Онъ вышелъ изъ павильона и направился въ центръ толпы, гдѣ чужія лица радовали его, какъ прибывшіе издали гости радуютъ своимъ появленіемъ одинокаго жителя пустыни, и гдѣ звуки чужихъ живыхъ рѣчей напоминали ему то, что его родной языкъ принадлежитъ къ мертвымъ, такъ какъ стоитъ переѣхать границу страны, чтобы его никто не понималъ.

XVIII.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Конецъ вѣка дѣйствительно наступилъ, — оставалось до начала новаго еще лишь нѣсколько часовъ. Всѣ Борги рѣшили собраться въ «Готическихкихъ комнатахъ» съ тѣмъ, чтобы около полуночи перебраться на «Шанцы».

Жизнь быстро мѣняется, и прежній ресторанъ уже пересталъ быть моднымъ; зато процвѣталъ литературный отель «Ридбергъ». Когда кто-нибудь еще упоминалъ о «Красной комнатѣ», то это звучало отголоскомъ старины.

Всѣ собрались; пришелъ и старый редакторъ Боргъ, который теперь переступилъ уже за шестьдесятъ лѣтъ. Въ честь торжественнаго дня рѣшили устроить общее примиреніе. Эсфирь, собиравшаяся сдавать экзамены, была единственной дамой. Всѣ остальные попрятались, опять заперлись по своимъ домамъ, такъ какъ товарищеская жизнь по кабакамъ стала невозможной. «Человѣкъ время проводить съ женою другого, и въ концѣ концовъ не знаешь, на комъ женатъ». Такъ часто повторялись случаи разводовъ и вторичныхъ браковъ, что подъ конецъ дамы пришли къ тому заключенію, что удобнѣе сохранять дѣвичью фамилію. Въ одномъ округѣ было предложено, чтобы всѣхъ дѣвушекъ, достигшихъ извѣстнаго возраста, звали женщинами, такъ какъ большинство уже давно не дѣвицы, а откровенно гуляютъ съ своими дѣтьми.

На столѣ въ «Готическихкихъ комнатахъ» лежалъ листъ, испещренный подписями. Всѣ присутствующіе уже подписались, кромѣ доктора Борга. Однако, именно онъ составилъ адресъ Золя, выражавшій восхищеніе передъ его мужествомъ въ

дѣлѣ Дрейфуса и надежду, что новое столѣтіе увидитъ полную реабилитацію его protégé. «Справедливости! Отнюдь не милости!» значилось въ адресѣ.

— Ну-съ, докторъ, — обратился къ нему Исаакъ Леви, — не желаешь ли подписать? Быть можетъ, ты считаешь его виновнымъ?

Въ то время все такъ легко воспламенялось, что имя Дрейфуса произносилось осторожно, — это имя, раздѣлившее за послѣдніе годы человѣчество на двѣ половины.

Докторъ взялъ перо и быстрымъ почеркомъ написалъ свою собственную фамилію.

— Надѣюсь, что то, что я сдѣлаю, не окажется противъ моей совѣсти и чести, — сказалъ онъ.

— Послушайте! Что онъ говоритъ! — закричали всѣ хоромъ.

— Да, друзья мои, — началъ снова докторъ, — во время процесса мнѣ не разъ приходилось измѣнять свое мнѣніе, и я не знаю, сталъ ли я дрейфрусаромъ, какъ я сдѣлался вагнеріанцемъ.

Всѣ опустили взоры ницъ, одинъ, чтобы скрыть свои чувства, другіе, напротивъ, ради демонстраціи, и въ общемъ молчаніи доктору послышался упрекъ, на который онъ не могъ не отвѣтить.

— Видите ли, добиться правды въ процессѣ о шпионствѣ прежде всего почти невозможно, такъ какъ обѣ стороны занимались шпионствомъ и вслѣдствіе этого имѣли дѣло съ ложью, обманомъ и фальшивыми документами. Во-вторыхъ, ненормально пересматривать процессъ черезъ два года, принимая во вниманіе, во-первыхъ, шаткость человѣческой памяти, во-вторыхъ, что года мѣняютъ точку зрѣнія и будятъ новые интересы, новыя чувства, и, нако-

нецъ, въ-третьихъ, что за это время нѣкоторые свидѣтели исчезли, документы не всѣ оказались налицо...

— Да, но вѣдь засѣданіе было весьма таинственно, — замѣтилъ старикъ Густавъ Боргъ.

— Да, почему же нѣтъ? Нашъ свободный судъ вѣдь тоже таинствененъ...

— Я думаю, ты на сторонѣ генераловъ? — спросилъ Густавъ.

— Опять мы къ этому вернулись! — воскликнулъ докторъ. — Чортъ знаетъ что такое! Люди теряютъ разсудокъ, какъ только рѣчь идетъ объ этомъ процессѣ.

Исааку стало жаль доктора, ставшаго невольно въ ложное положеніе, и, влекомый человѣческимъ чувствомъ состраданія, онъ попробовалъ ему помочь.

— Дѣло неясное, съ этимъ я согласенъ, — началъ онъ. — Для меня въ немъ три темныя точки, которыхъ я безусловно уяснить себѣ не могу. Первое: почему Дрейфусъ потребовалъ ціанистаго калия, когда услышалъ о ревизіи? Почему онъ ей не обрадовался? Второе: онъ сразу подумалъ, что генералы взяли его сторону, и просилъ жену сходить къ Буадефру и просить его защиты. Какъ могъ онъ быть такого хорошаго мнѣнія о Буадефрѣ, котораго онъ зналъ? Вѣдь это какое-то чертовское положеніе. Въ-третьихъ: когда я прочелъ жалобу генераловъ въ Реннѣ, да, друзья мои, тогда я вполнѣ былъ убѣжденъ въ виновности Дрейфуса! Что вы мнѣ на это скажете? И настолько я въ этомъ былъ убѣжденъ, что я подумалъ про себя: «Лабори, застрѣлись!» Въ особенности потому, что генералы заявили, что бордеро рѣшающаго значенія не имѣетъ; а главнымъ образомъ, меня убѣждали ихъ громкія слова и благородство тона. Когда же послѣ этого въ Лабори стрѣляли и онъ отказался вызвать изъ Парижа своего

врача, когда не было произведено никакихъ попытокъ для обнаруженія преступника, когда даже не была изслѣдована вынутая изъ раны пуля съ цѣлью напасть на слѣдъ стрѣлявшаго, тогда я подумалъ: нѣтъ, здѣсь дѣло нечисто...

Теперь произошло то, что часто бываетъ, когда человекъ благородно протягиваетъ другому руку помощи; присутствующіе всѣ заражаются этимъ благородствомъ.

— Я согласенъ съ Исаакомъ, — началъ Холгеръ, — о томъ же думалъ и я, и защита Деманжа основывалась на отчаяніи, овладѣвшимъ имъ, когда онъ увидѣлъ въ Реннѣ своего кліента. Лабори и Пикарь его покинули...

— Да, — прервалъ его Куртъ, — я тоже нашелъ нѣкоторые темные пункты. Въ особенности же я нахожу, что логика, которой руководствовались, весьма прискорбна. Канцлеръ Германской имперіи объявилъ въ рейхстагѣ, что онъ о шпионствѣ Дрейфуса ничего не узналъ! Какъ могъ онъ знать въ Берлинѣ, что происходило въ Парижѣ. Но чтобы ничего не говорящее, одностороннее заявленіе Бюлова было признано за доказательство, — это восхитительно! Когда же позднѣй Дрейфусъ объявляетъ сержанту Денеру: «Я виноватъ, но не одинъ», то это доказательство отвергается на томъ основаніи, что при этомъ не было начальника тюрьмы! Развѣ только вѣрно то, что слышалъ начальникъ тюрьмы? Кто можетъ утверждать такую чушь, тотъ должно быть не въ своемъ разумѣ. Подумайте только: разъ начальникъ тюрьмы этого не слышалъ, — это ложь! Дальше говорятъ: Дрейфусъ не былъ обрадованъ ревизіей. Нѣтъ! Говорятъ, что это гордость! Можете ли вы понять эту гордость? Если бы онъ отнѣкивался и просилъ милости, тогда онъ былъ бы гордъ! Но отказываться отъ уясненія истины!..

Настроение компании все болѣе воспламенялось. И Селенъ пожелалъ бросить щепку въ огонь.

— Да, логика! На томъ основаніи, что Анри, шпионъ по призванію, составилъ подложный документъ, приходятъ къ заключенію, что и достовѣрные документы фальшивы. Логично ли это?

— Нѣтъ, послушайте, — сказалъ докторъ, — если мы такъ будемъ продолжать, то въ концѣ концовъ признаемъ Дрейфуса виновнымъ, а вѣдь не таково было наше намѣреніе! Каково твое мнѣніе, Максъ?

— Я не стану отрицать, — замѣтилъ, подумавъ немного графъ, — что дѣло темное. Вѣдь учреждено было дрейфусовское министерство съ Вальдекомъ-Руссо, чтобы освободить Дрейфуса. Это министерство назначаетъ государственнаго комиссара, который не генералъ и который хотѣлъ спасти Дрейфуса, будучи убѣжденнымъ въ его невиновности. Однако послѣ того, какъ онъ выслушалъ генераловъ и свидѣтелей изъ Ренна, несмотря на бордеро Эстергази и на явный подлогъ Анри, онъ во время процесса измѣнилъ свое мнѣніе. Это удивительно! Послѣ этого ссылались на бордеро—совсѣмъ, какъ фокусникъ, который, вынимая что-нибудь изъ-подъ скатерти, всегда показываетъ на потолокъ. Бордеро, какъ доказательство, никуда не годится точно такъ же, какъ и свидѣтельство Эстергази. Хотя теперь и эксперты утверждаютъ, что на бордеро нѣтъ и слѣда руки Дрейфуса, но все же Дрейфусъ самъ призналъ сходство съ своимъ подчеркомъ, когда онъ воскликнулъ: «Они похитили мой почеркъ!» Мы наталкиваемся на такую массу противорѣчій, что едва ли имѣемъ право составить твердое убѣжденіе. Противъ того, что Дрейфусъ, изъ котораго сдѣлали ангела, не ангелъ, такъ какъ онъ человѣкъ, сказать ничего нельзя, но Золя и Бьернсонъ не должны бы-

ли бы ручаться за его честь. Дрейфусъ сказалъ, по крайней мѣрѣ, десять разъ неправду, и въ этомъ онъ былъ уличенъ. Онъ прежде всего отрицалъ, что зналъ организацію восточной желѣзной дороги. Онъ ее зналъ! Онъ отрицалъ, что знаетъ планъ мобилизаціи. Онъ его зналъ! Онъ отрицалъ, что присутствовалъ на конференціи генерала Рансона. Онъ на ней присутствовалъ! Онъ утверждалъ, что не былъ знакомъ съ Пикаромъ. Онъ зналъ его! Онъ сначала говорилъ, что никогда не бывалъ въ Мюльгаузенѣ. Позднѣй онъ утверждалъ, что бывалъ тамъ каждое лѣто. Онъ утверждаетъ, что никогда не видалъ руководства къ стрѣльбѣ. Онъ его видѣлъ! Онъ утверждалъ, что не былъ знакомъ съ артиллерійскимъ орудіемъ 120. Онъ былъ съ нимъ знакомъ! Онъ отрицалъ, что встрѣтилъ у Бодсона англійскихъ военныхъ атташе. Онъ ихъ встрѣчалъ! Бьернсонъ, тотъ... клялся за нравственность Дрейфуса! Дрейфусъ призналъ, что, будучи женатымъ, онъ имѣлъ содержанокъ; но онъ утверждалъ, что это никого не касается, такъ какъ онъ имѣлъ на то средства. Это возможно, и дѣйствительно, это никого не касается! Но свидѣтельство Бьернсона! *La vérité!* Золя обвиняетъ генераловъ въ подлогѣ! Но Дрейфусъ шлетъ генераламъ свою благодарность, будучи наилучшаго о нихъ мнѣнія! *La vérité, Золя!* Но открываются въ процессѣ и другія неприятныя подробности. Дрейфусъ призываетъ на помощь маіора Кюре. Тотъ является и показываетъ противъ него. Дрейфусъ вполне полагается на вмѣшательство полковника Кордье! Тотъ ничего сказать не можетъ. Потомъ еще: полковникъ Мунъэ, который долженъ былъ доставить важныя телеграммы, умираетъ во время процесса; маіоръ Д'Атель умираетъ во время процесса; Chaulin-Sauviniere умираетъ во время процесса. А таинственная смерть Lemercier-Picard, Gue-

пее, Pressmann'a и другихъ! Дальше, въ Вѣнѣ умеръ Шнейдеръ, умеръ Шереръ-Кестнеръ, начальникъ генеральнаго штаба! Этого не бываетъ, когда дѣло чисто, и это сплетеніе лжи чуть ли не требуетъ пороха и пули! Но какъ бы то ни было, по-моему, высказалась божеская справедливость, и приговоръ былъ произнесенъ. Дрейфусъ въ Реннѣ былъ приговоренъ къ десяти годамъ заключенія за то, что болталъ и этимъ предалъ свою новую родину; но онъ былъ совершенно правильно помилованъ, благодаря смягчающимъ вину обстоятельствамъ, именно его понятной и естественной любви къ прежней родинѣ, къ родинѣ его дѣтства. Анри пришлось, какъ преступнику, въ дѣлѣ чести наложить на себя руки. Эстергази былъ обезчещенъ и заслужилъ, какъ лгунъ, общее презрѣніе, Феликсъ Форъ получилъ предупрежденіе въ томъ, чтобы впредь не вилать. Нація узнала, что въ ней столько чужого элемента, что она и думать не можетъ о реваншѣ, который могъ бы обратиться въ братскую войну; и если армія лишилась своего престижа, то, съ другой стороны, она облеклась новымъ престижемъ и получила новую задачу. Она теперь служить на востокѣ бокъ-о-бокъ съ нѣмцами, чему бы никогда не бывать, если бы не состоялся процессъ! Франція теперь открыта! Какъ Китай! Но за процессомъ слѣдовало возбужденіе религіознаго вопроса; почему это случилось?.. Я этого сказать не могу, но вопросъ возбудился, потому что Дрейфусъ еврей. И вотъ протестанты и евреи занялись тѣмъ, что открывали монастыри и выпускали на свободу нѣскольکو тысячъ людей, пожизненно заключенныхъ. Совсѣмъ какъ при коронованіи или восшествіи на престолъ новаго монарха! Но это служить также отвѣтомъ, весьма впрочемъ добродушнымъ, на Вареоломеевскую ночь: благодареніе въ награду за злодѣйство! Чистая христіанская

любовь, хотя побужденіе и не вѣрное! Но вѣдь люди видѣли столько разъ, какъ злое служитъ доброй цѣли; Дрейфусъ же не былъ добрымъ и хорошимъ человѣкомъ, но онъ служилъ, какъ всѣ мы!

— Да, — снова началъ докторъ Боргъ, — послѣ всѣхъ нашихъ разсужденій, основанныхъ просто на желаніи выказать нѣкоторую оппозицію или на стремленіи увидѣть обратную сторону дѣла, я нахожу легкомысленнымъ посылать этотъ адресъ Золя, который считаетъ, что онъ одинъ нашелъ истинную правду. Онъ, дѣйствительно, подобралъ нѣсколько зеренъ, но очень мелкихъ, и при этомъ испачкалъ свою спину. Если бы намъ вмѣсто этого привѣтствовать его какъ воскреснувшаго вѣрующаго, какъ вѣрующаго въ будущность автора «Парижа» и «Труда», какъ социалиста Эмиля Золя? Не сдѣлать ли намъ это?

Всѣ, кромѣ старика Борга, отвѣтили утвердительно. Такъ и было рѣшено.

Эсфирь, служившая въ больницѣ для душевно-больныхъ, ушла, и Максъ послѣдовалъ за ней.

Они долго шли молча по улицамъ.

— Замѣтила ли ты, — сказалъ, наконецъ, Максъ, — что онъ похожъ на старинную статую «Гранильщика»?

— Да, въ этомъ ты правъ; въ особенности подбородокъ, который начинается отъ ушей.

— Помнишь ты о циклонѣ 1896 г. въ Парижѣ, который поднялся съ св. Сульпиція, опрокинулъ «La Revanche», опустошилъ Палату Юстиціи и успокоился на госпиталѣ св. Людовика? Вѣришь ли ты въ символическіе циклоны?

— Во что, Бога ради, надо вѣрить? Мнѣ становится страшно!

— Еще припоминается мнѣ болѣе оккультивный случай. Во время Великой революціи, въ день взятія Бастиліи,

былъ очищенъ Тюльерійскій садъ; между офицерами попались одинъ Рейнахъ и одинъ Эстергази. Вѣришь ли ты въ случайность?

— Нѣтъ! Но это простое совпаденіе?

— Не знаю! Совпаденіе должно было бы дать намъ объясненіе, а мы этого не имѣемъ. Поэтому всякое объясненіе только смѣшно. А потомъ вотъ еще: Бедекеръ, который не можетъ считаться оккультивной книгой, передаетъ совершенно невинно слѣдующее. Когда въ 1689 г. были ограблены королевскія могилы въ Спейерѣ, то раскопками руководилъ нѣкій Гинцъ. Когда въ 1789 году были опустошены королевскія могилы въ St.-Denis, то во главѣ толпы былъ тоже нѣкій Гинцъ.

— Что бы это могло означать?

— Не знаю!

— Слушай, ты знавалъ Дрейфуса?

Графъ Максъ остановился и пристально взглянулъ на Эсфирь, какъ бы для того, чтобы убѣдиться, не шутитъ ли она.

— Нѣтъ, я его не знавалъ... но если мы съ тобой еще разъ очутимся съ глазу на глазъ черезъ много лѣтъ и ты тогда будешь такъ же всѣмъ этимъ заинтересована, какъ теперь, то я расскажу тебѣ нѣчто... Да, это былъ перстъ Провидѣнія, но отнюдь не страждущій Христосъ.

— Ты христіанинъ?

— Да, я свободомыслящій христіанинъ. Странно: когда мы низвергли христіанство, то съ этимъ ушло столько разума и гуманности. Мы стали грубѣе и глупѣе... Если теперь задаться цѣлью отыскать чуткаго человѣка, то надо искать его среди шетистовъ при условіи, чтобы они не говорили объ Иисусѣ и не заботились о твоей душѣ. Хочешь ли ты видѣть человѣка, умѣющаго себя обуздать,

сохраняющаго въ чистотѣ рѣчь свою и помыслы, гуманнаго къ другимъ, смиреннаго въ горѣ, всегда возносящаго взоры къверху, одухотворяющаго все, къ чему прикасается, укрощающаго свою плоть,— обрати взоры свои на пѣтиста! Онъ стремится къ сверхчеловѣку, часто безрезультатно, съ этимъ я согласенъ, но стремленіе, видишь ли... Только бы бросилъ онъ объ этомъ разглагольствовать. Религія для себя самого, внутри, но не...

— Но радость жизни?

— Видишь ли, тутъ наши пути расходятся.

— Почему же? Я понимаю такую радость по-своему, но... Помнишь ли ты второй ноктюрнъ Шопена и нашу первую встрѣчу въ домѣ у дѣвушекъ, живущихъ въ радости... Это ихъ суррогатъ, а вмѣсто...

— Въ чемъ для тебя самая большая радость?

— Въ томъ, чтобы породить новую мысль! Тогда я чувствую себя въ одно и то же время отцомъ и матерью, и нѣтъ мнѣ надобности дѣлить эту честь съ женщиной, которая можетъ во всякое время уйти съ моимъ ребенкомъ и объявить, что онъ принадлежитъ ей одной...

— Максъ, неужели тебѣ пріятно заставлять меня страдать.

— Нѣтъ, я страдаю самъ отъ причиняемыхъ мною страданій; но я по твоему вопросу вижу, что ты чувствуешь обратное...

— Когда я вижу, что ты страдаешь, я люблю тебя; это идетъ къ тебѣ. Но когда ты веселъ, ты мнѣ непріятенъ, тогда ты становишься банальнымъ, гордымъ, крикливымъ. Впрочемъ, я всегда избѣгаю веселыхъ людей: кто смѣется, тотъ скалитъ зубы и близко къ тому, чтобы укусить...

Они оба замолчали, Эсфирь потому, что она замѣтила,

что сама себя подвела, а Максъ потому, что не хотѣлъ подчеркнуть ея промаха.

Въ «Готическихъ комнатахъ» оживленіе все росло. Густавъ Боргъ получилъ отъ сына Андерса письмо изъ Америки, въ которомъ онъ сообщалъ прекрасныя вѣсти.

— Что особенно, — писалъ онъ, — характеризуетъ здѣсь новую жизнь, это — подвижность. Непостоянство во всемъ. Покоя никогда нѣтъ: все быстро мѣняется; благосостояніе и бѣдность чередуются другъ за другомъ, такъ что классы не имѣютъ возможности образоваться. Богатый былъ бѣденъ и снова можетъ сдѣлаться такимъ же, и это онъ знаетъ. Поэтому всѣ другъ друга понимаютъ, и всѣ осторожны и благоразумны. День слишкомъ коротокъ, и всякій спѣшитъ къ ночному отдыху, какъ къ единственному великому наслажденію, ничего не стоящему; а утромъ просыпаешься для серьезнаго священнаго труда, отъ добросовѣстнаго выполненія котораго зависитъ существованіе каждаго. Тутъ работа считается благодатью, и ежечасно вспоминаютъ всѣ здѣсь, что никто даромъ на жизнь права не имѣетъ, а что все милость и благодать. Эта тяжелая школа создаетъ такое поколѣніе, которое станетъ страшнымъ. Я взираю на Европу, какъ на отцвѣтшую Грецію: много въ ней прекраснаго, но она ослаблена и, вѣроятно, истощена; вы философствуете о жизни, но не живете...

— Да, юноша правъ, — прервалъ докторъ. — Знаете ли вы, что по послѣдней переписи съ 1890 года насчитывается 250.000 шведовъ переселенцевъ, при чемъ большая часть изъ нихъ въ возрастѣ отъ 15 до 35 лѣтъ. Въ концѣ концовъ страна будетъ населена дѣтьми и стариками...

— Странно ли послѣ этого, что женщины выступаютъ и желаютъ работать? — замѣтилъ Густавъ Боргъ.

— Ты сказалъ истинное слово! Да, въ обществѣ, состоящемъ изъ дѣтей и пенсіонеровъ, онѣ должны выступить впередъ и приняться за работу, такъ какъ нѣтъ мужчинъ, которые содержали бы ихъ... Это новая точка зрѣнія! Но если ей суждено установиться, то лучше пусть Азія совершитъ на насъ нашествіе и пусть насъ лучше покорятъ варвары, чѣмъ дамы общества, Аспазіи и эмансипированныя...

— Теперь пока идемъ на «Шанцы», — скомандовалъ Густавъ Боргъ.

— Да, пойдете въ Капитолій и возблагодарите боговъ за истекшее столѣтіе, завершившееся Дрейфусомъ, а начавшееся Наполеономъ, братья котораго, по крайней мѣрѣ, кажутся намъ принадлежавшими къ дѣтямъ Израиля.

Эсфирь и Максъ дошли до таможенной стѣны, гдѣ въ полумракѣ высился одиноко стоящій бѣлый домъ; за высокими окнами свѣтились огни.

— Есть слово, — говорилъ Максъ, какъ бы самъ себѣ, которое среди людей образованныхъ почти вышло изъ употребленія и произносить которое стыдятся: Это слово — грѣхъ. Столько философствовали, что понятіе о винѣ исчезло, но сознание вины еще сохранилось. Я родился со злой совѣстью и въ дѣтствѣ я боялся, что это откроютъ. Этого нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, какъ только тѣмъ, что этому чувству предшествовало что-то невѣдомое.

— Это болѣзненное ощущеніе, и у насъ тутъ много подобныхъ случаевъ, — пояснила Эсфирь. — Есть у насъ, напримеръ, одинъ, полагающій, что онъ написалъ бордеро.

— Да, но что ты объ этомъ знаешь?

— Нѣтъ, слушай, дальше я не могу слѣдовать за тобой.

— Это я знаю, да я и не требую этого. Ты всегда въ одномъ со мной тонѣ, но по крайней мѣрѣ всегда на октаву ниже. Изъ ничего ничего не дѣлается, и всякая вещь имѣеть достаточное основаніе, такъ что если кто-нибудь считаетъ себя виновнымъ, то есть на это логическое основаніе. Воображеніе, самообманъ имѣють высшую дѣйствительность, связь которой съ истиной я понять не могу, но которую я не рѣшусь отрицать. Дѣйствительность вѣдь не можетъ же войти въ мое внутреннее сознаніе и опять проявиться, не перейдя въ представленіе или въ воображеніе. Мы, слѣдовательно, знаемъ дѣйствительность только благодаря нашему представленію о ней, поэтому-то такъ безконечно видоизмѣняются наши представленія о дѣйствительности. Кромѣ того не можетъ же душа существовать безъ содѣйствіи другихъ душъ. Есть у меня основаніе думать, что всѣ души въ связи другъ съ другомъ и что есть люди настолько чуткіе, что они чувствуютъ со всѣмъ человѣчествомъ и, слѣдовательно, съ нимъ и страдаютъ. Но есть и такія, которыя издали дѣйствуютъ на другихъ, даже на незнакомыхъ; это ты сама узнаешь.

— Я этого отрицать не стану!

— Ну-съ, почему же ты знаешь, что...

Графъ Максъ привыкъ не оканчивать своихъ мыслей, потому что зналъ, что Эсфирь его пополняла и слѣдила за его мыслями и онъ всегда прерывалъ свою рѣчь, когда чувствовалъ, что молчаливая мысль лучше передастъ неяснимое, чѣмъ банальное слово.

— Я рѣшаюсь употребить слово «грѣхъ». Я думаю, что всѣ болѣзни являются послѣдствіями грѣха. Вѣдь тѣлесныя болѣзни излѣчиваются такъ же, какъ и душевныя.

Сначала врач понуждаетъ васъ къ рѣшительному признанію (исповѣдь), затѣмъ вы бываете врачомъ же приговорены къ покаянію: горькія травы, постъ, строгое воздержаніе, отреченіе; часто вамъ предписывается отстать отъ привычекъ, избѣгать волненія, думать о болѣе возвышенныхъ предметахъ. Если затѣмъ вы получаете исцѣленіе, то идете къ священнику чтобы поблагодарить его, принести жертву. И тогда вамъ дается совѣтъ: «Берегись возврата!» Это значитъ въ переводѣ: «Иди и больше не грѣши!» Развѣ это не одно и то же? А какъ вы здѣсь обращаетесь съ душевно-больными, требующими заботы о душѣ? Да, вы ихъ тѣлу даете холодную воду и морфій? Помнишь ли ты, какъ Ганна Иоель описываетъ въ своей замѣчательной книгѣ «На той сторонѣ» свое выздоровленіе? Послѣ того, какъ она долго ругала врачей и всѣхъ окружавшихъ, вдругъ въ ней передъ Рождествомъ произошелъ кризисъ. Она разрыдалась и воскликнула: «Я была глупа и горда». И послѣ этого она исцѣлилась. Госпожа Шрамъ была упорнѣе, но и она покорилась подъ конецъ и выздоровѣла, благодаря сердечному отношенію сидѣлки. Иногда такъ мало нужно — одно доброе слово, которое такъ рѣдко слышишь!—Этотъ домъ не больница, а адъ или мѣсто наказанія, при чемъ самая жестокая кара заключается въ томъ, что врачъ больныхъ «не понимаетъ». Быть непонятымъ или превратно понятымъ — вѣдь это адъ.

— Вѣдь у насъ имѣются и духовники.

— Не замѣчала ли ты, что большинство здѣсь питаетъ явную ненависть къ духовенству и религіи? Вѣроятно большинство ругается и богохульствуетъ?

— Это понятно. Нѣкоторые являются сюда вслѣдствіе разстройства на религіозной почвѣ.

— Да, они хотятъ прорвать завѣсу, а вмѣсто того они

видятъ зрѣлище съ перевернутыми кулисами... это ихъ наказаніе. У васъ вѣдь содержитсяъ поэтъ Х.?

— Да, онъ у насъ!

— Ну, этотъ приглашалъ Господа явиться и увести его на площадь. Кто побѣдилъ?

— Ты думаешь это такъ было?

— Да, какъ же иначе. Отравленіе табакомъ и алкоголемъ легко излѣчить. Даже больные въ бѣлой горячкѣ отправляются въ больницу и снова выходятъ изъ нея черезъ недѣлю. Какъ это ты не видишь такой поразительной связи!

— Вынужденное представленіе...

— Новое слово. Но я прошу причины и повода? Гдѣ тотъ, кто понуждаетъ... Кто понуждаетъ убійцу думать о своемъ преступленіи? Совѣсть! А за совѣстью?.. Значитъ поэтъ въ концѣ концовъ впалъ въ религіозный кризисъ...

— Вотъ видишь ты, что значитъ религія!

— Берегись! Берегись! Впрочемъ, я не думаю, чтобы здѣсь можно было жаловаться на докторовъ. Больной вслѣдствіе того, что онъ не понятъ всѣми окружающими, вѣроятно чувствуетъ себя изолированнымъ; онъ долженъ одинъ справляться съ своей совѣстью и не долженъ бы находить случая жаловаться и дѣлать изъ себя жертву.— А боишься ты, когда здѣсь бываешь?

— Нѣтъ, я — нѣтъ, потому что я за собою наблюдаю. Но другія студентки впадаютъ вслѣдствіе беспорядочной жизни въ состояніе расслабленности, и имъ въ темнотѣ стонетъ страшно, несмотря на то, что онѣ ни во что не вѣрятъ, кромѣ фізіологіи. Вѣдь называютъ профессоровъ, которые помѣшались; а изъ слушателей у насъ были...

Они вошли въ домъ. Зданіе мрачное, недружелюбное, какъ бы существующее для слезъ, какъ въ гостиницѣ

комната, отведенная для самоубійцы; комната, которую всегда отводятъ гостю, который кажется самымъ несчастнымъ; комната съ тремя дверями и однимъ окномъ, при чемъ кровать стоитъ у одной изъ запертыхъ дверей такъ, что замочная скважина приходится къ изголовью, а у другой двери диванъ, такой, что на немъ ни сидѣть, ни лежать нельзя; комната — съ видомъ на дворъ; комната, какъ бы предназначенная для самоубійцы.

Графъ Максъ смутился. Эсфирь же, опоздавшая немного, должна была сразу начать обходъ, и другъ ея послѣдовалъ за ней. Они шли по длинному коридору, затѣмъ спустились по лѣстницѣ и остановились передъ рѣшеткой.

Посреди комнатки, похожей на стойло, стоялъ старикъ, совершенно обнаженный, съ поднятыми кверху руками, какъ древній жрецъ.

— Почему же онъ голый? — спросилъ Максъ.

— Онъ всегда снимаетъ съ себя одежду. У него сильный жаръ, и это длится уже три года. И вотъ онъ три года такъ стоитъ. Онъ думаетъ, что находится въ змѣиной норѣ.

— Тогда я понимаю, кто это такой. Это человѣкъ, лишившій вдовъ и сиротъ ихъ достоянія и обманомъ, но законнымъ образомъ, снявшій съ нихъ все до послѣдней ниточки! Видишь ли, есть другіе законы, кромѣ тѣхъ, которые имѣютъ силу на судѣ. Но, Эсфирь, почему кажется ему, что онъ въ змѣиной ямѣ? Вѣдь онъ не читалъ же 24-й пѣсни «Ада» Данте, гдѣ описано, какъ змѣи мучаютъ воровъ.

— Тамъ это описано? Нѣтъ, Данте онъ не читалъ!

— Но откуда взялъ это Данте? Какъ ты думаешь? Изобрѣлъ онъ это, или имѣлъ какое-нибудь основаніе прійти къ такому выводу? И есть ли что-нибудь объективное, положи-

тельное въ этого рода наказаніи, которое вы называете болѣзнями? Да, отвѣчу я, и на это я имѣю основаніе... Я думаю также, что въ религійи есть на это указаніе... Если бы ты читала Сведенборга, то нашла бы, что его описанія преисподней имѣютъ нѣчто общее съ тѣмъ, что ты здѣсь встрѣчаешь.

Они прошли дальше. Эсфирь шла быстро впередъ въ своемъ плащѣ и съ вьющимися волосами, блестящими при свѣтѣ газовыхъ рожковъ, какъ золото. Графъ, стройный, мрачный, блѣдный, слѣдовалъ за ней.

Они опять остановились у рѣшетки. За ней сидѣла молодая дѣвушка и ничего не дѣлала.

— Поговори съ ней, — сказалъ графъ.

— Что вы тутъ дѣлаете, фрекенъ? — спросила Эсфирь, только для того, чтобы исполнить желаніе Макса.

— Я страдаю, — отвѣчала дѣвушка, отличавшаяся поразительной красотой, струившейся, казалось, изъ чертъ лица и изъ глубины души.

— Почему же вы страдаете?

— Я страдаю за злодѣянія отца; ему некогда нести наказаніе, такъ какъ онъ долженъ работать на семью, а я просила у Бога позволенія страдать за него. Такъ какъ я совершенно невинна, то мое страданіе сильнѣй тѣхъ, которыя бы онъ переносилъ, и поэтому срокъ наказанія будетъ сокращенъ. Но горе ему, если онъ будетъ неблагодаренъ или если онъ не исправится, тогда онъ самъ будетъ нести кару. Онъ это знаетъ и потому наблюдаетъ за собой. Онъ тоже знаетъ, что я всюду слѣдую за нимъ и слѣжу за нимъ. Ахъ! Это очень тяжело, но этому будетъ конецъ. Черезъ три года я къ Рождеству вернусь домой!

Они пошли еще дальше.

— Не думаешь ли ты, — спросилъ Максъ, — что этотъ

ангелъ сознаеть, что дѣлаетъ? Не думаешь ли ты, что она въ полномъ разумѣ? Потрудиись тайкомъ допросить отца и узнай, говоритъ ли она правду.

— На это у насъ времени нѣтъ!

— Ты права! Но обратила ли ты вниманіе, на кого она похожа?

— Да, теперъ я узнаю, о комъ ты думаешь...

— Если это его сестра, то ты знаешь, кто отецъ! Но куда ведетъ эта лѣстница?

— Къ самымъ тяжелымъ! Тамъ живутъ...

— Я знаю. Тамъ преисподняя Сведенборга для сладострастныхъ...

— Это говоритъ Сведенборгъ?

— Да. Похоже?

— Похоже.

— Теперъ мнѣ становится страшно!

— Послушай-ка! Въ «Аду» Данте описано, какъ воры, за неимѣніемъ чего-либо другого, похищаютъ одинъ у другого видъ. Помнишь ты тотъ оставшійся невыясненнымъ процессъ норрландскаго вора: сложное убійство; женщина, которая въ купѣ желѣзнодорожнаго поѣзда что-то видѣла во снѣ... подумай объ этомъ. Вспомни также оба таинственные случая въ Норрландѣ и Остерготландѣ, гдѣ, казалось бы, не было преступленія, по крайней мѣрѣ матеріальнаго, а однако... столько было страданія... Да, если бы мы могли высказать всѣ наши мысли... Руссо поступилъ достаточно неразумно, дѣлая это... Вотъ какъ мы выглядимъ внутри себя! И эта внутренняя жизнь иногда прорывается наружу, пугаетъ всѣ понятія, затаиваетъ ясныя доказательства, и жалобщикъ становится виновнымъ. Поэтому намъ слѣдовало бы прежде всего очистить внутренность сосуда... Что за страшный маскарадъ—жизнь! Я

не могу бывать въ обществѣ, потому что я слышу помышленія, читаю на лицахъ и такъ бываю строгъ къ самому себѣ, что наказываю себя за свои тайныя мысли, которыя бывають зачастую настолькоъ ужасны, что я не могу въ нихъ признаться... Въ обществѣ дурныхъ людей я иногда молчу, какъ бы оберегаемый какой-то силой, но иногда злоба этихъ людей переходитъ на меня, и они говорятъ моими устами... Они же думаютъ, что я дурной человѣкъ...

Они шли все дальше и дошли, наконецъ, до зала, гдѣ устроено было небольшое празднество. Максъ не захотѣлъ войти и остался въ дверяхъ.

— Это напоминаетъ мнѣ самое ужасное, что я когда-нибудь видѣлъ. Это былъ такъ называемый вѣнскій балъ для развратныхъ мужчинъ и женщинъ въ Берлинѣ. Я отправился туда съ полицейскимъ комиссаромъ и врачомъ. Вообрази себѣ: молодой человѣкъ влюбленъ въ женщину сорока лѣтъ, съ грубымъ, краснымъ, некрасивымъ лицомъ, съ усами, въ ринсе-пез и ухаживаетъ за ней. Она должна быть его возлюбленной! Кто ослѣпилъ его? Что за этимъ кроется? Должно же быть этому какое-нибудь основаніе?— Нѣтъ, я не войду! Я боюсь сумасшедшихъ. Они на меня дѣйствуютъ, какъ демоны, потому что они выговаривають вслухъ всѣ мои тайны и даже еще неродившіяся мысли. Вотъ особенности сумасшедшаго: онъ живетъ въ молчаніи, полномъ смысла; онъ проникателенъ до злобы. Онъ слышитъ на невѣроятномъ разстояніи то, что еще не стало звукомъ; онъ видитъ насквозь мысли и чувства; его душевныя свойства стоятъ въ извѣстной степени надъ нашими обычными, поэтому онъ не погружается въ маскарадъ жизни... Смотри, вѣдь вотъ поэтъ!

— Да, онъ теперь противъ себя же читаетъ о нравственности!

— И онъ не знаетъ, что Прекрасная Елена чередуется съ его банальными пѣснями?

— Нѣтъ, этого онъ не знаетъ!

— Что бы было, если бы онъ это узналъ? Его личность уже какъ бы раздвоилась; но въ дисгармоніи съ его прежнимъ я онъ разрѣшить этотъ диссонансъ компромиссомъ или борьбой противъ самого себя. Ты знаешь, эта нравственность, если ее какъ слѣдуетъ понимать, имѣетъ больше за себя, чѣмъ противъ себя. Играть съ творческой силой — ужасно; и этимъ занимаются больше всего и хуже всего въ бракѣ, гдѣ это становится просто провозженіемъ времени. Поэтому я ради нравственности хотѣлъ бы уничтоженія браковъ. На двуспальной кровати теряешь свою личность, уваженіе къ себѣ и человѣческое достоинство. Тамъ продаешь свою душу, научаешься ее скрывать. Это гробъ, въ который опускается образъ Божій и откуда выходитъ звѣрь! Тамъ порождается безграничное презрѣніе къ собственному я, къ любви, къ супругѣ и домашнему очагу! Ну! Пойдемъ теперъ на «Шанцы». Черезъ полчаса настанетъ полночь!

* * *

Гости, собравшіеся въ «Готическихъ комнатахъ», направились въ гору, разговаривая мирно между собой. Шли старые и юные, отцы и сыновья, дядюшки и племянники, всѣ, какъ товарищи однихъ лѣтъ. «Смерть не есть извиненіе, и у возраста нѣтъ ранга». «Доказать отцовство нельзя, и поэтому мы всѣ братья» — таковы были лозунги того времени.

Во главѣ шествія выступалъ старый Густавъ съ Исаакомъ.

— Андерсъ, представь себѣ, написалъ также нѣсколько строкъ о семейномъ бытѣ въ Америкѣ, но я не хотѣлъ объ этомъ говорить молодымъ. Онъ пишетъ, что домашнее хозяйство исчезаетъ и что семьи все больше живутъ въ пансіонахъ (boardinghouse). Я допускаю,—пишетъ онъ,— что наше веденіе хозяйства—только лишняя трата денегъ, а алтаремъ домашняго очага является кухня. Стряпать да стирать,—и это съ восхода солнца и до захода,—вотъ жизнь хозяекъ дома. Разводы,—пишетъ онъ дальше,— столь же обычны, какъ свадьбы, и кажется, будто жизнь становится богаче вслѣдствіе этого обновленія личностей.

Исаакъ, не особенно любившій затрогивать эти вопросы, перешелъ рѣзко къ другой темѣ.

— Да, а Нобель умеръ и оставилъ приблизительно 30 милліоновъ.

— Значить, Академія получить часть денегъ и можетъ предпринять что-нибудь.

Во второй парѣ шли Куртъ съ докторомъ. Они затѣяли какой-то разговоръ о женщинѣ.

— Тогда,—продолжалъ начатый разговоръ Куртъ,—ушла чертовка на всѣ четыре стороны съ ребенкомъ съ цѣлью причинить мнѣ величайшее огорченіе. Но я не побѣждалъ за ней, а оставилъ ее на произволъ судьбы, что совсѣмъ не входило въ ея расчеты. Тогда она объявила, что я не джентльменъ, побѣждала къ адвокату и потребовала развода, ссылаясь на то, что я «не дѣлаю ее счастливой». Знаешь ли ты, что значитъ дѣлать женщину счастливой?

— Какъ же не знать: когда она тебя разоряетъ, безчеститъ, унижаетъ, то, значитъ, ты сдѣлалъ ее счастливой; и если она все это можетъ дѣлать безъ жалобы съ твоей стороны, значитъ ты джентльменъ!

Въ третьей парѣ Холгеръ и Селленъ разсуждали о газетѣ. Селленъ не долюблявалъ рецензій и личностей.

— Жизнь стала на взглядъ очень похожей на древнія Аеины: эфоры и цензоры производятъ дознаніе о поведеніи отдѣльныхъ лицъ; и нужно изъ этого положенія вещей стараться извлечь пользу для своего воспитанія. Да, впрочемъ, если всѣ проповѣдуютъ принципъ индивидуальности, то должны же отдѣльныя личности подчиниться исполнѣ личной критикѣ. Но зато мы изобрѣли интервью. Прежде бывало невозможно отвѣтить на несправедливое обвиненіе: приговоръ газеты бывалъ чисто драконовскій. Теперь самое скромное лицо можетъ отвѣтить и дать объясненіе. Это уже большой успѣхъ.

— Да, но если несправедливо...

— Нѣтъ ничего глупѣе несправедливой оцѣнки. Человѣкъ, съ которымъ поступили неправильно, становится жертвой и часто завоевываетъ симпатіи не по заслугамъ... Здѣсь у насъ очень трудно таланту выдвинуться впередъ, потому что часто слава создается по дружбѣ и свойству. Бываетъ однако зачастую и такъ, что выдвигаются впередъ, благодаря зависти другихъ къ конкуренту, и это даже обычная вещь. Чтобы погубить человѣка, которому завидуютъ, приходится выдвинуть другого... Всего же хуже созиданіе дѣла на рекламѣ, и я совершенно не понимаю, почему люди о себѣ публикуютъ въ газетахъ. Когда я вижу бросающееся въ глаза объявленіе, мнѣ становится страшно, — я думаю, что тутъ кроется обманъ! Нѣтъ, пропаганда изустная съ помощью покупателя, пріобрѣтшаго хорошій товаръ, вотъ это—единственный вѣрный путь. Нашъ другъ Лундель, художникъ, всю жизнь рекламировалъ себя, но ничѣмъ не выдвинулся, умеръ безъ славы и черезъ годъ забытъ!

Исаакъ былъ въ отличномъ настроеніи.

— Пусть говорятъ, что хотятъ, но безъ арміи спасенія и храмовниковъ вся Швеція спилась бы. Они не изъ пріятныхъ въ общежитіи, но...

— Какъ приготовительная школа для Америки, они роль свою сыграли, а также и для подъема народнаго самосознанія. Всѣ большія реформы въ нашей социальной жизни шли частными путями безъ ригсадага: вѣдь правительство ничего никогда другого не дѣлало, а только всегда все тормозило. Уничтожить риттергаузъ не мудреная вещь, и дворянская родословная книга существуетъ и теперь, но жизнь нанесла дворянству смертельный ударъ. Она сыграла въ отношеніи его роль гильотины. Таѣимъ же точно образомъ создали храмовники трезвость, пиетисты уничтожили государственную церковь, литература измѣнила нравы, а частные банки ввели реформу въ экономическую жизнь.

— Кстати, объ экономіи! Знаешь ли ты, что самое выгодное предпріятіе въ Швеціи—это страхование жизни. Не потому, чтобы люди думали о смерти, а потому, что страховой полисъ служитъ обезпеченіемъ для ссудъ, такъ какъ всѣ занимаютъ... Но самая большая выгода, это отъ просроченныхъ страховокоъ... До чего это по-шведски! Чтобы получить 200 кронъ, платятъ шестьсотъ кронъ, а потомъ просрочиваютъ взносъ!

Во второй парѣ докторъ все придерживался своей любимой темы.

— Однажды она вернулась изъ театра и захотѣла имѣть бутербродъ изъ холодной телятины и огурецъ. Послѣ того, какъ она съ руганью разбудила меня, телятина нашлась, но огурца не оказалось; тогда она подняла цѣлую бурю, и это длилось до утра. Когда я набросился на нее, она объ-

явила, что я не джентльменъ, и отправилась къ адвокату и заявила, что я не дѣлаю ее счастливой, — точь въ точь, какъ твоя. Возможно ли, чтобы здоровый мужчина жилъ съ такимъ сумасброднымъ ребенкомъ? Это значитъ предавать свое имя и честь въ руки злѣйшаго врага! Кого она любитъ, того она ненавидитъ! Сора и ненависть — вотъ вся любовь женщины. Мужчина любитъ, а она ненавидитъ. Все прекрасное, что мы въ ней видимъ, это лишь наше отраженіе. Свѣтъ изойдетъ ненавистью! Дѣти рождаются и воспитываются въ ненависти! Противно жить въ развращенное время, гдѣ все превратно. Видятъ ли онѣ мужчину съ мужской силой воли, — онѣ говорятъ, что онъ похожъ на женщину. Видятъ ли онѣ альфонса, говорящаго отъ имени женщинъ и продающаго свою волю женщинѣ, онѣ восклицаютъ: «Глядите, вотъ мужчина! Вотъ какимъ долженъ быть мужчина!» Поэтъ Гренлундъ, подкупленный и живущій на содержаніи, — это дамскій поэтъ! Онъ пишетъ противъ своего собственнаго пола и порочить его...

Они подошли къ мосту. Тутъ вдругъ предстала передъ ними освѣщенная гора Шанульбергъ и какъ бы повисла въ воздухѣ башня Бреда, служащая для метеорологическихъ наблюдений.

Они остановились и молча глядѣли на гору. Затѣмъ шествіе изъ шести человекъ снова двинулось дальше.

— Вѣдь Селленъ открылъ въ 1870 году Шанцы... тогда еще не было метеорологической башни; въ то время горой этой художникъ воспользовался для картины...

— Я никогда не забуду, какъ какой-то французъ съ эскадры дня три преслѣдовалъ меня выраженіемъ: «*Prost Akropolis*».

— Причины переселенія?

— Взгляни на государственную роспись и на военный списокъ.

— Теперь все протекаетъ такъ быстро, что дѣлается невозможно пользоваться понятіемъ, имѣющимъ за собой десятилѣтнюю давность, такъ какъ оно уже становится отжившимъ. Гдѣ панславизмъ? Пангерманизмъ? Боруссіянизмъ? Нигдѣ! Гдѣ американская пшеница, ввергшая въ страхъ всю Европу? А Реблаусъ? Погибъ, и Франція не знаетъ, куда ей сбывать излишекъ вина.

— Все, кажется, понемногу приходитъ въ порядокъ, но нельзя отрицать нѣкотораго провидѣнія. Раньше чѣмъ освобожденъ былъ Дрейфусъ, долженъ былъ умереть Бисмаркъ. Послѣ его смерти появился рескриптъ, и этимъ была отмѣнена мысль о реваншѣ, этимъ могли быть отворены двери Китая и помилованъ Дрейфусъ.

— Пусть говорятъ люди, что хотятъ, но германскій императоръ настоящій мужчина. Это единственный монархъ, который рѣшается использовать свои законныя права и личное вліяніе. Его телеграмма трансваальцамъ доказываетъ его мужество.

— Конституціонные монархи — вѣдь это ничто. Развѣ не могъ бы государственный маршалъ открывать и закрывать ригсдагъ? Ордена можно было бы легко уничтожить, тогда нечего было бы и раздавать.

— Если бы употребить сравненіе Марка Твена, то можно было бы сказать: настоящее человѣчества — уничто-

женіе всѣхъ старыхъ цѣнностей; взглядъ на прошедшее при электрическомъ освѣщеніи; старая культура, продающаяся съ аукціона, при чемъ ничто не имѣетъ цѣны, берется въ расчетъ только настоящая рыночная цѣна. Все должно обратиться въ деньги, безразлично по какой цѣнѣ... въ первый разъ, во второй разъ и въ третій разъ!

— Отъ времени до времени слѣдовало бы предавать огню нѣкоторыя бібліотеки, а то грузъ становится черезъ чуръ тяжелымъ. Китайцы и арабы сдѣлали это, а Японія отставила въ сторону цѣлую культуру... Да! Японія!

— Вы говорите, что Холгеръ въ тюрьмѣ узналъ многое, о чемъ не хочетъ говорить... Но что онъ утерялъ свою прежнюю вѣру въ обезьянъ и въ механизмъ безъ механика—это несомнѣнно. Такъ далеко, какъ Максъ, онъ не пошелъ...

— Да, Максъ и Эсфирь! Въ ихъ дѣла никто не сможетъ вмѣшаться; ихъ дѣла должны быть тайной, требующей уваженія. Въ двѣ соединенныя духовныя жизни никто не можетъ и не смѣетъ впутываться обнаженными руками.

— Почему разрастается Стокгольмъ не въ сторону моря, а къ болотамъ? Стоитъ ли заниматься спекуляціей и продавать участки на такой неудобной для расселенія землѣ? Нѣтъ! Необходима березовая улица, длинная линія, идущая, какъ въ Копенгагенѣ, отъ самыхъ оживленныхъ улицъ и до стѣны блокгауза; торговля должна бы сосредоточиться на островѣ Сикла, флотъ на Ваксхольмѣ... Къ морю! къ морю!

— Пасторъ Алротъ лежитъ въ больницѣ въ ожиданіи операциі. Ужасный храмъ, эта больница: тамъ люди при-

носятся на закланіе невѣдомой богинѣ, жаждущей видѣть слѣпую кишку. Туда ихъ приводятъ, какъ собакъ къ ветеринару, чтобы быть убитыми.

— Кстати о собакахъ! Вѣдь это позоръ, что въ Стокгольмѣ шесть тысячъ собакъ отнимаютъ у дѣтей хлѣбъ и молоко! И домовладѣльцы сдаютъ свои красивыя квартиры животнымъ и имъ подобнымъ... Законно ли это? Вѣдь значитъ въ контрактѣ, что жильцы обязаны вести тихій и спокойный образъ жизни! Животныя, слѣдовательно, получили больше правъ, чѣмъ люди. Если бы слуги возмutilись и отказались бы выходить на улицу и мерзнуть, пока собаки наслаждаются въ компаніи другихъ собакъ, то общество, пожалуй, отрезвѣло бы. Заставлять служанку стоять передъ воротами и глядѣть на гадости! Фу! Что за люди!.. Состраданіе къ животнымъ! Раньше слѣдовало бы подумать о людяхъ!

Общество все выше поднималось въ гору.

— Акрополисъ! Священная гора! Капитолій!

— Гражданинъ вселенной вовсе не означаетъ того, чтобы норвежцы изъ своего посольства въ Стокгольмѣ управляли бы Швеціей. Нѣтъ! У всѣхъ союзниковъ должно быть національное управленіе.

— Даже въ талмудѣ выражено проклятіе тому мужчинѣ, который даетъ волю женѣ.

— Послушайте-ка! Теперь собаки подняли лай, когда услышали пѣніе съ башни. Ничего безъ собакъ не дѣлается! Я высоко пѣню турокъ и японцевъ! У нихъ нечистое животное и считается нечистымъ, а у насъ...

— Посмотри, вотъ въ этой хижинѣ стоитъ Грѣнлундъ и руководить этимъ почитаніемъ дьявола! Да, кто чтитъ

Карла XII, тотъ, несомнѣнно, почитаетъ дьявола, а кто молится на Густава - Адольфа, тотъ долженъ былъ бы прочесть «*Diarium Spirituale*» Сведенборга...

Все общество оживленно бесѣдовало; слышались все тѣ же мотивы конца столѣтія, но въ разныхъ тонахъ.

— Виски, столь распространенный, сталъ употребляться съ 1890 года; онъ приводитъ людей въ грустное настроеніе и вытѣснилъ радостный пуншъ, который всегда вызываетъ къ пѣснямъ и игрѣ въ кегельбанъ. Велосипеды и телефоны увеличили быстроту и этимъ усилили нетерпѣніе въ людяхъ: быстрый результатъ, или не надо никакого! А женскій злобный теннисъ, въ которомъ дѣло состоитъ больше въ томъ, чтобы нанести увѣчые своему партнеру, чѣмъ въ томъ, чтобы, какъ въ игрѣ въ мячъ, самому сдѣлать хорошей ударъ. Это пустяки, но затѣмъ пришла еще игра въ поккеръ, жульническая игра на деньги!

— Если женщина, какъ это наблюдается теперь, въ каждомъ спорномъ вопросѣ ставитъ свое veto противъ воли мужчины, то онъ теряетъ всякое значеніе, и ложь воцаряется на свѣтѣ.

— Я въ нашемъ кругу никогда не видалъ женатаго мужчину, измѣняющаго супружеской вѣрности, если онъ не былъ вынужденъ къ этому своей женой...

— Жениться? Нѣтъ, благодарю! Содержать пріятельницу для молодыхъ людей, а самому сидѣть дома и молчать. Недавно былъ у насъ молодой человекъ, который въ моемъ присутствіи объяснился въ любви моей женѣ.

— Ревность—чистое чувство мужчины, удерживающее его вдали отъ половой сферы другого человека, куда онъ могъ бы быть мысленно вовлеченъ благодаря женѣ. Я зналъ мужа, который наслаждался кокетствомъ жены и очень любилъ ея друзей дома...

— Онъ ненавистникъ женщинъ? У него всего четыре вывода дѣтей, и онъ три раза разводился! Это только по отношенію къ нему ругательное слово и ложь!

— Да, слабая сторона механическаго міросозерцанія лежитъ въ недостаткѣ мотора. Безъ мотора не могу представить себѣ никакого движенія. Люди, не вѣрующіе ни во что, вѣрятъ въ perpetuum mobile.

— Вавилонъ и библия и Хаммурави! Но это доказываетъ, что библия не лишена авторитета и вѣрнаго источника, а не просто выдумка! Она, слѣдовательно, еще старше, чѣмъ казалось. Притомъ въ Ветхомъ Заветѣ значатся источники, и все же вы не вѣрите въ библию, хотя я въ сущности не понимаю, почему вавилонскія письма должны считаться достовѣрнѣе библии.

— Когда вы добьетесь всеобщаго голосованія, то большинство будетъ за храмовниковъ и шетистовъ. Вы не вѣдаете, что творите. Но что консерваторы боятся всеобщаго голосованія—это непостижимо.

— Хотятъ подъ видомъ лотереи взвалить на нихъ національный театр! Вотъ мысль! Да, это дѣлается для того, чтобы на національной сценѣ не ставить национальных драматурговъ. Я тамъ бывать не буду. Это будетъ нѣчто въ родѣ любительскаго театра.

— Литература? Это какое-то чавканье! Ничего новаго не вырастаетъ на паровомъ полѣ. Случайно просѣянная мякина, которая слишкомъ поздно вырастаетъ.

— Алльквистъ? Развѣ мы должны остановиться на Бикѣ, Фуке и Гофманѣ! Нѣтъ! мы дальше ушли съ Золя и Киплингъ. Видите ли, это сущее невѣжество, если они хвастаются оригинальностью Алльквиста: значитъ они не узнаютъ его источниковъ. Его романы—это воровскіе романы, а пьесы его—это просто навозъ. Онъ даже не зна-

еть, что драма должна развиваться въ настоящемъ времени и непосредственно участвующими въ ней лицами. Въ пьесѣ «Лебяжій гротъ» персонажи передаютъ сюжетъ въ разсказѣ.

— Но музыка его?

— Это позоръ! Онъ укралъ ее изъ финскихъ народныхъ пѣсенъ и другихъ мелодій. Такъ всегда бываетъ, когда некультурность и необразованность вздумаетъ сдѣлать открытіе. Люди знаютъ, что эти произведенія стары; публика незнакома съ оригиналомъ и восхищается копіями. Но мы вѣдь живемъ въ развратное время обмана, когда доброе считается злымъ, маленькое числится большимъ. Если когда-нибудь будутъ обличены три наивеличайшихъ обманщика — стерилизованный Пастёръ, антимузыкальный Вагнеръ и глупый Ибсенъ,—то все снова войдетъ въ свою колею. Куриная холера! Сумерки боговъ! И Нора! Мерзость!

— Матеріальное развитіе ушло впередъ, но духовная и умственная жизнь сильно отстали. Едва ли найдется одинъ человѣкъ, способный логически разсуждать. Когда, напримѣръ, я утверждаю, что фактически всю духовную и матеріальную культуру далъ мужчина, то мнѣ отвѣчаютъ на это «нѣтъ», потому что Роза Рюкёръ написала (очень плохія) картины и получила орденъ Почетнаго Легиона, Жоржъ Сандъ—романы (жалкіе), а Ковалевская знала математику. Развѣ мы напрасно изучали въ школѣ логику Аристотеля? Они дрожатъ передъ самкой, эти зоологи! Или можетъ быть поклоненіе женщинѣ это своего рода суевѣріе? Атеистамъ надо же было что-нибудь обожать, и вотъ они впали въ заблужденіе! Можетъ ли быть доказанный фактъ предметомъ особаго взгляда? Говорятъ о моихъ взглядахъ на женскій вопросъ. Если сегодня понедеѣльникъ, то это фактъ, не зависящій отъ личныхъ взгля-

довъ. Сегодня понедѣльникъ, передъ этимъ было воскресенье, а затѣмъ будетъ вторникъ! Точно также въ общей цѣпи женщина идетъ за мужчиной, а за ней слѣдуетъ ребенокъ.

— Финны должны были бы Бьернсону воздвигнуть позорный столбъ, такъ какъ онъ въ русскихъ газетахъ возбуждалъ русскихъ противъ шведовъ.

— Бьернсонъ? Норвежцы глубоко его презираютъ, и если бы онъ не былъ имъ нуженъ, какъ реклама для ихъ рыбачьихъ деревушекъ, они давно стерли бы его! Теперь же госпожа Каролина хотѣла бы сдѣлаться королевой Швеции, и для этого избранія у женщинъ хватитъ приверженцевъ...

— Фалькъ воскресъ изъ мертвыхъ! Слышали вы объ этомъ?

— Теперь онъ, вѣроятно, закаленъ въ аду?

— Алльквистъ? Да, это богъ тѣхъ, кто питается мышьякомъ...

— Писать не о чемъ; создавать искусство, лишенное содержанія—это промышленность; это искусство ювелировъ и мѣдниковъ. Великаны литературы—Диккенсъ, Бальзакъ, Золя—никогда не писали стиховъ. Стихъ принадлежитъ дѣтскому періоду народовъ, когда дикари даже законы свои писали риемами, чтобы лучше сохранить ихъ въ памяти, да и дѣти щебечутъ риемами.

— Паденіе естественныхъ наукъ началось со времени натурализма. Специалисты сдѣлались собирателями коллекцій, а ихъ услугами пользовался Геккель, самый великій изъ нихъ, такъ какъ онъ одинъ былъ и наблюдателемъ и классификаторомъ.

— Люди воображаютъ себѣ, что могутъ дезинфекціей спастись отъ зараженій бактеріями! Какимъ образомъ

можно дезинфицировать воздухъ, пропитанный органической грязью и пылью? Сохраняй свое здоровье и свои силы,—вотъ въ чемъ дѣло! Работай днемъ, высыпайся по ночамъ и будь умѣренъ въ жизни. Вы говорите о питьѣ! Распутство еще того хуже, а курить такъ же вредно, какъ пить! Кто отравленъ былъ никотиномъ и получилъ порокъ сердца, бессонницу, тотъ это знаетъ. Говорятъ о распутствѣ холостыхъ! Имъ, бѣднымъ, рѣдко подвергается случай къ распутству; но взгляните на женатыхъ: супруги сидятъ съ глазу на глазъ и дошли до отупѣнія. Они скучаютъ и, чтобы разсѣять тоску, изобрѣтаютъ мало ли что. Подъ конецъ они настолько перестаютъ уважать другъ друга и такъ одинъ другому становятся противны, что глядятъ другъ другу въ лицо и слова вымолвить не могутъ. Источникъ, откуда они должны были бы черпать силу, взявъ всю силу. Они погнались за воображаемымъ наслажденіемъ, котораго не нашли на своемъ пути, потому что оно являлось цѣлью. Ахъ! не говори мнѣ о благословенномъ супружествѣ...

— Но кто же поддерживаетъ незаконныхъ дѣтей?

— Законъ! Законъ объ обязанности воспитывать дѣтей...

— Экзаменъ зрѣлости? Всѣ экзаменаторы и учителя провалились бы, если бы ученики могли ихъ экзаменовать! Развѣ это равная игра, когда цѣлый синклитъ учителей набрасывается на одного ученика; когда цѣлый совѣтъ специалистовъ требуетъ, чтобы мальчикъ предсталъ передъ нимъ, какъ овца на закланіе? Вѣдь гдѣ же тутъ смыслъ? И я не понимаю, какъ человѣкъ можетъ сдѣлаться студентомъ; я считаю за чудо то, что я сталъ студентомъ! Это и произошло не вполне чисто! Но они, вѣроятно, не вѣдаютъ, что творятъ! Бѣлая фуражка студента—это знакъ

отличія, какъ галуны и эполеты лейтенанта. Общество требуетъ знаковъ отличія! Бѣлая фуражка обозначаетъ лишь, что у юноши состоятельные родители, а этимъ хвастаться не слѣдуетъ.

— Сидѣть верхомъ на четвероногомъ животномъ теперь стало искусствомъ. Если нельзя сдѣлаться ниѣмъ другимъ, такъ человѣкъ становится искуснымъ наѣздникомъ!

— Аняла!

— Когда всѣ хоромъ кричатъ: «Вѣдь онъ пишетъ о женѣ своей!»—то я спрашиваю, пишетъ ли онъ хорошо?— Если да, то онъ можетъ писать, даже если она очень некрасива и зла, потому что требуется прежде всего, чтобы онъ о некрасивомъ писалъ хорошо. Это и есть гинолатрія! Какъ только жена принимается писать, то, если даже она пишетъ о мужѣ своемъ самую вопіющую ложь, ее будутъ хвалить. Вотъ тебѣ справедливость и равноправіе— въ сущности одно вранье!

— Остановить переселеніе изданіемъ особаго закона? Развѣ можно было помѣшать передвиженію народовъ? Развѣ можно было измѣнить законы всемірной исторіи?

— Ковалевская и другія это только новыя имена для поклоненія мужчинъ передъ женщинами. Поклоненіе, какъ воздаяніе,—прекрасно и справедливо, но разъ его требуютъ женщины, какъ принадлежащаго имъ по праву, оно становится вопіющей несправедливостью.

— Золя задохся отъ угара, Траріе умеръ, Лазарь тоже, и процессъ былъ снова возобновленъ при закрытыхъ дверяхъ. На этотъ разъ дѣло велось тайно въ судѣ, и ни одна изъ заграничныхъ газетъ не получила отчета о за сѣданіи, когда защищались генералы. Justice, vérité, blague!

— Что значитъ быть либераломъ или свободомыслящимъ? Это значитъ быть сверхчеловѣкомъ!—Весь низ-

шій классъ либераленъ, что же, значить ли изъ этого, что въ низшемъ классѣ сверхчеловѣки, а въ высшемъ люди низкіе? Что демонъ демократиченъ, это явствуетъ уже изъ названія. Если израильтянинъ отрицаетъ Божество Христа, то это еще не значить, что онъ либераль; если финляндецъ ненавидитъ русскихъ — то это еще не значить, что онъ либераль; если женщина эмансипирована, то это еще не значить, что она либеральна; если человѣкъ, не имѣющій права голоса, стоитъ за общую подачу голосовъ, то это еще не значить, что онъ либераль; если человѣкъ не занимающійся торговлей, стоитъ за безошлинную торговлю, то это еще не означаетъ, что онъ либераль. Стоять за свой интересъ не есть добродѣтель: это только вполне естественно.

— Человѣкъ, который пользуется животнымъ, чтобы вредить другому человѣку, долженъ былъ бы быть подвергнутъ смертной казни, потому что сближается съ животнымъ, а содомскій грѣхъ карается смертью.

— Полиція въ городахъ государства запрещаетъ содержаніе вредныхъ и опасныхъ животныхъ, она также слѣдитъ за чистотой улицъ и тротуаровъ, но городское управленіе, которое могло бы запретить держаніе въ городѣ собакъ, не рѣшается къ нимъ прикоснуться! Это страхъ передъ собакой! Иначе этого не объяснишь!

— Когда будутъ безмолвны законы, камни заговорятъ!

— Слава Швеціи лежитъ не въ «Шанцахъ», не въ въ цейхгаузѣ, не въ Риттерхолмской церкви съ ея королевскими могилами; слава Швеціи зиждется въ Академіи Естественныхъ Наукъ и въ Государственной Библіотекѣ, въ Национальномъ Музеѣ! Иди туда, прохожій! Взирай, шведъ, ты увидишь свою науку, свою литературу, свое искусство и ты убѣдишься, что и ты гражданинъ вселенной!

— Съ какой стати ему платить за содержаніе разведенной жены? Она найдетъ себѣ любовника или выйдетъ вторично замужъ, а первый мужъ будетъ платить за любовь другого. Это несправедливо, тѣмъ болѣе, что такимъ образомъ онъ вслѣдствіе матеріальнаго стѣсненія лишентъ будетъ возможности вторично жениться или вступить въ любовную связь!

— Въ такой безплодной странѣ и въ такое безплодное время воздвигаются препятствія всякой продуктивности. Художникамъ и писателямъ приходится баклуши бить, чтобы не проявить своей продуктивности.

— Что дѣлать въ школахъ! Тамъ наука не преподается! Только выслушиваются отвѣты, т.-е. выслушивается то, что юноша самъ выучилъ дома. Кто учится одинъ, тотъ самоучка! Слѣдовательно, всѣ студенты самоучки! Если же студентъ презираетъ самоучекъ, то это только доказываетъ недостаточное уваженіе къ себѣ самому.

* * *

— Полночь наступаетъ съ востока,—замѣтилъ Максъ,— въ настоящую минуту она наступила уже надъ Балтійскимъ моремъ и несетъ въ рукахъ своихъ новое столѣтіе.

Они поравнялись съ бесѣдкой Сведенборга, и Эсфири казалось, что ей надо что-нибудь сказать о знаменитомъ шведѣ, который нынѣ возсталъ отъ столѣтняго забвенія и незаслуженнаго пренебреженія.

— Вѣдь ты не будешь же утверждать, что Сведенборгъ находился въ общеніи съ другими мірами? Нельзя же быть въ общеніи съ несуществующими мірами.

— Несуществующими? Взгляни на небо и на звѣзды! Не видишь ты ли другихъ міровъ?

— Да, но...

— Не видишь ли ты Капеллы? Вонъ ту большую бѣлую звѣзду?

— Вижу.

— Разъ ты ее видишь, то взоръ твой, слѣдовательно, поразилъ свѣтъ, ею испускаемый, и ты стала съ ней въ нѣкотораго рода общеніи, такъ какъ ты отъ нея нѣчто восприняла.

— Да, лучъ свѣта...

— Да, ты восприняла лучъ свѣта. Ну, а тебѣ извѣстно, что свѣтовымъ лучомъ можно вызвать звуковую волну.

— Нѣтъ, этого я не знаю.

— Ты не слыхала о фотофонѣ Белля? Благодаря ему, можно разговаривать на разстояніи съ помощью свѣтовыхъ лучей! Да, хотя ты этого не знаешь, но это существуетъ. Ты, слѣдовательно, можешь направить звуковую волну на свѣтовой лучъ Капеллы. Теперь тебѣ извѣстно, что звуковая волна можетъ перенести на разстояніе мысль; ты вѣдь ежедневно передаешь мнѣ свои мысли по телефону. Вѣрно ли мое разсужденіе?

— Да...

— Итакъ, изъ этого слѣдуетъ, что другіе міры существуютъ, такъ какъ ты ихъ видишь, и что ты могла бы направить къ нимъ звуковую волну черезъ посредство свѣтовой волны, и наоборотъ, оттуда воспринять мысль такимъ же путемъ.

— Вѣрное разсужденіе...

— Значитъ мы пришли къ соглашенію, что Сведенборгъ могъ сообщаться съ иными мірами.

— Этого я не постигаю...

— Что же, желаешь ли ты, чтобы я повторилъ свои доводы? Нѣтъ, ты этого не хочешь! У Холгера, пока онъ

находился въ тюрьмѣ, было много ощущеній, которыхъ разъяснить онъ себѣ не могъ, но которыя тревожили его. Пока мы что-либо не можемъ объяснить, мы это считаемъ мистицизмомъ. Онъ никогда не читалъ Сведенборга; когда же онъ вышелъ изъ тюрьмы, то приключилось съ нимъ слѣдующее,—это ты всегда можешь провѣрить. Послѣ выхода изъ тюрьмы жилъ онъ въ мудрствованіяхъ и не разъ думалъ, что находится на пути къ сумасшествію. Въ этотъ періодъ времени приходитъ къ нему однажды въ редакцію старинный другъ, человѣкъ безъ средствъ, и предлагаетъ сочиненіе Свендеборга «Arcana Coelestia», но у него были лишь книги 6, 7 и 8. Желая притти другу ни помощь, Холгеръ купилъ книги, не имѣя даже намѣренія ихъ читать. Когда же, оставшись наединѣ, онъ сталъ ихъ перелистывать, то нацель, что въ нихъ написано все то, что онъ перечувствовалъ въ тюрьмѣ, при чемъ этимъ чувствамъ были даны и объясненія. Это заставило его задуматься. Онъ постарался объяснить все гипнотизмомъ, внушеніемъ и т. п. Но, что бы то ни было, прошедшее и будущее представилось ему при новомъ свѣтѣ. Не прошло и двухъ недѣль, какъ ему пришлось быть въ Упсалѣ, и онъ отправился къ букинисту, чтобы приобрѣсти сводъ законовъ 1734 года. Ему пришлось рыться самому на полкахъ, и попадаются ему подъ руки 1, 2, 3 части Arcana, но другого изданія. Приѣхавъ въ Стокгольмъ, онъ идетъ въ лавку, чтобы купить все сочиненіе, но нигдѣ его не находить. Онъ уже собирается уйти отъ послѣдняго букиниста, когда ему пришло на мысль спросить, не продаютъ ли они отдѣльныя части сочиненія? Отдѣльныя части нашлись и какъ разъ 4 и 5 части, которыя ему не доставали. Если ты это назовешь случаемъ, то ты также можешь допустить, что человѣкъ, идущій играть въ ло-

терею, заранее опредѣлить, какіе номера выиграютъ. Онъ не сталъ спиритомъ и не имѣетъ видѣній, но онъ особенно впечатлителенъ. Потому его личность какъ-то очистилась.

— А ты читалъ Сведенборга? — прервала его Эсфирь, которая не очень цѣнила подобный разговоръ.

— Да, я его прочелъ! И я думаю, что ни одному человѣку не было открыто столько тайнъ, какъ ему... Это не простая случайность, что эта бесѣдка попала сюда на эту гору... и какъ разъ теперь онъ такъ нуженъ. Мнѣ кажется, я бы желалъ увидѣть его тамъ у входной двери, какъ Авраамъ, когда Господь навѣстилъ его въ рошѣ Мамврійской... Онъ вновь придетъ, но чтобы разрѣшить и судить, чтобы освободить духъ и чтобы связать животное!..

Я не понялъ хорошо, почему именно здѣсь, на этой горѣ содержатся всѣ эти грязныя животныя, но возможно, что это для того, чтобы мы видѣли разницу между ними и нами и чтобы это сравненіе научило насъ понять человѣка!.. Вотъ приблизилась полночь, и я чувствую наступленіе новаго столѣтія оттуда съ востока; теперь полночь распростерта надъ шхерами, зазвонили на Вагсхолмѣ... Приноситъ ли она съ собой миръ, миръ посредствомъ борьбы? Люди мира не хотятъ! Сегодня были 26-ю государствами подписаны совѣщанія Гаагскаго мирнаго конгресса! Но никто въ миръ не вѣритъ; всѣ вооружаются!.. Если ты хорошо судишь о людяхъ, то они поднимутъ тебя на смѣхъ; они знаютъ себя, и мы себя знаемъ, если же ты дурно о нихъ будешь говорить, то они разсердятся. Немного хуже своей репутаціи и немногимъ лучше— вотъ каково человѣческое отродье!

* * *

Теперь ударили въ колокола на обѣихъ башняхъ, а съ города поднялась какъ бы туча кроткаго звона, такъ что казалось, что гора дрожить. Что-то жуткое пробѣжало по толпѣ людей, которая невольно смолкла и обнажила головы, не задумываясь надъ тѣмъ, передъ кѣмъ она благоговѣла. Животныя скрылись въ норы и логовища, какъ язычники, испуганные звономъ колоколовъ, по соснамъ пронесся шорохъ, можетъ быть произведенный ночнымъ вѣтромъ, а можетъ быть и дрожаніемъ морского воздуха приведеннаго въ движеніе звономъ колоколовъ.

Великій Те Деумъ города поднимался все выше. Какъ громоотводы высились шпицы церквей, казалось бы для того, чтобы отклонить гнѣвъ. Но усѣянное звѣздами небо улыбалось кротко, дружелюбно, снисходительно.

Потомъ одинъ за другимъ замолкли колокола на горѣ и въ городѣ.

— Думаешь ли ты, что было слышно до неба?—спросила Эсфирь.

— Да, такъ же вѣрно, какъ то, что у меня живая душа,— отвѣтилъ Максъ.

— Ну,— началъ онъ снова послѣ недолгаго молчанія,— что ты думаешь насчетъ наступившаго новаго столѣтія?

— Вѣроятно, все останется въ томъ же положеніи!

— Приблизительно! Однако не совсѣмъ!

— Будемъ ли мы бродить? Вмѣстѣ ли?

— Да, часть дороги!

— Вверхъ, противъ теченія?

— Впередъ!

— Но отнюдь не въ сторону!

